

ПРИРОДА НЕБЫВАЛЬЩИНЫ

Часть первая. Про чудеса и тайны

Весь мир сам по себе чудесен, в нём всё волшебное, и важно чувствовать это волшебство и в себе, поскольку ты не отделим и от звёзд, и от моря, и от таинственной лесной чащи... Чудеса эти сохраняются в твоём сердце до тех пор, пока тебе достаточно того, что у тебя есть, и ничего больше тебе не надо... Только в этом случае волшебству никогда не придёт конец.

То, что для тебя в лесу оказывается присущим ему волшебством, для многих людей представляется вообще не существующим, потому как они заняты в жизни несущественным. Люди просто не могут о нём ничего знать, и, значит, видеть, ворота познания перед ними закрыты. Им не хватает мужества и настойчивости в достижении открытий, когда препятствия идут только на пользу, оказываясь незначительными, а божественная красота, наоборот, выступает наружу... Человек сам способен творить чудеса, если того пожелает.

Просто так разглядеть необычное в лесу суждено не всякому: для этого ты сам должен быть необычен, а значит, готов к принятию тайны, какой бы невероятной она ни казалась. Готовность эту ты давно вынашивал в сердце, и быть может, благодаря лесным чудесам, она, отчасти, и утвердилась в нём. Именно сердцем ты чувствуешь приближение чуда, и оно тебя никогда не подводит.

Столкнувшись с тайнами леса, ты как будто попадаешь в детство, что, кажется, ушло безвозвратно, но вот, оказавшись в волшебном лесу, оно возрождается в тебе, ты вновь переполнен значимостью всего, происходящего с тобой, и начинаешь замечать всё то, чего не упускал только в детстве... Ты опять чувствуешь себя самым богатым человеком на свете!

Обаяние и правда леса так велики, что никогда не придёт на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой... Скорее, лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной... Всё в природе происходит вследствие действия исконных законов Вселенной, и чудеса – это её пока необъяснимые, но вечные неизменности, что даже после их понимания не перестают оставаться чудесными.

К чуду прийти гораздо легче, если знаешь о лесе больше, чем другие, а когда что-то в лесной жизни и вовсе остаётся неизвестным, то тебе остаётся только терпеливо дожидаться долгожданной встречи с чудесным: ведь ты знаешь, как всё здорово у тебя может получиться, стоит лишь проявить выдержку, и ты очень радуешься этой способности видеть то, чего не видят другие, которую ты обрёл в долгих хождениях по лесу... Лес чутко

примечает приобретённую тобой привычку, и следит теперь только за тем, чтобы ты не навредил ни ему, ни себе.

Бывает, чудеса перестали к тебе приходить, уже долгое время их в твоей жизни не было, и это означает, что ты прервал свою душевную связь с миром леса, примирился по какой-то причине с их отсутствием, и если такое положение дел не тревожит твоё сердце, оно устраивает тебя, его лишь требуется принять. Быть может, встреченных тобою в жизни чудес вполне тебе хватает, и ты перестал посещать лес, тайны его уже не привлекают тебя, как прежде, словом, ты успокоился и переболел своим увлечением лесной чащей...

Но если хочешь всё же вернуть невероятное в свою жизнь, вновь отправляйся в путешествие, иного пути для встречи с ним нет, и вероятнее всего – чудеса с тобой случатся: ведь они – слияние всего воедино, и красоты природы, и твоей собственной глубины, жаждущей ещё больших открытий... Даже преклонные годы не закроют от тебя появление чудес, они станут только более изысканными и простыми, если ты не изменишь самому себе...

А потому настоящее лесное чудо – это всегда, в первую очередь, вера в себя, в свой путь, что представляется чудесным... Отправляясь с утра в лес, я непременно даю себе наказ обнаружить там что-нибудь удивительное, и оно случается. Надо только иметь чуткое сердце, восприимчивое видение, и ты обнимешься с чудом. В лесу существует ещё очень много не воспринятых чудес...

Если ты переживаешь чудо, значит, ты мудро относишься к жизни, и она остаётся благодарна тебе за это, ибо чудо – повсюду, куда бы ты не отправился, а твоё воображение делает тебя ещё более сильным, потому как с помощью его ты способен выйти за пределы себя самого, соединившись и с лесным богом, и с Великим Целым. Чудо растворено в окружающем нас пространстве, его оказывается так много, что обычный человек это чудо не замечает, а искателя оно побуждает самого творить чудеса.

И вот что интересно: от увиденного в лесу чуда никогда не приходит ощущение нереальности происходящего, а наоборот, ты понимаешь, что чудо тебя только и ожидало, чтобы проникнуть в твою душу и сделать счастливым. Так ждут тебя и лес, и горы, и море, и если ты пришёл к ним с открытым сердцем, они обязательно вознаградят благотворным знанием, и порадуются за тебя... Чудо никогда не случится, если ты его сам не ждёшь, а потому – доверься ему, доверься себе, и оно придёт к тебе безо всякого уведомления, как первый снег...

Когда с тобой происходит счастье соприкосновения с чудом, ты, вроде бы, ничего не чувствуешь... Не чувствуешь, может быть, именно потому, что

счастлив: так устроены чудеса... Они до такой степени хороши, что не хватает ни сил, ни слов, чтобы выразить охватившее тебя радостное состояние.

Ты понимаешь, что само появление чуда и есть чудо, хотя в нём нет, как будто бы, ничего неправдоподобного, просто ты этого раньше не знал, или – не замечал, и оно представляется тебе сейчас чем-то необычным... Если тебе придётся столкнуться с таким явлением ещё раз, ты, быть может, и не будешь уже реагировать на него подобным образом, так непосредственно и восторженно, как это происходило, скажем, в детстве, или – впервые в жизни, чудо тебя, наверное, сильно не обрадует... Сколько же чудес существует на свете, и как было бы хорошо, если бы эти чудеса никогда не кончались!

Если хорошенько подумать, то увиденное тобой в лесу только однажды, вернее, впервые, сразу становится чем-то необычным, а на деле это необычное – самое обыденное для леса явление, просто ты с подобным никогда не сталкивался, и всё это нужно было умудриться увидеть, докопаться до него в своих нескончаемых лесных бдениях, чего далеко не каждый способен добиться, и отсюда – своеобразное отношение к тайнам леса, отчего и возводишь их в ранг невиданной небывальщины, что, собственно, недалеко от истины... Ведь они и вправду прекрасны, а ты, открывая эти самые, неизведанные ещё вещи, поначалу даже чувствуешь себя волшебником! Вспоминая все пройденные за жизнь лесные тропы, с приключившимися на них необыкновенными случаями, я убеждаюсь, что именно из таких волшебных моментов слагается сценарий твоего незабываемого существования.

Переживая все эти лесные чудеса, я однажды вдруг поймал себя на мысли, что самое невероятное в них то, что они вообще случаются, необыкновенно озаряя жизнь. Главное, чтобы душа жаждала чуда, и тогда ей просто необходимо его предоставить, то есть, достичь, непременно совершая усилия, и что ещё более чудесно - чудесней становится и твоя душа!

А вот если ты не веришь в волшебство, оно тебя и не коснётся, и даже старания у тебя настоящего при этом не получится. Ведь если ты не веришь, что ОТЕЦ-ЛЕС обладает своей таинственной душой, то и не почувствуешь её.

А между тем, лесные чудеса незамысловаты по своей сути, и лишь отображают глубину и многообразие природы... Нужно приглядеться к какой-либо птице или зверю попристальнее, подглядев их в самых причудливых, случающихся и с тобой и с ними в лесу ситуациях, во все времена года, ночью и днём, в ненастье или солнечное раздолье, и тогда,

накопив таким незаметным образом свой, непосредственно пережитый опыт, вдруг обнаружить однажды в этой самой птице или звере, о которых ты, кажется, всё разузнал, нечто тобой ещё невиданное, кажущееся оттого необыкновенным... В неведомых кладовых леса такой чудесной простоты, оказывается, много, и жить этой простотой страсть, как хорошо... Иди просто, лесной дорогой, так до своего счастья и дойдёшь! Лесной бог эту простоту тоже любит, и человека любознательного всегда примечает...

Не спеши в лесу, всматривайся во всё пристальнее, присядь на пенёк и внимательно осмотришься, а то немудрено и чудо пропустить, что требует вдумчивого и вкрадчивого отношения... Не торопись поскорей до своего лесного чуда добраться, старайся открытие в душе своей совершить, что подразумевает именно терпеливое вглядывание в окружающий тебя лес... Не спехом дело в лесу спорится, а толком!

Порой покажется, что встречающиеся тебе в лесу чудеса совершенно случайны, они происходят будто по волшебству, но ты-то, посвятив лесной чаще много лет, хорошо знаешь, что люди создают их собственной неутомимостью, словно зарабатывая эти достигнутые в своей жизни чудеса для чего-то... Им не терпится поделиться увиденным с родными, даже, быть может, посвятить им свои лесные открытия, а потом они вдруг понимают, что не могли не достигать их только ради себя, во имя собственной, порой – совершенно неопишуемой радости, и тогда эти искатели по-настоящему влюбляются в удивительный мир природы, в её незабываемую небывальщину, на самом деле – существующую...

Хорошо мечтать о чудесах, что обязательно встретишь в лесу, и тогда они действительно сбываются... Ты словно впускаешь волшебство в свою жизнь, потому что не в силах существовать без него, и оно обязательно приходит. Ты ожидал это волшебство, думал о нём, и оно случилось. Мечтайте о волшебстве, и осуществляйте свои мечты, и тогда ваша жизнь незаметно превратится в чудо.

Причём, чудеса могут располагаться в самых обыкновенных местах, ты здесь не раз бывал, но отчего-то не замечал их, устремляясь в мыслях в какие-то удивительные неведомые дали, где, непременно, по твоему разумению, и должны только располагаться эти необычайные явления, но они, между тем, живут у тебя под боком, прямо за околицей...

Бывало, спросят: а что самое удивительное, чего тебе привелось наблюдать в лесу? И я отвечу: его невидимая поначалу жизнь, что бурлит во всём своём волшебстве...

При этом я никогда не мечтал иметь волшебную палочку, чтобы сразу, без труда, всё замечательное в жизни для меня открылось... Нет, мне

хотелось именно отыскивать в лесу свои чудесные небывальщины, прикладывая к этому все свои силы, постепенно накапливая и умение, и терпение, и волю к достижению чудесных открытий, чтобы я надеялся только на своё счастье, и удача приходила бы ко мне заслуженно.

Чего мало, как говорится, то и в диковинку, а это малое, то есть, чудесное, непременно выходить в лесу надобно, и как это захватывающе интересно! Не то, что сказочное диво-дивное, подаренное тебе волшебницей-судьбой, которого, на деле, и нет...

Чаще всего люди, редко бывающие в лесу, а то и вовсе не посещающие его, воспринимают лесные чудеса как нечто сказочное, словом, несбыточное, больше придуманное кем-то для красивого словца, но на деле не существующее, я же рассказываю о чудесах настоящих, какими они совершаются повсюду в нашей жизни, тем более, в лесу, каждую минуту, и «чудесами» они называются потому, что на самом деле, по природе своей, действительно чудесны и удивительны, просто их не замечают, но оттого они не перестают существовать, наоборот, становясь ещё загадочнее и прекраснее... А чудеса, между тем, созданы для того, чтобы люди их открывали, вслушивались в них, вглядывались, и от переживания этих чудесных природных примеров и сами становились загадочнее и лучше.

Есть в вашей жизни чудеса – и вы живы, нет – отправляйтесь в поход за ними, потому как без чудес существование неинтересно, вам следует непременно встретиться с тем, что обогатит вашу жизнь, и если вы не совершите этого – она протечёт зря, не доставив никому радости, в первую очередь, вам, и лучше решиться прожить увлекательно, с пользой, нежели впустую... Задумайтесь об этом серьёзно, ведь чудеса ждут вас!

Чудеса, действительно, оказываются очень простыми вещами, на самом деле, неизвестными людям по причине их нелюбознательности, нежелания доискаться в жизни правды и о себе, и об окружающем мире, и это самое простое в жизни и представляется в ней удивительным. Иногда это крохотная, одиноко парящая в предвечернем небе звёздочка, что, вспыхивая белым огоньком, совершает полный поворот вокруг другой, более яркой звезды, причём, не один раз, а порой и вовсе нечто земное, замечаемое ещё в детстве, когда солнце, кажется, утопает в ослепительно поблескивающих весенних лужах, так что верится, будто они становятся бездонными, но всегда всё это, неожиданно увиденное, вернее, подмеченное тобой, несёт в себе огромную радость, так что сердце переворачивается в груди от счастья,

и ты видишь себя как бы со стороны, влюблённым в жизнь человеком... Если бы меня лишили однажды восприятия этой радости, я бы, наверное, умер от отчаяния... Но такие мысли, слава Богу, никогда не приходят мне на ум, и я всегда жду встречи с чудесами, похожими на сказочные сны, и они проявляются, отчего жизнь моя становится ещё прекраснее.

А как прекрасна дичь леса, когда заберёшься в какую-нибудь позабытую всеми глухомань с непролазными зарослями сладкой малины, старыми волоками, уже давно заброшенными, и оттого становящимися ещё более уютными, глухими логами, поросшими сочными травами, потаёнными лесными мочажинами, где по берегам кустится дикая смородина и ухает по ночам болотная сова, духовитым воздухом, насыщенным ароматом ягод и корней... Что за чудо просто находиться в лесу, в долгой разлуке желая с ним встречи... Что за счастье жить и дышать с лесной чащей в едином ритме, не представляя, как можно обходиться без её чудесной тайны, и если ты обращаешь к лесу всю свою душу, он непременно ответит тебе тем же. Ответит неисчислимыми чудесами, ещё не бывальными в твоей жизни.

Часто бывает так: кто-нибудь, прочитав мои рассказы, или, что случается ещё реже, прослушав мои истории про лес, с деланной завистью заявляет:»И повезло же тебе!» На мой вопрос:»Отчего же?», не менее деланно, даже с каким-то неудовольствием, проговаривает:»Ну, как же, столько привелось увидеть!» И я не сразу нахожусь, что бы такому человеку ответить, ибо скажи я ему сейчас, что все эти увлекательные случаи происходили со мной в течение множества нелёгких походов в лес, может быть, их было тысячи, он и вовсе не поверит мне, а ежели я добавлю, что и не каждый раз приносил мне что-либо замечательное из жизни природы, то человек этот вообще потеряет ко мне интерес... Почему подобное происходит?!

Начать с того, что большинство таких людей сами связаны с природой, живут в деревнях, и, конечно, с детства были хорошо знакомы и с пасечным делом, и с обитателями леса, и с охотой на них, и с работой на земле, но вот не досуг им было разбираться с лесными чудесами, воспринимались они этими сельскими жителями как нечто само собой разумеющееся, чему же тут удивиться? Всё в природе устроено обыденно, полагают они, и так же без затей эту природу надобно принимать... Завлекательно рассказать обо всём, что происходит в лесу, по их мнению, можно только с придумкой, то есть, выдумать историю, а на деле, так она самая обычная... Да и времени у человека, связанного с землёй, как правило, в обрез...

Что же касается городского жителя, то тот, скорее, из-за какого-то обьяввшего многих, особенно в последнее время душевного равнодушия,

нежелания поверить в чудесную бль, делает вид, что всё это, якобы, диковинное, его никак не занимает, да и пользы, собственно, не приносит, и тогда чему тут восхищаться?! Но всё-таки, заложенный в глубине души интерес к существованию, как и у любого другого индивида, у него имеется, время от времени он даёт о себе знать, и человек лишь напускает на себя необъяснимого для него самого туману, будто бы, с одной стороны, и не понимая – о чём речь, а с другой – завидуя втайне прочитанному или услышанному, и, что называется, кочевряжится, представляя из себя некоего простачка, решившего изобразить удивление... И вот, что ещё более печально, редко-редко повстречается тебе истинный ценитель и любитель всего прекрасного, существующего в природе, и именно ему ты, в первую очередь, посвящаешь своё повествование...

Такой человек несомненно поймёт, что «везение», если оно отчасти и присутствует при открытии лесных чудес, крайне ненадёжно... Оно сравнимо разве что с тем самым «вдохновением», коего безрезультатно ожидают некие творческие личности, которые непременно причисляют себя к «художникам», искренне полагая, что так называемое «вдохновение» приходит не часто, и далеко не к каждому, и его следует вдумчиво и терпеливо дожидаться, тогда как на деле вдохновение есть каждодневный труд, как, впрочем, и поиски чудесного в лесу, если ты искренне предан и ему, и нескончаемой дороге в постижении и себя и окружающего мира, и чудесной тайне, составляющей суть природы... Эти немногие люди с любовью в сердце встречают и весну света, и разомлелую роскошь лета, и печальную прелесть золотой осенней поры, и сказочное обаяние русской зимы... И, конечно, они всегда почувствуют то, без чего не можешь существовать и ты, принимая как нечто самое дорогое: ночёвки у костров, ощущение себя зверем, когда пробираешься сквозь лесную чащу, неопишимо радостную слитность с ней... Такие люди – твои братья по духу, и их, пожалуй, как и лесные чудеса, тоже стоит заслужить на своём жизненном пути.

Насчёт того, что в лесу ничего так просто, даром, не даётся, и ты, и твои собратья по духу знают не понаслышке... Но разве это может являться для кого-то секретом? Тем более, для человека, хотя бы изредка связанного с лесом, отправляющегося туда лишь по грибы и ягоды, и даже такой человек, не сомневаясь ни на секунду, подтвердит, что лес полон чудесных загадок, и раскрыть их очень не просто.

И даже если бы не было у меня братьев по духу, и не находил бы я понимания среди людей из-за своих скитаний по лесу, и тогда бы я не был одинок: со мной, несомненно, переживали бы радость птицы и звери, деревья

и облака, все лесные духи... Иначе и быть не может, если ты живёшь в согласии с природой, и от тебя зависит – чего ты добьёшься в слиянии с ней, поведёт ли она себя с тобой открыто...

Прямо из ничего – ничего и не случается, а только из любви и преданности, терпения и милосердия, отваги с волей, и всё это должно быть присуще твоему отношению к жизни, и, конечно, к ОТЦУ-ЛЕСУ, призвавшего однажды тебя к себе. До последних дней твоих тебя не оставляет тяга к лесным просторам, будоражат кровь их потаённые уголки, и хочется, как в молодости, забраться в самую глушину, где только подумаешь о чём-нибудь, чего ещё никогда не видел, а оно и объявится, потому что всё неведомое, лесное доверяет тебе, правда, со сторожкой, но и этого довольно для счастья человеку, и ты, человек, не подведи всё лесное, неведомое, и станет оно тебе родным... И тогда радость великая заполнит и тебя, и всё жизненное пространство, как весной света, и ты продолжишь свою жизнь обновлённым, подобно помолодевшему весенней порой старому глухарю, вознамерившемуся ещё раз пропеть свою песню любви к этому чудесному миру, и звуки этой песни разнесутся по пробуждающемуся лесу, их подхватят журавли на болотах, на укромных полянах красавцы-тетерева, и так, незаметно, запоёт вся наша прекрасная земля!..

Не одну тысячу вёрст прошагал я в поисках чудесного по бесчисленным лесным дорожкам, и всегда знал, что встречу его, лесное потаённое обаяние, когда под пологом вековых деревьев вдруг ощущаешь себя так, будто ты оказался дома: до того уютно всё вокруг, хотя и дико. Много чудес встречает тебя в лесу, и самое запоминающееся, когда, обнаружив их, ты обо всём забываешь, так завораживающе волшебное обаяние леса. Если хочешь, чтобы природа открылась во всей своей силе, помыслы твои должны быть абсолютно чисты, ибо природа безошибочно угадывает, когда человек этой чистоты в себе достигает. И коли будешь добр к лесу, лесной бог непременно сделает счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета. Чтобы познать прекрасное в природе, им нужно обладать внутри себя.

Хорошо чувствовать себя в лесу ребёнком, когда будто только для тебя открываются в нём чудеса... Но прежде, чем такое чудо пережить, надобно, как это ни странно звучит, сначала повзрослеть, лесному ремеслу хорошенько выучиться, обычаи жизни птиц и зверей разобрать, а потом уже и увидеть всё вокруг по-новому, как ребёнок, с чистотой в сердце... Вот уж когда истинная радость к душе подступит, и ты обязательно почувствуешь

себя невинным младенцем, хоть и обрёл в ней к этому времени мудрость... Так уж всё в жизни устроено.

Если ты внутренне не готов к принятию чудес, что равносильно неготовности встретить своего Учителя, это можно сравнить с невежеством: иначе как объяснить твоё невидение очевидного? А чудеса – это и есть очевидная чудесная истина, единая с несметным количеством вселенских чудес, и нужно прийти в себе к тому, чтобы их разглядеть. Когда подобное произойдёт – благодарить кроме себя некого... Всё, чего ты достигаешь, исходит из твоих личных переживаний: не пройдя их, тебе не видать и чудесных открытий...

Каждый человек должен дойти до истины сам, но это невозможно без открытия чудес, существующих именно для того, чтобы с помощью их становиться внутренне богаче... Чудеса собираются в тебе и накапливаются, за каждым открытием возникает нечто новое, и ты с радостью идёшь к пониманию себя, постепенно постигая, что непременно должен сделать своё собственное открытие, не за счёт кого-то... В этом – суть этого чудесного мира, где свою собственную истину ты обязан постичь сам, только благодаря непосредственно тобой пережитому опыту. Иного пути не существует.

Пройдя через чудеса, ты обретаешь в глубине себя и сопереживание всему живому, и внутреннее безмолвие, наполненное любовью. Как ты любишь это чудесное существование, как ты был честен по отношению к нему, и вот, ты являешься обладателем бесценных сокровищ, в том числе оказываясь очевидцем чудес, что появились именно благодаря твоим собственным устремлениям. Чудо произошло – ты стал внутренне богат! И ещё очень важно помнить, что всё нужно делать с любовью, без этого чудеса не покажут себя, и ты не переживёшь захватывающего дух состояния...

Если с тобой не происходит ничего интересного, значит, ты слаб, ты боишься любых неожиданностей... Только смелому открываются чудесные вещи, потому что у него отсутствует боязнь, что его эго будет ущемлено, отсюда – присутствие целеустремлённости, мужества и желание преодолеть любые трудности. Именно смелому человеку хочется попробовать всё самому, не взирая ни на какие препятствия.

Идите в любые переживания, и помимо встреченных чудес, касается ли это леса, гор или моря, вы начнёте понимать, что с вами происходят внутренние изменения. Изменения к лучшему, потому как вы становитесь глубже, осознаннее. Важно почувствовать, что при значительных затраченных усилиях – желаемого вы непременно достигните. Будьте искренни и усердны, и результат не заставит себя ждать: вы обретёте

непосредственно пережитый вами опыт, являющийся вашим богатством, то есть, те самые драгоценные чудеса, что чаще всего встречаются в лесу...

Все свои беды забудешь за лесными чудесами, как и горе уходит за работой, и до того легко делается на сердце, вольготно, что только бы, кажется, этими чудесами и жил. Так и есть, точно вам говорю, и что интересно – подходят эти самые небывалости, когда их не ждёшь... Неприметно тянутся один за другим обычные походные будни, в лесном одиночестве, у костров и по избушкам, и вдруг случится с тобой нечто необыкновенное, чего ты и ожидать позабыл, а оно – здесь, обрадует тебя со всюю своею неожиданностью, и будто раскроется перед тобой мир необычайной красотой, чему, вроде бы, и сам поначалу не поверишь, но нет, выходит, выпало тебе опять счастье: остаётся только радоваться... Таково оно лесное благо, что вместе с чудом в густой чаще прячется, и ты бродишь по лесу в поисках потаённой небывальщины, и тем необыкновенно счастлив.

Сталкиваясь с чудесами, ты, вроде как, и сам начинаешь их творить подобно деревьям и травам, облакам и животным, и с помощью этих чудес открываешь для себя вещи неожиданные, какие так, просто, встретить не получится, если не отдал свою жизнь на волю священного постижения, не обходясь на этом пути без лесной чащи... Лес несёт в себе неисчислимые чудеса, а захватывающее путешествие к ним всегда приносит чудесные открытия, и чем дальше уходишь в лес, тем глубже постигаешь красоту и величие Бытия...

Когда ты достиг в своей жизни множество чудес, ты готов идти дальше, где эти чудеса уже не будут казаться такими важными, но они не потеряют при этом своего обаяния, потому что тебе откроется нечто ещё более прекрасное, где ты и сам можешь стать чудотворцем... Чудеса, происходящие в твоей жизни, это обычные события определённого уровня развития, и пока ты их не переживёшь, они не перестанут казаться чудесами... Тогда ты и становишься способен идти дальше, к более прекрасным событиям и явлениям этого божественного существования...

Но как чудесны были чудеса, что тебе удалось когда-то пережить! Если ты отправляешься в ещё более дальнейшее путешествие, ты начинаешь ценить каждый шаг на этом пути: там, в этой чудесной необозримости открывающихся возможностей, ты становишься единым с тем, что есть.

Но надо понимать и то, что Бог не дарит никаких чудес: чудесна сама по себе созданная Им природа, и если ты относишься к ней достойно, с интересом, как она того и стоит, то тебе открываются её чудесные стороны... Только и всего. Но как прекрасно, когда божественная природа почему-то

решила благословить тебя, проявив свою милость, и тебе остаётся только пережить её величие.

Это величие подлинно, и его необходимо изучать, то есть, знать. Знать, что с тобой может произойти нечто чудесное, для кого-то – вполне обыденное, но для тебя – необыкновенное.

Ведь поиск чудесного, как утверждают издавна мудрецы, это есть, в первую очередь, внутренний поиск, и пока человек не нашёл себя, не определил свою истинную природу, чудеса во внешнем мире ему не откроются. Самым главным чудом является твоё истинное «я», именно оно бесценно, и только установив его для себя, ты осознаешь и увидишь всё, что происходит вокруг.

Многие люди искренне недоумевают: зачем им нужен лес? Значит, для каждого сомневающегося человека ещё не наступил тот особенный весенний день, когда в душе начинает распускаться молодая листва, и ты с переполняющим душу восторгом отправляешься в увлекательную лесную дорогу...

Именно в лесу в нас просыпается внутренний человек, и начинает жить в окружающей его обстановке по-своему, как бы он никогда не повёл себя в городе, и от такой перемены душа этого человека тоже преобразуется, и замечает то, на что раньше не обращала внимание. Случалось с вами подобное? Если «да», то вы – настоящий лесовик, любитель животного и растительного мира, когда дивно не убивать, а только именно любоваться природой, открывая и в ней, и в себе чудеса...

Что может быть лучше леса с его чудесами? Там так чудесно и хорошо человеческому сердцу... Чудеса в природе повсюду, только успевай примечать...

Порой, созерцая обыкновенное распускание цветка, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме как – чудо! Раздумывая о чудесном, я невольно задаюсь вопросом: в чём его тайна? И тотчас отвечаю: конечно, в силе, что чудесное несёт в себе. Но если хочешь познать его, тебе тоже следует обладать силой, что, несомненно, заключена в ней самой, и потому силу необходимо в себе накопить, а уже потом, с помощью её крепости, нести в мир правду, что тоже, непременно образом, надобно в своей душе развить, достигнув ясности в её понимании.

Но как обрести эту крепость, в чём её корни? Тут заключён большой вопрос...

Ведь просто так, по одному желанию, сила никому не даётся. Её нужно выносить в себе, как женщина вынашивает плод, иначе она не придёт. Жизненная сила любит отчаянные, решительные сердца, без них она не властна над тьмой, и если не воспитывать в себе смелость, причём, с самого детства, толку не будет. А нужно обязательно быть смелым, до отчаяния, чтобы совершить однажды решительный бросок к божественному в себе, тогда и откроется тебе и сила, и правда, и твой жизненный путь.

И тут без природы никак не обойтись, без её чудесных богатств... И всё это нам, людям, даётся просто так, его не нужно даже зарабатывать, и стоит только благодарно принять, кто же пропустит эти богатства мимо себя – они уже не вернуться. Вот как важно не упустить в своей жизни главное мгновение и осмелиться на подвиг, после чего обязательно почувствуешь себя счастливым.

А мгновение это непременно коснётся твоего сердца, если ты неравнодушен ко всему, что тебя окружает. Его следует только угадать, чутко вглядываясь в жизнь и ожидая от неё одного чудесного: чудесное незамедлительно себя покажет. Ты только забудь про неудачи и перенеси своё чувство любви на всех людей, желая, чтобы и они были счастливы, как ты, и желание это непременно сбудется. Счастье для всех зависит именно от любви, потому как сама любовь и есть счастье, и эта любовь неотделима от нашей чудесной природы.

Я давно заметил, что по большей части мне приходится выхаживать лесные секреты, затрачивая при этом значительные физические усилия. Что-то я ищу в лесу и надеюсь в нём однажды увидеть, ведь не просто так часами брожу я по его неведомым лесным тропинкам...

После тридцати пройденных за день километров ноги нестерпимо тяжелеют, под лопатками неприятным холодком свербит тягучая боль, на душе становится как-то неопытно и пусто. Всё, что ты видел и слышал, кажется тебе уже незначительным, ты не можешь понять, какие силы гнали тебя в дальнюю дорогу, что именно заставляло тело напрягаться, словом, вразумительных для себя объяснений ты не находишь.

Так обычно думал я, возвращаясь из лесу разбитым, и не верил, что под вечер, подле жарко мятущегося в печке огня, мне вдруг сможет открыться нечто удивительное... Но со временем заполнившие тебя усталость и пустота

постепенно отстаиваются, и ты обнаруживаешь в прожитом дне достаточно непознанного и притягательного, вместившего, оказывается, столько впечатлений, что их, пожалуй бы, хватило не на одну лесную прогулку. В расслабляющем теле и мысли домашнем тепле начинаешь понимать, как нелегко бывает достигнуть раскрытия лесных тайн, и что цена каждого, даже самого маленького секрета неизмеримо высока. Порой она вынашивается долгие годы, а многие загадки так и остаются неразгаданными.

Не зря один из основных законов лесной академии – пристальное внимание ко всему, что тебя окружает. Это только на первый взгляд кажется простым и обычным делом, но попробуй-ка в непрекращающемся напряжении прожить в лесу утро, день, а то и неделю! Ни зверь, ни дерево не любят по отношению к себе поверхностного интереса: они уважают в человеке глубину, что подразумевает вдумчивую неутомимость и размеренность. Столкнувшись с этой глубиной, звери обычно в спокойствии отступают, могут даже на какое-то время задержаться рядом с тобой, а деревья согласно покачивают тебе ветвями...

Человек должен знать себя, и успешно управлять собой, а научиться этому помогает ему лес, его учительскому таланту следует позавидовать... Отдавшись однажды на его волю, ты мало-помалу непременно обнаружишь свою дорогу, если будешь честен и старателен. Так обратись, человек, сердцем к лесной стороне, не пропусти в себе этого устремления, и твой жизненный сосуд всегда будет полон энергии...

В лесу надо сразу оставить всякие надежды на чью-либо помощь, чётко понимая, что надеяться можно только на самого себя, и уже исходя из этой простой мысли, выстраивать лесной путь сообразно опыту своей души, не терпящей сомнений и страха... В ней должна присутствовать одна радость от соприкосновения с лесной чащей, непоколебимая уверенность в том, что всё у тебя сложится в ней наилучшим образом, лесные обитатели примут тебя, как родного, и твоему взору откроется то, чего раньше ты ещё не встречал. Разве тут забоишься, или охватит твоё сердце тревога, когда ты переполнен энергией леса, он – твой верный товарищ...

А вот за все твои слабости нередко достаются тебе в лесу только заячьи хвосты, да и их ещё надо заслужить. Лес наполняет твою душу тайнами только в том случае, когда шёл ты к нему достойным путём. Слившись же с лесом воедино и ощутив в душе, хотя бы на короткий миг, его величавый покой и мудрость, можно быть уверенным, что жил ты на земле до сих пор верно. И тогда окончательно пропадут границы, разделяющие лес и тебя, и, даже надолго оставив его, ты уже не рискуешь потерять с ним связующую живую нить.

Бывает так, что на какое-нибудь явление в лесу или на сам лес множество людей глядели и ничего не замечали, а кто-нибудь один только взглянул – и сразу всё в нём разглядел... Всё увиденное вошло в него как нечто родное, чего ему, быть может, не хватало, нужно было его только заметить, и он не упустил дорогое для себя знание, потому что был готов встретить эту тайну и разгадать её. И тайна лесная пришлась ему впору, прямо по его душе, и человек обрадовался произошедшему с ним, и стал и дальше разыскивать в лесу нечто необыкновенное, что, оказывается, ожидало его повсюду...

Один случай он прикладывал к другому, и постепенно из увиденного в лесу складывалась увлекательная история, очень полезная тем людям, что поначалу не заметили в лесу ничего необычного, оно их не заинтересовало, но человек этот открыл им своим ключиком потайную дверцу к чудесным небывальщинам, что, выходит, случаются, и заставил их поверить в не сравнимое ни с чем волшебство природы. У людей на душе оттого будто просыпается весна, и вместе с ней пробуждается великая радость. Так бывает, если ты неравнодушен к жизни, благодаря чему несёшь благо и всему свету, открывая в нём небывалое...

Наверное, поэтому справедливо в жизни было бы устроено так, чтобы каждому отпускалось его сроку понемножку, дабы он научился ценить его, не разбазаривая понапрасну, и в этот бы самый свой срок сумел уложиться так по-хозяйски верно, что смог бы и ответить на многие вопросы и не разочароваться в устремлении познавать удивительное жизненное разнообразие, не потеряв к нему интереса... И даже, когда приходит твой смертный час, хотелось бы тебе ещё пожить, самую малость, не имея к жизни жадности, а лишь желание узнавать и радоваться, что дано тебе это чудесное, пусть и короткое время, в которое тебе до всего нужно дойти и заглянуть за жизненный горизонт, переживая этот прекрасный мир бесконечным, полным волшебных загадок и тайн...

Но всему своё время... Благотворной для искателя оказывается только длительная работа над собой, когда именно он отвечает за происходящее с ним, и если жизнь его переполнена счастьем, то это заслуга ищущего человека. Значит, пришло его время, он заслужил однажды открывшееся ему благо, наступил тот особый момент, который он пропустить никак не может, и человек встречает его с радостью в сердце, когда готов принять новое знание.

Тогда и огромный лес, наполненный чудесами, может быть познан через маленький лесной родник, но к этому нужно, опять же, заслуженно прийти, и суть этого поиска зависит от тебя. Только то, что заработано благодаря

непосредственно тобой пережитому опыту, имеет цену, и это твоё внутреннее богатство безгранично.

В каком бы настроении не приходил в лес – всегда стережёт тебя в нём мгновение, когда дыхание непроизвольно учащается и ноги сами несут навстречу неизведанному... На этом пути всё вокруг проникнуто тайной и красотой. Но торопясь, ты рано или поздно понимаешь, что тем самым отдаляешь переживание подлинной остроты чувств и видение. Околдованный красотой, человек обычно забывает, что ни одно откровение леса не касается его так ощутимо, как это происходит в момент неторопливого и вдумчивого созерцания.

Чудеса вовсе и не чудеса, если даются каждому легко. Настоящее чудо надобно заработать, то есть, заслужить, по правде, тогда оно и окажется настоящим, что уж никогда его не забудешь, и будешь всем рассказывать, как трудно добивался этой радости, и она однажды к тебе пришла. Обязательно добивайтесь в своей жизни чудес, без них она не имеет никакого смысла и красоты. Даже к самому маленькому чуду нужно научиться быть готовым, всегда оставаясь внимательным и вдумчивым, пропуская через себя окружающие краски, шорохи и запахи, потому как время нашей жизни неслыханное: так может случиться, что завтра у вас уже не будет возможности совершить шаг навстречу раскрытию не дающей покоя тайны...

Скажем, чем больше хочется увидеть какого-либо зверя или птицу, с целью узнать о них нечто неизвестное, тем реже это удаётся. Человеку надлежит вести себя в лесу естественнее, поскольку чуткие животные на расстоянии улавливают исходящую от нас энергию мысли и остерегаются. Как тут не вспомнишь случаи, когда по разным причинам мы забываемся, не концентрируя внимание на обитателях леса, и именно в такие моменты неожиданно совершаем для себя удивительные открытия!

Неоднократно замечал за собой, но так и не понял до конца: в лесу всякий раз ты становишься другим... Отрешённым, делающим всё непроизвольно, зато точно так, как надо, и без лишней суеты. И никогда не обращаешь внимания на подобное состояние, воспринимая его как должное.

А однажды неожиданно открываешь, сколько в тебе существует звериного знания, проявляющегося только здесь, в лесу. Это, несомненно, врождённое умение вести себя в привычной и, между тем, давно забытой за предыдущие жизни природной обстановке тотчас просыпается, как только ты

в ней оказываешься. Как будто именно для этого тебе предназначено жить, и лишь в лесу твоя душа обретает недостижимый среди людей покой.

Даже для изошрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за сотни пройденных по лесу километров однажды выскользнет на лесную дорожку ярко-красный колонок, усядется прямо перед тобой, и начнёт что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его то одной, то другой лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах...

... Все замечательные лесные события, что выпало мне счастье лицезреть, появились в моей жизни именно благодаря неустанному всматриванию в деяния природы, частому пребыванию в её лоне, восхищению всем увиденным и переживанию в своём любознательном сердце, нескончаемому напряжению при следовании таёжными тропами, преданности тому таинственному, что кроется в лесной чаще, но не всякому даётся... Моя судьба всегда была неразрывно связана с судьбою ОТЦА-ЛЕСА, и я благодарен ему за то, что он, под своим волшебным пологом, привёл меня к самому себе...

Страсть к лесу пробудилась во мне ещё в раннем детстве, когда отец принёс домой огненную лису, тяжело покоящуюся у него на плече... Мать поцеловала отца, перегнувшись через подоконник, а я никак не мог отвести глаз от пушистого хвоста, свисающего до самой земли, и зажмурившейся морды, так что казалось, будто лиса вот-вот встрепенётся и ускользнёт с нашего двора...

Удивительно мне теперь вспоминать, что в детском возрасте я прекрасно чувствовал и понимал природу, хотя и не мог ещё этого объяснить, а вот отец, который рано начал брать меня в лес и не зря слыл в своём кругу отменным стрелком, сам, не без оснований считавший себя заправским охотником, её так тонко не воспринимал... Мало того, он был очень удивлён, даже поражён, когда десятилетним мальчишкой я вывел его, заплутавшего вместе со мной, из чащи, да ещё, в подтверждение своей правоты, указал ему на глухариные наброды, что мы миновали несколько часов назад, оставив рядом и свои следы. И это в совершенно незнакомом лесу, оказавшись в нём в первый раз! Как будто вышло так, что лес зачем-то, ещё тогда, в детстве, забрал меня в свои недра, и так и не выпустил, а я мысленно жил в нём в разных образах, на деле узнавая всё больше и больше,

и постепенно приближался к тому, что я сейчас из себя представляю... Куда-то приведёт меня эта таинственная лесная душа, думалось раньше, а теперь ясно открылось: я сроднился с лесной чащей, и она привела меня к самому себе.

С самых ранних лет я как-то сразу усвоил, что жить лучше всего интересно, отыскивая в окружающем меня мире неведомое, и ещё куда интересней рассказывать о нём и писать, и так, с великой охотой к жизни, я и шёл по ней все свои молодые и зрелые годы, и ни разу не пожалел об этом выборе, потому что оказался он настоящим... Очень чувствительно и радостно было такое отношение и к миру, и к своей жизни, и я никогда не испытывал какого-либо разочарования, переживая только увлечённость, меня переполнял необыкновенный энтузиазм, и когда я встречал в людях скуку и неприятие жизни, это очень удивляло. Непонятно было неприятие людьми жизни, тем более, её осуждения, когда вокруг открывался огромный мир чудесных загадок, и их, конечно, хотелось разгадать. Огромное чувство удовлетворённости охватывало всегда меня, если я сталкивался с этими самыми чудесами, и мечты о их достижении никогда не покидали меня. Я верил, был просто убеждён, что рано или поздно все они откроются: иначе – зачем жить?!

Но где интереснее всего бывать и, ни за что, не поддаваться скуке? Разумеется, в лесу, в мире птиц, зверей и растений, там невозможно оставаться равнодушным, и тебя поджидает множество чудес и загадок. Взаимодействие живых существ в этом удивительном мире не может не интересовать любознательного человека, и он способен, наверное, даже подружиться с ними, если будет внимателен ко всему, что его окружает. Трудно не придти однажды к такой замечательной стране, когда ты преисполнен желанием познавать окружающую тебя жизнь, ведь она так прекрасна!

И я отправился в эту страну, чтобы любоваться её обитателями, отыскивая места их обитания – дикие норы и логова, чтобы таинственная жизнь зверей и растений постепенно раскрывалась передо мной, и эта связь с природой становилась всё крепче и крепче. Нужно было только начать свой исследовательский путь, ничего не боясь, решившись на него, и так оно и произошло, и я до сих пор иду по нему, уже много лет, и ни о чём не жалею. Мало того, я необыкновенно счастлив тому, как обустроил свою жизнь, совершенно не представляя её без леса...

Разве не прекрасно повидать в лесу всё своими глазами, и потом увлекательно рассказать об увиденном, чтобы и другим людям захотелось окунуться в мир природы, и найти там друзей? Хорошо обживать этот мир

благодаря собственным усилиям, любить его и оберегать... Быть исследователем неведомой чудесной страны, никогда не предавая её, достойная цель. Не правда ли?!

Я никогда не боялся лесной чащи, где, казалось бы, нужно чего-то пугающего остерегаться, но мне, скорее, было интересно, чем страшно, и всё, что должно было, якобы, напугать, представлялось чудесным, его непременно следует увидеть, полагал я, и только в нетерпении ожидал с ним встречи... Этот интерес к потаённой лесной жизни бил во мне чистым родничком, он не перестаёт журчать в моей душе до сих пор, и можно по его устремлённости догадаться, какой силой обладает ОТЕЦ-ЛЕС, и недоумевать – как у кого-то получается не любить лесные тайны, что по своей природе, конечно, чудесны. Я-то их очень любил, и так, постепенно, моя душа образовывалась, незаметно вырастая... Много пожил я в наших лесах, и до сих пор не перестаю удивляться их скрытой от глаз нелюбознательных людей сказочным былям, дарованным нам лесом на поучение...

В каждом лесном уголке произрастает неведомая сила, и её нужно угадать и увидеть, иначе жить неинтересно, да и слабость в себе не победишь. Другое дело, если на свой страх и риск отправляешься в путь, думая только о том, как бы загадки леса разгадать, не заблудиться в нём, и знаки для других о себе оставить, то есть, лесным силам угодить... Благое дело совершит человек, если искать в своей жизни правду не устанет, и так, мало-помалу, и дойдёт до искомой истины: Бог – в тебе, и всё вокруг проникнуто чудесным божественным качеством...

В лесу этим божественным свойством пронизан всякий листочек, и его не тронь, а ежели привелось елового лапнику на ночлег наломать, то не забудь поблагодарить ОТЕЦ-ЛЕС, и он тебя без внимания не оставит. Живёшь ты в лесу, вроде бы, только для себя, таинства его разматывая, а потом всегда оказывается, что жил на пользу других. Люди через тебя правду жизненную понимать начинают, заметки твои лесные как нельзя кстати приходится, когда они в себе сомневаются, и оттого на душу каждого равнодушного человека благодатный покой ложится, растёт в нём уверенность в божественное единение со всем Сущим, и ещё больше хочется жить!

Ведь вся земля, и вся природа с её лесами, зверьми и птицей, воспринимается как самое близкое и родное, ровно это и твоя душа, и от такой простой мысли жизнь сразу становится понятной и дорогой. Ты всё делаешь в ней по своему сокровенному желанию, как чувствуешь, а выходит – так было нужно для всех. Вот отчего среди людей говорят: живи по правде,

и тогда будет получаться, что каждый человек другому брат и верный товарищ, и разве может быть на свете что-нибудь прекрасней?!

С этакой радостью всю жизнь хожу я по лесам, и думаю: это хождение – не труд, не какое-нибудь расчудесное путешествие, это – любовь... И оттого мне хочется иногда рассказывать о своей любви к лесным тропам и чудесам на них, а лучше было бы и вовсе поселиться в каком-нибудь глухом таёжном углу вместе с необыкновенными таинственными птицами глухарями, что извели великую древность, и жить только тайнами ОТЦА-ЛЕСА, дороже которого у меня ничего и нет. Ну, может быть, ещё и тайнами моря, но ведь море – не родная земля, хотя ты большей частью состоишь из воды... Лесная земля полна чудес, в море же нужно ещё иметь глубокое намерение погрузиться, чтобы увидеть всю его несметную красоту, скрытую от глаз, и я, всё-таки, больше люблю землю, лес, и иногда, от переполняющих меня чувств, рассказываю о нём... Тогда просыпается в сердце знание, что жизнь не оканчивается никогда, в ней присутствуют покой и мудрость, и оттого думы твои – только о хорошем, самом чудесном...

В море думается просторно, в лесу потаённо, в каждом движении лесной жизни разглядывая скрытый смысл... И если в море заложено более поэзии, даже, если оно штормовое, то в лесу зарождается спокойная, размеренная проза, впрочем, поэтическая... Мысль в лесу не разольётся широкой крутой волной, не взвьётся легкокрылой чайкой, а неспешно пробирается сквозь сузёмки терпеливым и выносливым зверем, и в этом – радость соприкосновения с Батюшкой-Лесом, с его таящимися чудесами, что непременно хочется разгадать.

Чудеса в лесу повсюду, если иметь внутреннее зрение, то есть, потребность к постоянному познанию, любовь к родной природе... Трудно не замечать, как при каждом шаге, отовсюду, являют себя загадки, перебивая друг друга, будто озорные ребята... Попробуй-ка угнаться за ними, не достать, но пытаться нужно, иначе зачем вообще жить! Без радости познания любимой русской сторонки русскому не быть, как не быть Батюшке-Лесу без внимательного отношения к нему человека...

А внимательны ли мы к нему? Ведь из общения с ОТЦОМ-ЛЕСОМ в сердце подымается великая радость, так что уж не отступишь от своей любви к нему никогда, ибо лес этот Богом на ту самую радость великую людям насажен, истинно, и оттого благодари Господа за сотворённое Им чудо...

Лес – родник неиссякаемых историй, созвучных человеческой душе... Отчего нам так интересен лес, что мы желаем в нём для себя отыскать? И именно такого, чего в обыденной жизни нипочём, как многим кажется, не

встретить... А ищет человек в природе подобие самого себя, того, чего он разобрать никак не может, но в лесу думает обнаружить, и чтобы непременно было со смыслом, увлекательно, иначе и в лес идти не стоит.

И вот, отправляется человек в леса, и всё лишнее из него постепенно исчезает, остаётся только самое необходимое, без чего действительно не обойтись. Беспреданно докучающие, пустые мысли выветриваются сразу, как ненужный хлам. Достаточно скоро улетучивается и расхлябанность, обычно присущая людям в городе, во всём теле появляется заряженность на движение, члены наливаются энергией, взяться которой совсем недавно, казалось бы, неоткуда... Да и дыхание, вместо сбивчивого, успокаивается, становясь размеренным, кровяные молоточки в висках выстукивают уже размеренно, в ритме торжествующего сердцебиения: как это чудесно – в добром настроении шагать по лесной дорожке, и думать только о ней, о чудесных лесах, что её окружают!

В душе твоей произвольно закипает радость: а вдруг сейчас из-под кустов выскочит заяц, и всю задаст стрелача, проявляя свою обаятельную индивидуальность, и ты, конечно, засвистишь ему вслед, позабыв обо всём, и даже не заметишь при этом, как в этом порывистом свисте обретаешь себя, утерянного где-то в городских заботах... В чём это выразилось? Очень просто: ты повёл себя совершенно естественно, не желая показаться лучше, чем ты есть на самом деле... С тебя ниспала гордыня, ты почувствовал себя свободным от обременяющих недавно оков, и захотелось быть честным и счастливым.

Да ты, к слову сказать, им и являешься, просто запомнил об этом, и вылетевший на опушку косою вмиг привёл тебя в чувство, ты даже позабыл сделать счастливый выстрел, и только улыбнулся... А всего лишь подвернулся под ноги ошалевший заяц, и ты весь восторжен, почувствовав в себе неведомые силы... Лес в одно мгновение одарил тебя чем-то очень простым, и в тоже время, необыкновенным, и ты без каких-либо сомнений поверил в его неисчислимое богатство, и принял его.

Там, в лесу, я стал находить ясные ответы на свои ещё не совсем зрелые вопросы, в лесу я учился их формулировать, и получал в ответ поразительные открытия, которые в глубине души, наверное, и намеревался обрести. Оказываясь с природой один на один, я оставлял в стороне от лесной дороги всё то, что, несомненно, мешало мне разобраться в самом себе, и так, незаметно, на примерах жизни леса, подбирался я к своему сознанию. Часто я чувствовал неудовлетворённость от содеянного, но поскольку жизнь продолжалась – ожидал от неё чего-то более верного, и вот, благодаря этому жизненному продолжению в моём поведении появлялось

постоянство, а за ним и простота в мыслях, ощущениях, поступках... То, что поначалу представлялось мне обманчивым, как раз помогало, и я удивлялся тому доходчивому языку, на котором заговаривал со мной лес. Лесу, оказывается, до всего во мне было дело, и когда я это понял, то был ошарашен, но в тоже время почувствовал в себе силу, и благодаря этой силе стал догадываться о многих скрытых вещах.

В конце концов, я ощутил себя более сознательным и чистым, произошло это, конечно, не сразу, но мне всё очень понравилось: в моей душе проснулось великое переживание сопричастности с чудесным существованием. В лесу я пережил неимоверно сильную тягу к творчеству, и уже не сходил с этого пути никогда. И ещё я понял, что в лесу, как и в жизни, всё важно, и о нём нужно непременно думать и писать, чего бы тебе это ни стоило. Но оказавшись под таинственным лесным пологом, ты ловишь себя на том, что ни о чём не думаешь, как раз освобождаясь от мыслей, и живёшь одной жизнью вместе с деревьями, зверьми и птицами, с их счастливой и нелёгкой судьбой... Да будет им свет!

Всё нарастающее внимание к таинствам леса не передать словами: в тебе как будто просыпается некто другой, совсем иной человек, не ты, и, может быть, даже не человек вовсе, а какое-то угадывание себя, того, кого и чего ты ещё сам не познал, и вот это неожиданное узнавание чего-то неизведанного в себе также интересно и прекрасно, как и проникновение в глубинные таинства леса... Чем же они так занимают меня, и ежели я разгадаю их – что дальше? Каким лесным богам буду молиться, или только на себя надеяться? Как бы то ни было, хорошо жить на белом свете и познавать его тайны!

Так, бывало, в один час запахнет весной, и ты уж знаешь – ничто тебя в городе не удержит... Как сказочный сон встают перед твоим внутренним взором дорогие сердцу просеки и покосы, те укромные полянки, где встречают свою весну красавцы-мошники, и ты в нетерпении собираешься в дорогу, и нет для тебя поры радостней, чем весна. Она хватится тебя, а ты и придёшь к ней, да запоёшь и свою песню, и пойдёт по всей земле удивительный праздник... Чудесная картина!

Ты словно очнулся ото сна, и начал думать такую же чудесную думу: про то, как терпеливо копилась в твоей душе весна, как постепенно шёл ты к своим любимым птицам – глухарям, и не для того, чтобы подстрелить, а лишь увидеть, подслушав их древнюю песню, и запеть самому... Да будет так, коли я хочу лететь к небывалому!

А вообще, встать в жизни на верное место – первое дело, и если уж встал, то не сходи с него никогда, чего бы с тобой ни случилось, а только иди

вперёд, развивай своё сознание, и помогай обрести его другим. Тогда и жизнь твоя будет тебе дорога, не растратишь ты её уже на пустое, и только поставишь себе целью изучать всю её красоту и глубину, проникая в тайны и леса, и моря, и души человеческой, не уставая от этой замечательной работы, потому как нет ничего на свете полезнее и интересней... Конечно, большая загадка – зачем тебе дана жизнь, но ты её непременно разгадай, никто тебе ничего на этом пути не укажет, если в него не отправишься, и лучше самому в ней обо всём разузнать, чем от кого-либо услышать, так вернее будет. Никто нам ничего без нас самих не приготовит: просто будь собой, и станешь лучше всех!

Это впрямую относится к постижению лесных загадок... Если бы все люди добивались понимания жизни, то жизнь эта была бы очень неплохая. Она, впрочем, и так хорошая, но не хватает у человека желания постигать существование во всей его красе, с каждым разом проникая всё глубже и глубже, доходя таким образом до самых удивительных вещей, каких бы он никогда не достиг, не прояви на этом пути соответствующей выдержки и терпения. А главное, несокрушимой ничем решимости, чтобы благодаря ей открыть и себя самого, и окружающий мир.

Если же тебе является на пути нечто, своими собственными силами недостижимое, то ты обязан до тех пор стремиться разрешать неразрешимое, пока не устранишь это неудобство и не доберёшься до правды. И как хорошо осуществлять задуманное наедине с природой, чутко вслушиваясь, вглядываясь и ощущая себя при этом ещё более счастливым... Природа только обрадуется твоим добрым устремлениям и желанию укреплять свой ум и волю, становясь незаметно мудрее, поскольку всё дело в тебе самом, в том, к чему ты себя ведёшь, к какой достойной мечте...

А мечты этой не видать, если не научился ты относиться ко всему животному и растительному миру с уважением, сердечно... Воспринимая весь живой мир как свой, ты скоро для себя откроешь, что идёшь по нему с великой охотой, и всё проживаемое им – задевает и тебя самого. Понимая Природу как Великое Целое, а себя её неотъемлемой частицей, ты скоро узнаешь лица зверей, птиц и растений, а через них разберёшь и свою душевность, без какой тебе не жить. И, несомненно, ты увидишь и правду, и самые расчудесные чудеса, поскольку сердце твоё живо, и огонёк сознания в нём горит... Тебе помогла разжечь его наша Матушка-Природа, а ты сам взял управление жизнью в свои руки, и из этого вышла для всех одна радость. Ты нашёл себя в этом мире, именно – свой талант, и благодаря божественной природе развиваешь его, и устремление это необратимо: если не двигаться вперёд – счастье твоё обвалится... Так не бойся ничего, живи

открыто, обнимая весь мир своей любовью, и отправляясь в чудесные края, будет тебе божья милость...

Бывает, приходит в жизнь лесного искателя такое мгновение, когда открывается ему то, чего он добивался долго-долго, быть может, многие годы, и его никак нельзя пропустить, потому что оно оказывается рядом с тобой неслучайно, но если ты не почувствуешь этот момент, а главное, в себя не поверишь, чудесное мгновение способно также быстро улетучиться, только его и видели... Будь чуток сердцем, не упusti своё счастье, что витает и в жизни и в лесу повсюду, и тебе нужно очень сосредоточиться, чтобы это чудесное мгновение остановилось поблизости и замерло в ожидании, когда ты его заметишь, и если разглядишь – вмиг всё вокруг и в тебе перевернётся, затрепещет восторженной птицей, и ты почувствуешь себя другим человеком. Каким? Уже не тем, что был, совершенно чётким и пронизательным, не переменчивым, как раньше, зависимым от чьего-либо отношения к себе, а абсолютно уравновешенным и покойным, в глубине своей души с великой радостью воспринимая проистекающую повсюду удивительную жизнь.

Всё мне было страшно интересно в этой лесной жизни: и о чём думают глухари, и почему они иногда по нескольку дней не прилетают на ток, и где берёт отчаянную храбрость копалуха, закрывая собой маленьких глухарят, когда идёт по земле страшный огненный пал, и кто помогает тебе в ночном лесу продвигаться своим путём, не сбиваясь, к своей долгожданной заре, и отчего темнее всего бывает час перед рассветом? Разве не чудесно было бы разобраться во всех этих вопросах, и ещё решить не одну чудесную загадку по постижению таинственного леса, став навеки его искренним поклонником?.. Как это, наверное, выходит у глухаря, когда он каждую весну провозглашает во всеуслышание и её, и свою безмерную радость, и древнюю память о бесчисленных вёснах, что переживала за свою историю наша земля...

Так же вот, постепенно, постигается и лес: издали он представляется сплошь чёрным, немного приблизишься – он голубовато-синий, ещё ближе – седовато-серым, с бура, почти рукой подать – перед глазами встаёт густая тёмная зелень, а прикоснёшься рукой к хвойной ветви – чистый изумруд! Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем перемочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаяться, не потеряв чуткости видения и интереса к лесу – возгореться ещё

большим желанием овладения его тайной, не растеряться при прямом столкновении с вековой чащей, и уж потом осторожно подойти к ней вплотную...

Тем, кто ещё не вошёл в лес, хочется поскорей туда войти. Тот же, кто уже побывал там, желает побыстрее выйти... Что за сила влечёт нас туда и оттуда? И отчего, когда мы находимся в лесу, время, вроде бы, приостанавливается, и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой всё же бежим? А кто-то и не думает ничего об этом, и равнодушие его, подобно девственной тайге, безгранично...

А между тем, в лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то незнакомую раньше звериную повадку, и совершенно забываешься, как человек, пытаешься проникнуть в каждую мелочь, что тебя окружает... Даже к концу дня, уже сидя у костра, зачарованно вглядываешься в огонь, что гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда смотришь на небо, то видишь искры, летящие, словно из трубы, вверх, и там они смешиваются со звёздами. Не разберёшь, где - на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких миров...

Жгучие утренники грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли клочья промозглого тумана, а предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу, но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще. Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт поддерживаемому неизвестными силами живому огню, и хочется лететь к неумирающему свету звёзд, изучая эту удивительную сказочную жизнь, и не угасать душой.

Сказочная лесная быль – это такая быль, что лучше сказки... Только потому, что она прекрасна, её и называют сказочной, а на деле эта быль и есть чудесная тайна, куда хочется проникнуть, и ведь если по правде жить, то такое желание достижимо, надо только слушать своё сердце и верить ему. Вот оно и поведёт тебя к неизведанному, и ты очень удивишься, когда вдруг осознаешь, что это прекрасное неизведанное, оказывается, всегда находилось рядом... Не отпугни его, прими всем сердцем сказочную быль, и живи по ней.

Хорошо жить по сказочной правде... Нигде, как в лесу, она во всей красе себя проявляет, и только стоит зайти под его полог, как чудесное тотчас подхватит тебя и понесёт в свою таинственную даль... Отдайся ему на волю, доверься всей душой, и небывальщины не заставят тебя долго ждать...

Так бывало в лесу уже не раз: если думаешь о чём-то таинственном и чудесном, оно обязательно тебе рано или поздно показывается, когда не отступаешь от своих мысленных и душевных устремлений... Нужно только не сомневаться ни в себе, ни в скрытой лесной тайне, что так обворожительна в своей кажущейся недостижимости, и ты веришь – обязательно её раскроешь... Но как восхитительно это ожидание, наполненное чудесными лесными картинками, что не дают тебе покою ни днём, ни ночью, тем более, если идёт по земле весна... Такое в ней увидишь, такое узнаешь, чего ещё никогда не было тебе ведомо! За тем и сказочная былль в лесу существует, чтобы истину найти...

Оказавшись среди величественного дремучего леса, объятого тишиной и покоем, мне всегда хочется понять: в чём высшее предназначение моей собственной жизни? Но ели и сосны в молчании смыкают над головой густые макушки, и мои неприкаянные мысли, достигнув их, беспомощно растворяются в вышине, не находя спасительного ответа... Сам себе я тогда начинаю казаться ничтожно маленьким, можно сказать, вообще не существующим среди этого царственного могучего леса. Почему так неотступно терзает душу это необъяснимое желание, которое каждый год влечёт в знакомое мне одному место, точно обещая раскрыть некий тайный смысл, я не знаю...

Вглядываясь поздним вечером в неподвижно сомкнувшееся над головой небо, я чувствую, что есть нечто важное в таком, казалось бы, бессмысленном времяпрепровождении. Это открывается вдруг, с тревожащим душу ощущением даруемой лесом свободы и взаимосвязи со всем, что тебя в нём окружает: с могучими стволами древних деревьев, подпирающих собой звёздное небо, с ударяющей в голову грибной сыростью, буйством трав, обвивающих старые пни, с нежным цветом земляничника, распространяющего вокруг сладковато-пряный сонный аромат... Вместе с этим простым и ясным откровением душа тотчас наполняется мудрым покоем и ещё таким пониманием собственной жизни, что изредка проникающая в неё туманная грусть уже не пугает, а только убаюкивает: благословен будет твой путь, если ты в своём таинственном уединении, постигая тайны леса, не отделишься от людей...

Но трудно представить свою жизнь без лесной души, что, кажется, никогда не старится, постоянно обновляясь в своих нескончаемых жизненных примерах... И даже, когда те же самые деревья умирают, старые пни в лесу окружены его мудрым вниманием и покоем. Так велика тайна лесной чащи, её неповторимый мир звуков, запахов и красок... А знаете, как эта тайна раскрывается?

В самый, что ни на есть, неожиданный миг, когда ничего, вроде бы, от леса и не ждёшь, он возьми и преподнеси тебе подарочек, что уж не забудешь никогда, потому как он – волшебный, лесовой... Так и в нашей обычной жизни чаще всего происходит, будто бы из ничего к тебе милый человек однажды приходит, или удача какая случается, и хорошо при этом взять себе на ум, что неспроста ты когда-то шибко постарался в пришедшемся тебе по сердцу деле, словом, подналёг в старании, а через какое-то время – извольте получить вознаграждение, подобным поворотом всё у Бога и обходится, если, конечно, чтить Его, и сам себе из этого мироощущения другом приходишься: не потопаешь, как говорится, не полопаешь... И ведь завсегда заветная дверца открывается лишь в приятном забвении, некоей отрешённости, когда не сосредоточен на желаемом, и вот тогда оно, это вознаграждение, и объявляется, никак не раньше, и чтобы овладеть тайной, тем более, лесной, необходимо секрет знать...

Спросите: какой? И я вам охотно отвечу: всё дело – в вас самих, в вашем отношении к жизни. Ежели, скажем, подступил самый печальный месяц в году – ноябрь, вам разве тоже намечено судьбой печалиться? Да нет, конечно, ещё с вечера вы намеревались отправиться поутру в лес, загадывая, что оно выдастся перламутрово-туманным, пахнущим пряными травами, хоть и сырым, каким-то удивительно заветным... Если идти тихонечко, по усыпанным прелым листом укромным дорожкам, слышно, как насвистывают и перелетают повсюду упитанные рябчики... Золотое осеннее время, разумеется, миновало, но если повезёт, день задаётся таким же укромным, как и пролёгшие в нём тропинки... К полудню из-за тяжёлых низких облаков неожиданно проглянет ненадолго солнышко, чуть прогреет подстылый воздух, и весь осыпавшийся лист превратится в мягкую душистую перину, так что ступать становится необыкновенно мягко и приятно... Осенняя трогательная пустота звенит на разные голоса, оттенки, звуки, и даже в угасающем сумраке ноября, когда, кажется, жизнь замерла, она до конца не истаивает...

Легко и приятно идти по лесу притихшей мягкой дорожкой, чувствуя, как отдохновенная осенняя пора заполняет всего тебя своей ненавязчивой и ласковой силой... Идёшь неспешно, и знаешь, что день обязательно принесёт что-нибудь чудесное, и вдруг, тотчас, как ты только об этом подумал, стремительно взмывает из-под куста орешника дружная стайка тетеревов, приятно пугая своим взрывным взлётом и привнося в окружающий пейзаж ещё большее обаяние... Каждая птица чудесна по-своему: особенность тетерева в его взрывчатости и поразительном напоре. Одинаково оглушительно режет он воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и

осенью, когда в умиротворённой мёртвой тишине вдруг взмывается свечой над частым осинником, бьётся исступлённо в его скрестившихся ветвях, отчего сердце переворачивается в сладкой истоме...

Сердце замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту паузу, и разухабисто ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но ещё долго стоит он в ушах, мешая на чём-либо сосредоточиться...

Когда же всё проходит, и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, тебе начинает казаться, что ничего и не происходило, так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, скрытый ото всех в чёрном, отливающим синью оперении... Сторожкие боровые птицы всего лишь взлетели неподалёку, что самой природой призваны быть чуткими, чтобы сохранить своё атласное перо и неподражаемое белое подхвостье, но как это было красиво! А бархатно-брусничные брови? Кто позаботится об этой птичьей красоте, кроме самого тетерева?!

Вот и прекрасная осень заботится о птицах, тихонечко шелестит пожухлым листом, ещё издали предупреждая их об опасности, но меня тетеревам остерегаться нечего, я отправляюсь в лес без ружья, за чудесами. Чудо – это то, что есть, но люди ничего о нём не знают, потому как не желают верить в его существование, а главное, они его не заслужили, и чудо им не открывается... Нужно приложить немало усилий, чтобы чудо произошло, вернее, объявилось, но даже когда это произойдёт, чудо своего очарования не теряет, поскольку неподражаемо прекрасно, и значит, незабываемо...

Незабываема и русская осень... В конце октября – в начале ноября в лесу тихо-тихо, и если зашуршит, цепляясь за ветки, одинокий лист, почудится, будто кто-то ненароком вздохнул и затаился, а уж если пробежит мышшь, то сразу встряхнёт осеннюю тишину! До печали ли тут растревоженному природой сердцу?!

Когда научишься всё в жизни принимать так, каким оно приходит, ничего заранее не загадывая, тогда и в лесу сразу многое откроется, и суть любого секрета проста: секретное, что заветное – блюди его, и если о нём не спрашивают, о том не говори. А ещё – будь честен, в первую голову, по отношению к самому себе, к тому сокровенному, что живёт только в твоей душе, не хорони его, а дай выход, и это обернётся для тебя непременно открытием. Никак иначе ты не согласишься свою волю с волей Мироздания, и если проявишь настойчивость в достижении истины, она рано или поздно въяве скажется. Знай: всякая тайна твоей неутомимостью и бесстрашием

крыта будет, и тогда нестрашна непогода, важно, чтобы в твоём сердце солнце всегда светило, и свет этот растворит любые загадки природы, сообщающей нам всем благодать Божию. Разве возможно её не взвидеть?!

Всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы, тотчас же приравнивается к чуду, а где этих чудес больше всего, если не в доступном всем нам лесу, просто переполненном ими?.. И чаще всего, это самое диво-дивное, не иначе, как только в лесу приключаящийся случай, неожиданное событие, нечто радостное и не всегда описуемое, словом, некая необычайная возможность соприкоснуться с чем-то неизведанным, располагается, как правило, совсем рядом, у деревенских жителей – прямо под боком... Походишь не один год в лес, говорят они, так нагладишься чудес, что в лесной чаще творятся: бывает, такие чудные, будто только для этого и родились!

Неописуемая прелесть божьих дел, действительно, имеет место быть неподалёку от человека, и важно её увидеть. И тут даже не диковина, что кукушка в чужое гнездо залетает, было бы чудо, кабы, своё свила! А ОТЕЦ-ЛЕС, знай, каждый день чудеса свои сотворяет: удивительны дела его, Господи... Но лесной храм людям не на потеху устроен, а всему свету на поучение, отчего любознательному человеку лес завсегда в радость. Эдакое лесное чудо, что пошире Рождества и Пасхи!

Правда, люди утратили способность удивляться этим самым обычным, но чудесным вещам, воспринимая окружающий мир только как привычную быль, и никак иначе. Но мир от этого не изменился: он по-прежнему чудесен и по-настоящему сказочен. И при этом в твоём общении с природой нет ничего мистического. Всё достаточно просто, если воспринимать окружающий мир живым, где всякое явление или предмет имеют свой уровень сознания.

Когда находишься на одной волне с природой, ведёшь себя осознанно, всё вокруг непременно тебя чувствует и отзывается на твои душевные устремления. Каким-то природным энергиям, в результате таких душевных устремлений человека, представляется возможным даже оказывать ему некоторое одолжение, потому что этот человек приятен невидимым природным силам, они поддерживают его, делясь с ним своим благосклонным настроением, и так могут относиться к человеку кто угодно – и звери, и птицы, и дерево, и земля...

А вот когда человек равнодушен к собственной внутренней природе, он неминуемо проявляет равнодушие и к окружающей его жизни, что просто перенасыщена энергией, отдавая её просто так, ничего за неё не требуя, бесплатно, - взял бы только кто-нибудь, не проходил бездумно мимо... Какую кладезь энергии содержит в себе природа, и нужно-то всего лишь не пропустить, не потерять в себе способность замечать красоту обыденного...

Мистика, если в природе и присутствует, это не есть нечто запредельное, не присущее земной жизни, а как раз составляющее многочисленные тайны природы, которые люди не желают разгадывать, или просто не замечают. Вот и окрестили всё непонятное для себя в окружающем их пространстве загадочным словом, вместо того, чтобы постигать эту удивительную жизнь.

Я уже и сам стал про себя подумывать: а, действительно, чего же необычного во всём происходящем в лесу? Ведь это мать-природа так просто благоволит к нам, своим непутёвым детям, и нужно быть абсолютно бездушным, чтобы не понимать этого волшебного дара, тогда как следует всего лишь быть более внимательным и чутким, всё время практикуя взаимоотношения с природными энергиями. Не начав, всегда боишься или сомневаешься: а получится ли? Никогда не нужно бояться вмешиваться в жизнь, если это не доставляет кому-либо дискомфорта. Иначе ничему не научишься и ничего не узнаешь.

Конечно, не всё у человека может складываться с самого начала, не сразу он обретает опыт! Когда у тебя что-то не получается, значит, для этого ещё не пришло время, ты просто не готов к восприятию необходимых энергий, и потому должен копить в себе силы. Спросите – как?! С леса каких только чудес не станется, но вот покой в нём пьёт лишь воду, а беспокой – мёд, и потому без усилий, что необходимо предпринимать при отыскании в лесу чудес, никак не обойтись...

Я смолоду много ходил по лесу один, любил это делать, причём, бывал в одних и тех же местах, чтобы лучше их изучить, и обитающие там духи, по-видимому, хорошо меня прочувствовали. Я много лет проработал в море, проникся энергиями этой стихии, и она не осталась ко мне равнодушна... В результате длительной работы над собой, мне удалось обнаружить своё предназначение, нащупав индивидуальную программу именно на это воплощение, и это тоже не могло не оказать значимую поддержку в понимании себя и окружающего мира. Имея деревенский дом с земельным участком, где произрастают посаженные мною деревья, что стали мне сокровенными товарищами, я постоянно, из года в год, общаюсь с ними, забочусь, и деревья эти великодушно делятся со мной своей силой... Мне

есть откуда черпать энергию, причём, самым простым образом: сопереживая со всеми перечисленными стихиями, осознавая каждый свой шаг... В противном случае, как я убедился со временем, тебе не удастся соприкоснуться в лесу с небывалым, чем-то по-настоящему чудесным, и для того, чтобы это произошло, тебе нужно вести себя осознанно.

Когда обращаешь своё пристальное внимание на всё происходящее в природе, ты восстанавливаешь единство со всем Сущим, ту неразрывную связь, что была когда-то утрачена людьми. В этом единстве покоится всё в природе, и если вдумчиво посмотреть на любое растение, просто воспринимая его как неотъемлемую от неё и радостную данность, то тебе начнёт передаваться его скрытая от глаз людей тайна, некая безмятежная и глубокая суть, пребывая рядом с которой, ты неминуемо становишься сильнее. А надо-то всего лишь смотреть, вдыхать и слушать...

И вот тогда ты увидишь и почувствуешь, как каждый живой организм является только собой, без какой-либо раздвоенности, с самого рождения гармонично взаимодействуя с окружающей средой. Так и ты: созерцая красоту природы, избавляешься от зависимости быть кем-то ещё, непроизвольно ощущаешь эту красоту внутри себя, и сразу наполняешься энергией, которая, оказывается, есть твоя истинная суть, то состояние, что тебя никогда не оставит, только приумножаясь, если будешь осознавать её в себе всегда. И как при этом важны звуки природы, все её трели и вскрикивания, шорохи и шелесты, стрекотания и насыщенная жизнью тишина?! Если всецело отдаться хотя бы только этим звукам, открываешь нечто, казалось бы, не существующее, чего, вроде бы, и не постичь, как бы ни старался, а оно есть, да какое мощное!

Открывшись этому скрытому лесному миру, ты становишься ему близок, постепенно осознавая в себе невероятную энергию, соединяющую со всем Существованием. Если воспринимать природу только через ум, никогда не постигнешь её красоту и жизнестойкость, и потому относиться к ней нужно с душой, позволяя жизни течь в себе естественно. С этим естественным сопереживанием к тебе и приходит понимание всего Сущего, и ты целиком воссоединяешься с природой. Природа исцеляет тебя, наделяя могучей энергией, когда уже не можешь жить неосознанно. Природа ждёт достойного человека, через него она осознаёт и себя, так задумал Господь, и как хорошо всегда находиться в согласии с ней.

И так, однажды, большая радость пришла ко мне в лесу, и было этой радостью – сопричастность всему, что происходит в нём, возможность, если не поленишься, увидеть всё это и пропустить через сердце, после чего дух лесной чащи навсегда входил в тебя, уже никогда не покидая, и только

приносил огромное удовлетворение. Такая была эта радость, что не описать никакими словами, лишь переживать в себе, где бы ты ни находился: и в городской квартире, сидя за письменным столом, и работая в море, и даже во снах, когда к тебе приходили любимые лесные уголки, на век запечатлённые в памяти... Я даже не сразу понял, какое это богатство, а когда понял – почувствовал себя по-настоящему счастливым, так, что даже если и придёт в твою жизнь нелёгкое испытание, ты встретишь его достойно, как бы плохо всё не выходило, и на душе у тебя всё равно будет покойно и хорошо. Горе вперемешку со счастьем, конечно, всё равно мучительно, но всё-таки счастье уже ни за что не покидает твоего сердца, потому что в нём давно поселилась истинная правда. Правда эта заключена в твоём искреннем интересе к жизни, к любимому тобой лесу, где каждая тропинка приводит к какому-нибудь чуду... Лес как будто смотрит на тебя из какой-то светлой сказки, всё знает, что ты о нём думаешь, и оттого радуется вместе с тобой... Разве тут усидишь дома?!

Так уж выходило, что душа моя всегда страдала по лесу, как, впрочем, и по морю, что не было, конечно, плохо. Наоборот, мне казалось, что в любое время года лес даже ждёт меня, как и я жду встречи с ним, и получалось так, будто бы мы оба радовались, предвкушая тот момент, когда я войду под полог леса, а он как-то по-особенному поприветствует меня. Я чувствовал это всегда, правда, не сразу стал осознавать эту издавна установившуюся взаимосвязь, и мне было очень приятно, что лес тоже чувствует меня и понимает. Ожидая скорое соприкосновение с лесной чащей, мне уже кружил голову аромат её сырых кореньев, трав и хвои, и я верил, что мне опять откроется там нечто ещё невиданное, и так, в конце концов, и выходило. На меня снисходило вдохновение от соприкосновения с лесом, и я точно знал, что он помогает мне жить.

Пожалуй, больше всего мне помогал лесной дух, что я угадывал в удивительном воздухе, наполняющем это необыкновенное пространство, где так соразмерно умещались и птицы, и звери, и растения, и небо с землёй, и всё это необъятное, но почему-то такое родное существование было очень уютно, в нём постоянно хотелось находиться, и я отдавал своё сердце без остатка этим укромным перелескам, старым волокам и потаённым тропинкам, светлым опушкам и забытым всеми полуразрушенным деревенькам, заброшенным дорогам и не зарастающим просекам, по которым хотелось, не щадя себя, стремиться в какие-то ещё более дремучие, таёжные дали... Что двигало мной в этом устремлении? Наверное, неуёмное желание раскрытия тайн и постижение чудес, и я благословляю тот час, когда судьба свела меня с таинственной лесной чащей!

Часть вторая. НЕБЫВАЛЬЩИНЫ

Предисловие

В последние годы меня не покидает ощущение, что все неведомые существа и духи давно покинули наши леса, до такой степени они оказались выщербленными, и эту омертвелость не в силах оживить даже дикие звери и птицы, что всё-таки кое-где ещё попадаются. Но всё же я неизменно, как и раньше, отправляюсь в лес, и, несмотря ни на что, открываю в нём для себя небывалое...

Человек так уж устроен, что не в состоянии воспринять всю мудрость леса целиком, а складывает её годами из нескончаемого общения с ним, разных сказочных преданий и небывальщин, и лишь потом, незаметно и постепенно, обнаруживает удивительную и вместе с тем простую лесную быль: если, конечно, посвятит ей свою душу... Придёт к тебе однажды в лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты сможешь рано или поздно принять, по-своему объяснить и подружиться... А если не сможешь, будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей тайной, которая когда-нибудь превратится в правду. Так превратились для меня в правду совсем, казалось бы, обычные и вполне привычные вещи, потому как я наконец-то увидел в них необычное, именно чудесное, что располагается по соседству, в нашем волшебном русском лесу.

Разве не небывалое дело, если встречаешь в маленьком болотце, возле лесной дороги, куличка, что из года в год приветствует тебя, когда ты отправляешься по грибы? Или натолкнёшься в зимнем лесу на играющих у занесённых снегом коричневых плодов рогоза зайцев, позабыв за своими нескончаемыми заботами обыкновенную лесную радость... А то проследует за тобой на глухарином току одинокий волк, не понимая, чего человек позабыл в ночном лесу и крадёт, как зверь, так что на сердце ложится неопишимо сладостная отрада... Самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остаётся нескончаемой сказкой.

Такие небывалые, казалось бы, чудеса и составляют природу небывальщины, а она по своей сути – божественна, и никак иначе... Лесной бог чутко блюдёт состояние своего заповедного царства... И хоть говорят, что тайные пути Божьего Промысла человеку неведомы, но всякая тайна въяве будет, если приложил достаточно сил и умения для её разгадки. А разгадывать лесную тайну страсть, как интересно!

Да, именно лесной бог посылает тебе чудные чудеса, если ты заслужил его доверие, и оно многого стоит... Именно им, господом лесным, указано,

чего тебе суждено встретить на своём пути: либо чудо невиданное, либо испытание... Не пройдя его, да порой не одно, не обрадуется сердце, надобно тебе, непременно, радость свою завоевать...

Бывает, год проходишь по лесу, а дива дивного так и не встретишь: ты сам для себя должен определить – чего от жизни лесной хочешь? Ежели живёт в твоём сердце справедливость, приходит время случиться и удаче, ну, а коли ради озорства с собой ружьё берёшь, да к птице и зверю без уважения относишься, не видать тебе её... Во всех твоих действиях в лесу должно присутствовать разумное поведение, даже – мудрое, и тогда счастье на твоей стороне, ты обязательно узнаешь что-нибудь новое, по-настоящему чудесное...

Быть причастным к великой тайне жизни, к её божественности, значит, быть готовым к принятию небывальщины, что, кажется, не существует, но она есть. Ты веришь в божественное происхождение мира, в его чудесные тайны, и стремишься их познать. Общась с этим таинственным миром, с той же неведомой лесной чащей, ты через жизненные примеры природы открываешь для себя собственное сознание. Ты любишь лесную жизнь, самым естественным образом предан ей, и такое отношение позволяет тебе ясно видеть и понимать.

И тогда каждый миг нахождения в лесу для тебя – непередаваемо радостное волнение, открытие и устремление к новым рубежам. Ты знаешь, что завтра можешь встретить нечто совсем иное, не менее чудесное и небывалое, и, не привыкая к достигнутому, тебе просто становится радостно жить. Ты и чудесная реальность – едины, и ты видишь вещи такими, какими их никто не видит, но не потому, что обладаешь каким-то особенным зрением, а по причине достижения определённой зрелости: ты движешься в постижении мира соответственно настоящему чудесному моменту, на что ты именно сейчас способен, и это – главное. Научиться всегда воскрешать себя к восприятию нового, не довольствуясь старым, пусть оно и увлекательно, свойство истинного искателя.

Обычно люди, стремясь получить в лесу что-либо сразу, не считают нужным затрачивать особые усилия, а порой и вообще пренебрегают ими, пытаясь как можно быстрее достигнуть желаемого, и терпят неудачу... Но человек, между тем, всегда получает только то, что он заслужил, к принятию чего готов, и не в праве требовать большего, предъявляя претензии к Существованию. Каждого ОТЕЦ-ЛЕС наделяет по достоинству, и это достоинство следует кропотливо зарабатывать в своих нескончаемых лесных бдениях.

Прежде, чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с искренним приветствием. Войдя, следовать его законам и своему обращению. Открывая, познавать и радоваться. Прощаясь, благодарить, петь песню, но никогда не прерывать с ним связи...

Природа небывальщины проста: хочешь, чтобы жизнь твоя была насыщена чудесами, будь достоин её... Бери жизнь в свои руки, наполни её достойными переживаниями и любовью к природе, повернись лицом к ОТЦУ-ЛЕСУ... Он непременно отблагодарит тебя, наполнив твоё существование благодатью...

При этом очень важно понимать, что ни в коем случае недопустимо избегать безопасности в своих лесных исканиях... Если ты почувствуешь в себе потребность хоть на время опереться на кого-то, в присутствии чего тебе, якобы, ничто не угрожает, ты неминуемо собьёшься с пути. Всю дорогу к чудесному ты должен преодолеть сам, понимая, что любая опасность и препятствия только укрепят твою волю, сделают бесстрашным. Хорошо, если ОТЕЦ-ЛЕС помогает тебе, но любая зависимость от кого-либо губительна. Не преодолев свои страхи, скажем, боязнь ночного леса, ты не станешь сильным, а значит, открытым для чудесных тайн.

Природа небывальщины не только божественна, она ещё и глубоко человечна, поскольку без твоих обычных каждодневных усилий, в любое время года, недостижима... Без достаточного физического и душевного напряжения ты её ни за что не познаешь, отчего и твоя собственная глубина останется для тебя сокрыта, и в открытии природных тайн твоему человеческому состоянию необходимо соединиться с чудесным божественным, чтобы настали в жизни удивительные дни, и необыкновенно возрадовалось бы сердце...

Кажется, чего необыкновенного в том, что лохматый синий лес начинается прямо за твоей околицей, а на пригорке, возле розовотелых сосен, поутру заводит своё кукование кукушка? Июльское солнышко только-только занимается над дальним лесом, а ты отправляешься с кузовком за земляникой. Сначала уютной просекой спускаешься к небольшой мочажинке, с полузатопленными корчагами, камышом и осокой, потом, через дамбу, поднимаешься по взгорку, поросшему пушистым еловым мелколесьем, и вот, твоему взору открывается потаённый пруд, по берегам его пунцовой стеной подымается иван-чай, и дальше, сосновый бор, где земляничные покосы сменяют один богаче другого, так что сердце замирает в груди от невозможности выразить красоту этого чудесного лесного места, а за логом – новые земляничные поляны, укромные берёзовые опушки с подберёзовиками, и повсюду душистые росистые тени, пронизанные

нежными солнечными лучами... Как всё это лесное богатство не посчитать небывалым, хотя оно и раскинулось во все стороны, и повторяется бесконечно, но в тоже время в каждом притаившемся сюэдке оказывается неповторимым? Любовь к родимой лесной стороне тоже представляется тебе небывалой, она, кажется, переливается в тебе через край, и ты удивляешься, какой необъятной может быть душа, если в ней уместается чуть ли не вся наша русская природа, и тебе неудержимо, как бы не увлекали за собой лесные тропы, хочется сесть за письменный стол, чтобы почувствовать, как уже из твоего сердца изливаются на бумагу простые и чудесные русские слова, что затронут и другие сердца своей небывалой любовью... Разве всё это не восхитительное чудо?!

С детства засело мне в голову, что и жизнь, и всё существующее в ней, нечто небывалое, и его непременно следует получше разузнать. Возможность встретиться с ним представлялась ничем не оспоримым фактом, нужно было только приложить усилия, хорошенько постараться, и это небывалое непременно предстанет перед тобой. Каждый день, сам по себе, был невероятно интересен, даже не возникало сомнений, что может происходить иначе, и во мне как-то просто родилось убеждение, будто и я могу совершить в жизни нечто небывалое, если захочу, а хотелось мне этого очень... Ведь везде вокруг всё было удивительно небывалое, и это небывалое дарил ОТЕЦ-ЛЕС...

Были времена, когда я сделался чуть ли не настоящим лесным существом, что преданно, как-то даже исступлённо служит лесу, и до такой степени проникнут этой своей преданностью, что и себя, кажется, не помнит. И вот именно в ту пору мне открывалось самое интересное и чудесное в лесу, приходили звери, будто не замечая рядом человека, а пуще того, стали открываться разные неизведанные существа, я стал отчётливо ощущать их присутствие, и со мной нередко происходили всякие занятные истории, что не пугали, а занимали... Что это было – я не знал, может быть, таким образом, ОТЕЦ-ЛЕС выявлял мне своё расположение, вполне доверяя моей искренности по отношению к нему, и я был ему за это благодарен. И для всего этого требовалось именно любить лесную чащу, постоянно бывая в ней, причём, непрерывно, в любое время года, не охотясь на зверей и птиц, лишь наблюдая за их жизнью... Хорошо мне было тогда раствориться в любимом лесу, беседовать с птицами и зверьми, с самим Батюшкой-Лесом, и больше – ничего. Наверное, был я по-настоящему счастлив, и моё усталое лицо нередко светилось от невероятной радости, какую я уж давно не переживаю...

Впрочем, стоит мне только очутиться в лесу, и сердце тотчас оттаивает, я опять переживаю приподнятое настроение, и чувствую себя молодым и голодным до чудесных знаний, как и раньше. Хорошо и больно одновременно: хорошо оттого, что вновь ощущаешь эту лесную загадочную правду, а больно, что не испытать тебе уже той давней радости, того удивительного волнения, как в давние годы... Ну, да и что с того, главное, что-то незабываемое и чудесное присутствовало в твоей жизни, будоражило ум и чувства, перешёптывалось с тобой чуть ли не на одном языке, и ты всё это пережил.

Так что же такое – «небывальщины»? На деле, это вполне обычные для леса явления, их просто никто не видит, а кому удаётся, из-за редких встреч с ними принимает эти невиданности за нечто небывалое, отсюда и слово – «небывальщина», само по себе, между тем, красивое, притягивающее какой-то тайной, что хочется непременно разгадать... И я с удовольствием эти тайны разгадывал всю свою жизнь, и «небывальщины» никогда не становились для меня при этом чем-то обыденным, они всегда превращали мою жизнь в праздник.

Приоткроется тебе однажды в лесу такое небывалое, что, кажется, даже не снилось никому на свете, но и его ты постепенно сможешь принять, по-своему объяснить и подружиться с ним... А ежели не сможешь, будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей тайной, что когда-нибудь обязательно превратиться в правду.

Ведь лесной дух никогда не показывается человеку на глаза, а только незаметно вглядывается в него. Можно иметь с младенчества какую-то первобытную слитность с лесом, чувствовать его нутром, не испытывать к нему недоверия и страха, но он всё равно будет проверять тебя на прочность своей дремучей и пугающей глубиной, в которую не всякий зверь сунется, а заглянув – отпрянет. Приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, нести в себе, и благодаря этому черпать желание жить, постигая небывалое...

Но иногда к тебе в лесу приходит нечто совершенно необъяснимое, его и небывалым назвать язык не поворачивается, до того оно представляется невероятным. Чудесное часто исчезает после того, как его хорошо исследуют, но истинное чудо неповторимо! Даже увиденное дважды, оно всё равно потрясает, столкнувшись с ним, ты опять обо всём забываешь, будто встречаешь впервые, и тебе хочется вновь переживать его, наслаждаясь неповторимостью момента, и чувствовать себя счастливым... Вот об этом невероятном, вернее, случившимся со мною в лесу впервые, то есть, ранее ещё небывалом, я и хочу рассказать...

НЕВЕДОМАЯ ЛЕСНАЯ СИЛА

Сколько помню себя, во мне всегда присутствовало острое желание раскрыть суть силы, таящейся в недрах леса, но как только я в нём оказывался, эта сила, слегка коснувшись сознания, всякий раз, неминуемо, ускользала. Почему тайны леса не давались мне, минуя моё понимание, я не знал.

Нельзя сказать, что я совсем был лишён внимания леса, иногда он откликался на мои неутомимые искания, но, тем не менее, подлинная жизнь леса долгое время оставалась для меня недостижимой, несмотря на то, что я постоянно бывал в нём. Никто, даже бывалые лесовики, не могли мне объяснить: откуда тайны леса появляются, в чём они заключены, да и сам лес черпает свою силу? Каким богам обитатели леса поклоняются, и, может быть, приносят жертвы?! Слишком недостижимым для понимания казался опыт лесной чащи и её веками накапливаемое могущество...

Я не мог запретить себе думать о том, на что пока у меня не было ответа, но я был уверен, что не потерял способности удивляться: ведь удивлению всегда сопутствует радость, а радости моей при общении с лесом не было предела! Конечно, очутившись в городе, воцарившаяся во мне таинственная лесная тишина, ещё на какое-то время задержавшаяся в душе, вскоре исчезала, и всё же, рано или поздно, к сердцу вновь подступало нетерпеливое желание постигать этот загадочный мир, воображение опять рисовало укромные лесные тропинки, на которых я должен был непременно столкнуться с их таинственными обитателями, и не существовало сил, способных удержать меня дома...

Мне казалось, что если я подстрелю стремительно взлетающего краснобрового тетерева или неожиданно выбежавшего на меня зайца, то в самом звере и птице обязательно обнаружу мучающую меня разгадку, я узнаю и о них, и о лесе что-то очень существенное, приближу к себе то, что только мечталось раньше разузнать, но вот, зверь в твоих руках, ты держишь за лапы тяжело свисающего над землёй белоснежного зайца, косящего на тебя черносливом своих остановившихся пугливых глаз, а тайна, несмотря на удовлетворение от меткого выстрела, как будто куда-то ускользает... Ты сам подстрелил и в себе, и в окружающей чудесной природе что-то очень ценное, что не даёт тебе покоя, и оно вновь надолго прячется куда-то от тебя... Лесная сила, которую ты хоть и не видишь, зато постоянно ощущаешь, становится, кажется, вообще недостижимой, лес отчуждённо взирает на тебя, и ты с горечью в сердце переживаешь произошедшую в окружающем

пространстве перемену, и это отрезвляет, постепенно вынуждая быть в лесу более чутким и внимательным, а в своих размышлениях неторопливым, даже – осторожным...

Именно поэтому, наверное, и начинаешь понимать свою внутреннюю неразделимость с лесом, то, как дорог он тебе на самом деле... Но ты, между тем, делаешь в нём всё не так, не сообразно с божественной природой, когда, наоборот, обязан поддерживать с ней единство и чуткую взаимосвязь, без этого тебе не постигнуть ни одну тайну, и всё же ты по-прежнему берёшь с собой в лес ружьё, безотчётно жаждая подстрелить птицу или зверя... Глухари и рябчики, вальдшнепы и тетерева, куницы и зайцы, неторопливые до величественности лоси по твоему глубокому убеждению только и созданы для охоты на них... Как можно не выслеживать этих великолепных животных, думаешь ты, не настигать их верным выстрелом, идя по следу, не переживать восторг от того, что удалось перехитрить зверя и добыть его... Когда же охота завершена, тебе что-то мешает до конца насладиться своей удачей, и неотступно преследует мысль, что ты, как не крути, не достиг чего-то очень важного, даже не приблизился к нему, а главное, утратил в себе возможность постичь суть ОТЦА-ЛЕСА, она будто ещё более отделилась от тебя, кажется, стала почти недостижимой...

И вот, именно тогда, постепенно, ты начинаешь постигать, что в этом слиянии с лесом недопустимо нести в него смерть... Только после ночи, проведённой в лесу, встречая в нём раннее утро, ты проникаешься неисчерпаемостью времени, понимая, как скуден сам по себе световой день в сравнении с таинственными сумерками, в которых и зарождается тайна. В лесной избушке или у костра, как нигде лучше можно подумать и даже попытаться объяснить – почему такая жизнь некоторым людям представляется более содержательной, даже – настоящей, чем в городе... Не потому ли, что большинство людей как раз не используют свои человеческие возможности максимально, живут недостойно собственной природы, и мало того, принимаются охотиться на обитателей леса, попав под его обаяние и пытаясь уйти от себя, тогда как животные, птицы и деревья, в сравнении с ними, уже давно достигли в этом смысле необходимой мудрости и красоты?

Задушенный неверным воспитанием, постоянно отвлекаемый от достойной цели беспокойным умом, а точнее – отсутствием каких-либо обязанностей перед самим собой и обществом, человек уже не может направить себя на путь свободного слияния с природой. Для этого он должен быть достаточно внутренне силён. Человек же, как существо довольно ленивое, всегда предпочитает наименьшие усилия, и только тот, кто сохранил звериную тоску по своему далёкому прошлому, знающий цену

настоящему и верящий в прекрасную необозримость будущего способен быть поистине неутомимым и пронизательным. И однажды я вдруг понял, что уже не смогу убивать, и отказался от ружья...

Да, только благодаря жаждущей познания неутомимости и отказу от насилия, я вдруг почувствовал себя свободным и счастливым, испытывая уже иную, не связанную с охотой потребность в природе. Во мне появилось неистребимое желание стремления к гармонии и в жизни, и в себе. И ещё – жажда знания, неудержимая ничем решительность и истинная любовь к лесу. Не однажды познав удивительное состояние покоя в лесах, допустимое только среди дикой тишины, камней и бегущих по небу облаков, я вдруг тонко почувствовал лес, и так, в тесном содружестве с природой, в полной мере пережил в сердце её божественное благо.

Постепенно я стал более чуток к восприятию леса, ко всему, что там происходило со мной... Например, ночью, в лесной избушке, или сидя у костра, я всегда ощущал, что окружён неведомыми лесными существами, о которых ранее даже не подозревал. В ночном лесу позволяешь себе любые фантазии, и что интересно – потом спишь крепко-крепко. Тело становится невесомым, сердце, словно непутёвый щенок, мягко и успокаивающе толкается в груди, и ничего, кроме того, что тебя окружает, не приходит во сне: только пряная свежесть елового лапника под головой, редкий дым, уносящий и сливающий со звёздами мириады оранжевых искр, неизбывные и немножко грустные порывы ветра, неловко путающиеся в верхушках деревьев, чистота открывающегося ночного неба... Всё кажется простым и понятным, так что никуда больше не хочется идти. Весной, особенно перед рассветом, вдруг появляется спокойная уверенность, что ничего страшного с тобой в лесу произойти не может, и жизнь не минует тебя своим вниманием, поскольку ты уже давно заложил ему свою душу, и вышло это само собой.

А вскоре в мою жизнь пришёл Учитель, и помимо всего, что он привнёс в неё, многое, именно благодаря ему, открылось мне и в понимании леса... Учитель был настоящий маг, чародей, с удивительной лёгкостью понимающий и окружающую нас жизнь, и любого человека. Необыкновенный по силе воздействия, Учитель научил меня видеть то, чего я раньше не видел, вернее даже поставил моё сознание, и я постепенно заметил, как обретаю в себе свою исконную природу, отчего почувствовал, что ещё более радостно и легко становится жить.

Как-то я спросил у него:

- Ведь все испытания, ниспосланные на человека судьбой, тем более, в содружестве с природой, вернее всего, действительно оказываются для него благословенными, но как быть с неведомой лесной силой, с теми

существами, что ты чувствуешь – приходят к тебе, они где-то рядом, но ты их не видишь?

- В отношении с этими существами важно не повредить себе собственной боязнью, страхом, когда ты ощущаешь их присутствие или они даже неожиданно предстают перед тобой. Существа эти очень чутки, и если вступают в общение с человеком, то только с очень уверенным в себе, достаточно знающим. В нём должна присутствовать не похожая ни на кого черта, некое таинство, такое же сильное и загадочное, как сама жизнь.

- Зачем все эти существа созданы Богом и населяют наш мир?

- Существ много: и самые невероятные громадные страшилища ростом в несколько метров, и крохотные эльфы с гномами, их – тысячи... Все они наделены определёнными, достаточно развитыми свойствами...

- Для чего?!

- Может быть, для того, чтобы испытывать человека постоянно. Он, внутренне, стал абсолютно неактивен. Только под себя гребёт, но ведь так нельзя, это – непродуктивно и губительно. Впрочем, в жизни можно совершать всё, что угодно, только отвечать придётся. Так вот они, эти существа, неслучайно тревожат наши заблудшие души, вынуждая задуматься о своей жизни: как ты в ней всё обустройстваешь, или, наоборот, ничего достойного не совершаешь, живёшь беспечно... Словом, не дают покоя, время от времени подшучивая, раздражая, а кого-то – и наказывая...

- Вы думаете, это только их инициатива?

- Кто его знает... Важно прислушиваться к любым сигналам, исходящим от окружающего тебя мира.

- А сущности издают какие-то звуки при своём появлении?

- При мне – ни разу, общение происходило телепатически, мысленно... Да они и не особо откровенничали: просто – изучали меня, и я чувствовал это.

- Вы что делали при этом?

- Наблюдал, никак не реагируя. Я вообще никогда не вмешивался в их существование, потому что неизведанное и должно оставаться таким, как есть, если существа сами не проявят активность. Надо быть самим собой, не нарушать их границу, ждать: всё определится со временем. Важно – не спешить.

- Существа проявляли к вам интерес?

- Похоже, я ничем особым не был для них полезен, но вот что интересно: после этих встреч я начинал замечать что-то новое и в себе, и в окружающей действительности, на что раньше не обращал внимания.

- Они приближались к вам?

- Нет, оставались на расстоянии, метров тридцать, может быть, чуть больше...

- И чем были заняты?

- Когда как, что-то непонятное... Однажды один уселся на берёзе, метрах в трёх от земли, другой – обхватил её снизу. Но я очень остро ощущал на себе их внимание: будто бы мы общались, но ничего на самом деле не происходило. Со мной жена была, так она тоже вдруг обняла стоящее рядом дерево и заплакала. От страха, наверное... Для неё это была редкая удача – увидеть эти существа... Без меня бы они ей вряд ли показались. Похоже, существ заинтересовала моя энергия, но они не могли выделить для себя что-то нужное... От того, должно быть, и обозначили себя. А я зашёл в их мир.

- Вам это что-то дало?

- Восприятие этих существ: я их увидел и почувствовал, это – опыт... Я и в лес пошёл в тот раз только потому, что знал: кого-то из них обязательно увижу... И жену взял для того, чтобы она сама во всём удостоверилась и почувствовала ритм иного мира. А тебе приходилось хоть раз, при всех твоих многолетних лесных путешествиях, проникнуть в него также глубоко?

- В смысле – встречались ли мне в лесу все эти существа?

- В том, что ты их видел, я не уверен, но ведь всё-таки что-то необычное случалось?

- Не могу так сразу точно сказать – что это было на самом деле: нечто неуловимое, к чему даже не решаешься прикоснуться и поверить в его существование... К лесу вообще стараешься относиться очень внимательно, даже трепетно, и, не обретя достаточно глубокого опыта в общении с ним, всегда опасаясь: как бы не навредить ему своим несовершенным присутствием... А тут ещё вдруг нечто, которое не поддаётся никакому объяснению!

- Есть такое...

- А как лес сам себя защищает?

- От человека?

- В основном, наверное, лесу приходится противостоять именно ему?!

- Через местных духов, которые всегда взаимодействуют с животными и природными стихиями.

- С существами тоже?

- Существа находятся в своём, обособленном энергетическом состоянии, и вряд ли они подвержены силам нашего мира, потому как имеют возможность в любой момент избежать столкновения с ними, мгновенно перемещаясь в иное измерение.

- А духи способны, видимо, обозначать себя, как эти существа?

- Нет, они воздействуют на мир людей стихийно: насылают на какого-то человека, если он того заслужил, ненастье или находящегося неподалёку зверя.

- И тот расправляется с этим человеком?

- Всё зависит от нанесённого им ущерба миру леса.

- То есть, могут просто напугать?

- Именно.

- А в каком-то случае – напасть?!

- И тут также всё зависит от самого человека... Вот у тебя когда-нибудь случалось подобное?

- ???

- Ведь ты продолжительное время охотился на птиц и зверей, ставил на них капканы и убивал, и это не могло не сказаться на твоей жизни?!

- Каюсь, было... Отец с детства увлёк меня таинствами лесной жизни, да и дед с прадедом охотились, всегда держали гончих собак, но я однажды всё-таки отказался от охоты, сдав ружьё в соответствующие органы... Трудно было отказаться от этой завораживающей страсти, когда убийство и муки зверя ты оправдывал красотой природы, без которой будто бы не представляешь себе существования, но ведь звери и птицы всё погибали и погибали, именно ты прикладывал к этому своё возбуждённое охотой усилие, и совсем, однажды, чуть ли не позабыл о своей душе, которая не могла не противиться этому насилию... Мне стало стыдно, даже – пусто, и как-то в один миг я решил прекратить все свои охотничьи забавы, в тоже время попытавшись воздать лесу должное, и хоть как-то возместить нанесённые ему утраты...

- В чём это выразилось?

- Я вдруг сразу понял, что природа непобедима, и нужно жить с ней в согласии, потому и стал писать книги о птицах, животных и растениях. Я и раньше любил всё, что было связано с этим удивительным лесным миром, но только никак не получалось обнаружить с ним взаимодействие именно в собственной душе. Хотелось со всем старанием превозносить красоты природы, отображая в своих рассказах друзьям и близким, как там всё замечательно, а охота на обитателей леса и их убийство преподносились мною чуть ли не как геройство! Я потерял себя тогда, и именно поэтому, наверное, очутился здесь, Учитель, у вас...

- Да... Наделал ты делов...

- Вы так просто говорите об этом?!

- А как ты хотел?! Навредить лесу, и, ни за что не ответив, исчезнуть?

- Клянусь, переживал в себе всё это очень мучительно. И переживания длились долго. До сих пор не отпускает чувство вины... Особенно вспоминается кунья мордка...

- Зверёк, что ли?

- Да, куничка, пытливо вглядывающаяся в меня с соседнего дерева, буквально – в нескольких метрах... Взял – и выстрелил в неё, ни с того ни с сего, просто, чтобы, наверное, овладеть редким зверем...

- И только-то?!

- В лесу тобой движет какая-то глубоко заложенная в тебе дикая страсть, преодолеть которую сразу не удаётся... Помню, уже отказавшись от охоты, так неудержимо тянуло опять отправиться с манком на рябчика, осенью, или постоять апрельским вечером на вальдшнепиной тяге, с ружьём, в нетерпеливом ожидании, когда птицы потянут в розовеющем закатном небе, возбуждённо вскрикивая «цвиг-цвиг, цвиг-цвиг, хор-хор...»

- Да... Если бы не творчество, погибла бы твоя душа...

- Но ведь поиск подразумевает и увлечения, и заблуждения, и даже – насилие! Все эти ошибки составляют твой опыт, без них в росте души не обойтись!

- Верно... Только следует помнить: недопустимо повторять одну и ту же ошибку. А что касается охотничьих жертв, они повреждают именно ауру человека, пока он не смост с себя все смерти. Отмеченный таким знаком – узнаваем природными силами всегда, где бы он ни находился.

- То есть, та часть лесного мира, где я долгое время пребывал, нарушая его гармонию, восстанет однажды против меня, и я получу за это испытания?!

- Именно так.

- Значит, мои защитные силы зависят от моего же душевного настроения, связанного со всем живым миром, что нас всех окружает?

- Этот живой мир очень чутко реагирует на мысли и поступки любого человека, тем более, того, кто постоянно связан с природой... И уж совершенно очевидным следует признать, что спрашивает он, в первую очередь, с учинившего над лесом расправу...

- Тут, наверное, и лесные существа могут вмешаться?

- У этих существ иное восприятие, своя энергетическая частота существования, способность защищать себя и уметь отстаивать свою жизненную нишу. Встретиться с ним возможно либо случайно, либо когда они сами, по неизвестной для тебя причине, этого пожелают. Лесные духи и так всё видят и слышат, и, конечно, ощущают, давая возможность человеку

самому почувствовать их, начать относиться к лесу с уважением, ибо иные взаимоотношения, не предполагают.

Правда, это уж совсем непознанное дело, даже для самого умудрённого лесного искателя, а большинству людей и вовсе непознаваемое... Их, наверное, этих самых таёжных духов, и называют «лесным богом», что блюдёт в лесу должный порядок, охраняя зверей и птиц, воздух и растения... Сокровенней небывальщины и не придумаешь!

- И всё же появляются эти существа, чаще всего, именно для устрашения людей?

- Вовсе нет. Они могут просто забавляться. Причём, следят за каким-нибудь человеком, что часто ходит в лес, долго, порой несколько лет...

- И ничего не предпринимают?

- Всё зависит от человека, как я уже говорил: чем он занят в лесу и кто он сам.

- То есть?

- Что за человек... Какой у него характер, мысли... Много значит уровень энергии, которым этот человек обладает, и каким образом ей пользуется.

- При своём наблюдении за людьми эти существа вообще не показываются им?

- По большей части, это опять же зависит от самого человека. Как правило, поведение их непредсказуемо: обычно они остаются невидимы, но могут и возникнуть перед тобой в самый неожиданный момент... Порой появляются лишь на мгновение – сзади или сбоку, так, что ты, скорее, почувствуешь их присутствие, нежели увидишь. Вобщем-то, они всегда скрытны, мало кому из людей удавалось их встретить, и уж тем более тщательным образом разглядеть. Для многих это, пожалуй, и неосуществимо, да и вид у этих существ жуткий, человек может быть по-настоящему потрясён, впасть в обморок, словом, лишиться чувств.

Сущности и духи повсюду в лесу, ты просто зашёл туда, в лес, и они тебя уже услышали... Как они тебя обнаружили, так уж не оставят без внимания, каждое мгновение находясь рядом... Не преследуя, нет, только наблюдая за тобой, вглядываясь в твоё пребывание на земле, не только в лесу, и даже когда ты окажешься у себя в деревенском доме или городской квартире, духи непременно посетят твоё жилище, всё тщательным образом исследуют, они просто войдут в твою жизнь, уже не оставляя тебя до самого конца. Для тебя же будет лучше, если ты не перестанешь быть честным по отношению к себе и окружающему миру, и будешь, как и прежде, продолжать посещать лес, никого там не обижая...

- Нужно, наверное, быть готовым к подобной встрече?

- Разумеется. Но даже если ты готов, и что уж совсем большая редкость – способен начать с ними общение, они, тем не менее, никогда себя так и не объявят. Для нас это необъяснимо, потому что эти существа – из других миров, которые для нас пока недоступны.

- И нам туда никогда не попасть?

- Мы пока не готовы к этому. Человеку бы для начала здесь во всём разобраться, главное, в себе, а мы на знакомство с неведомыми существами замахиваемся... Даже изредка встречаясь с ними, мы не можем знать про них всё.

- А могут эти существа менять свой вид?

- Могут. И я был тому не раз свидетелем, но угадать эти перевоплощения очень не просто.

- Что для этого нужно?

- Ходить в лес многие годы, всю жизнь, причём, никогда не прекращать эти походы, совершая их постоянно. Общение с лесной чащей не должно прекращаться. Всё это необходимо совершать без оружия, с любовью, не забывая произносить лесу слова благодарности. Хорошо было бы знать всех птиц и зверей, растения и травы. Мало того, понимать их, иметь чёткое представление, как ими пользоваться. Ты вот чувствуешь силу природных стихий, ощущаешь на себе их энергию?

- Да, ощущаю.

- Сильного человека эти энергии никогда не одолеют.

- Почему?

- Его энергия тоже необыкновенно сильна, стихии чувствуют это, и даже помогают ему: иногда подсказывают – чего стоит поостеречься, а случается – и защитят... Но никогда не препятствуют на пути достойного человека, лишь оберегая его, относятся к нему с уважением. Подобным образом ведут себя и существа, и действуют соотносительно ситуации.

- Что это значит?

- Они с большим доверием относятся к тому, кто способен жить в лесу один, без какой-либо посторонней помощи. Если, конечно, находиться в согласии с природой, никого не убивая, и благодаря этому общению с природой, ко всему прочему, увеличивать свои знания и навыки, то есть, расти.

- А если в лесу оказывается неподготовленный человек? Пусть даже не злой, просто – непутёвый?

- Я чётко для себя усвоил, что существа приемлют только осознанное поведение. Но даже при этом пристально наблюдают за человеком, ни на секунду не упуская его из виду.

- Как они это делают?

- Их возможности намного превышают наши. Эти существа в состоянии разглядеть тебя на значительном расстоянии, даже – ночью. Мы вообще не имеем права говорить о том, как они всё это осуществляют.

- ???

- Реальности, в которых мы с ними обитаем, абсолютно разные.

- И нам никак не проникнуть в их мир?

- Для этого следует досконально изучить собственный, и вот когда это произойдёт, возможно, что-то в наших существованиях и совпадёт. Впрочем, уже совпадает у тех, кто к этому готов.

- Все эти существа, как я понимаю, очень тонко воспринимают энергию человека?

- И ведут себя с ним соответственно. Могут, как я уже говорил, наказать, если кто-то сильно им не понравился, а могут отложить расправу, даже растянуть её на долгий срок, так что человек ходит по-прежнему в лес – охотится или собирательством занимается, но постепенно гаснет, силы его покидают. Рано или поздно он гибнет.

- А если ты понравишься им?

- Просто спокойно продолжают существовать, причем, не теряя тебя из виду. Никогда не объявят себя, пока не сочтут это нужным. Попадёт такой человек в беду – смотрят, как он себя поведёт, не вмешиваются, надеясь, что человек справится со всем сам.

- Вы сказали – «надеются»?

- Вернее, наблюдают, будто развлекаясь. Встречаясь с ними не раз, пришёл, в конце концов, к выводу, что они, скорее, не умные, а чуткие, обладающие определёнными, привычными для себя, практиками, выше которых подняться не в состоянии... Но, способны на многое.

- Например?

- Они знают про тебя всё, когда встречаются в лесу. Даже если видят впервые. Могут находиться далеко от тебя, но при этом – чувствовать.

- Как волки...

- Вроде того... Механизм их видения мне неизвестен, вероятно, какие-то природные техники, которыми владели и наши древние предки.

- А они чувствительны по-человечески, как вы думаете?

- Думаю, нет. И в этом – мы сильнее их, только не используем свои возможности.

- Присутствие человека в лесу как-то влияет на жизнь этих существ?

- Знай: всё в окружающей природе реагирует на внимание к нему человека... И деревья, и птицы, и камни, и море. Когда человек наблюдает за ними, они меняют настроение и структуру, их форма, в конце концов, изменяется, становится другой.

- Почему это происходит? Разве морю или камням так важно отношение к ним человека?

- Именно так. Но только внимание настоящего, цельного человека. Такой человек способен заряжать своей энергией тысячи людей, и природные стихии, подверженные изменениям, это знают.

- Значит, их можно изменять так, как ты этого пожелаешь?!

- Абсолютно верно. И мало того: все вещи только и ждут, как бы это поскорее случилось!

- Поразительно... Но для чего им это нужно?.. Ведь они и без того кажутся совершенными?! Разве не Бог сотворил весь этот окружающий нас мир?

- И при этом Он лишь человека наделил способностью к созиданию. Один человек есть божественный канал, через который Всевышний пожелал ещё более полно выразить Себя, и, значит, человек, как никто, нужен Ему, в подтверждение чего Божья Воля проявляется в жизни человека ежесекундно, и с каждым днём жизнь его должна становиться всё лучше и лучше во всех отношениях, это зависит от самого человека, потому как Вселенная изобильна, и она не зря во всём и всегда ему помогает, а значит, человек в состоянии изменить мир к лучшему, бесконечно продляя своими действиями Господнюю Волю...

- И на лесных существ человек способен оказывать воздействие?

- Конечно. Ведь всё существующее обладает определённым уровнем сознания, но что может сравниться с человеком, у которого в душе Бог? Сознание, разумеется, проявляется через разные формы, только вряд ли бы Всевышний предпочёл каких-то страшилищ, пусть и наделённых неординарными возможностями, для содержания в себе божественной сущности. Разве способны они осознать её в себе, поддерживая и развивая игру Бога?! Думается, подобное суждено только человеку...

- Звучит обнадеживающе, если учесть, что человечество с устрашающей скоростью движется к своему безумию...

- И, тем не менее, это так. Мы способны влиять на окружающий нас мир, когда обретаем в себе собственную глубину. К тому же, в лесу или на море наше состояние меняется, оно становится несколько иным: в нём появляются

новые возможности. Вот ты провёл в лесу много времени, ощущал ли ты там в себе какие-либо перемены?

- Мало того: только в лесу, да и на море, мне пришлось столкнуться с необъяснимыми явлениями... Это была какая-то неведомая сила.

- Потом ты мне непременно расскажешь об этом, а теперь бы я хотел обратить твоё внимание вот на что... Очень важно полностью присутствовать во всём, что тебя окружает, тем более, в море, горах или лесу. Наблюдение за каким-либо объектом отвлекает сознание от назойливого мышления, ото всех этих обременительных мыслеформ, и оно становится просто очевидцем. В результате неограниченное ничем сознание очищается, оно укрепляется, а беспокойный ум безвозвратно теряет свои позиции. Ты обретаешь недостающую тебе силу. На деле всё обычно обстоит не так, как ты себе представляешь...

- А я думал – наоборот.

- Это неплохой ответ, если ты действительно честен по отношению к самому себе и готов к встрече с любыми неожиданностями, умея справляться с ними: ты знаешь, что истинной природе вещей ничто не угрожает.

- Как только перестаёшь думать, становится так спокойно...

- Ум – это, по сути, механизм выживания, но не жизнь.

- Что же есть жизнь?

- Прекращение страданий... Простое и естественное состояние, в котором ты чувствуешь единство с Бытием, а ум при всём этом – твой надёжный инструмент. В лесу это становится особенно ощутимо, и сознание здесь ничего не теряет, только приобретает.

- А если мы, люди, как форма, исчезнем на Земле?

- Сознание просто будет выражать себя через какую-либо иную форму. Во Вселенной такие формы бесконечны...

- И всё же, мы – единственные на этой планете сознательные существа? И значит, способны распознать не только свет, но и тьму?

- А почему ты решил, что какие-то существа могут быть только тьмой, а кто-то лишь светом? Любая претензия на исключительность – есть отождествление себя с эго. Самое важное – поддерживать постоянную связь со своей внутренней сутью, это преобразит твою жизнь и изменит отношение к тебе лесных существ.

- Они станут более доступны?

- Ты сам увеличишь частоту собственных внутренних вибраций, сила твоя возрастёт, и на энергетическом уровне уже никто не сможет причинить тебе беспокойство и боль.

- Но существа изменят ко мне отношение?

- Конечно. Они не смогут подчинить тебя себе, главенствуя только в одной отпущенной для них нише, тогда как ты в состоянии будешь бывать в самых разнообразных мирах, потому что сознание твоё вспомнит о своём происхождении и возвратится к Источнику.

- Только если я буду сохранять осознанность?

- Да, и всегда будешь неподвластен времени. Осознай своё тело и окружающее пространство, как если бы ничего больше не было, и тогда ты будешь любить и ценить весь явленный мир и каждую отдельную форму жизни...

- И этих существ?

- Они это непременно почувствуют...

- Значит, иными словами, кроме человека никто не способен к самореализации во всей её полноте?

- Тому, кто хочет оставаться во тьме, свет причиняет боль, а радость не обусловлена какими-либо причинами, это – наше естественное состояние. Самое лучшее, чему может научиться человек, это не сопротивляться тому, что есть. Позволяй себе просто быть там, где ты находишься, и спокойно принимай приходящую к тебе природу всех вещей. Изживи свою зависимость от внешних форм, и тогда вообще перестанешь чего-либо бояться.

- А я и не боюсь, мне только интересно во всём разобраться, наблюдать...

- И непременно – развиваться!

- Да, и так радостно всё познавать, идти по этой дороге постижения, когда тебе, ты чувствуешь, помогают все... Всё окружающее пространство радуется вместе с тобой: и весеннее небо, если это весна, и радуга на нём, и кулики-черныши, с восторженным уитьканьем срывающиеся с крохотных лужиц вдоль раскисших дорог... Это душистое, наполненное жизнью пространство хочется пить, не пьянея...

- Вот-вот... И как это ни странно прозвучит – человек в лесу вообще не должен преодолевать какие-либо невероятные трудности. Было бы очень хорошо как раз не противодействовать силе леса, а слиться с ней, отдавшись на её волю полностью. Всякое сопротивление лишь отдаляет человека от природы, лишая его радости.

- Но как вести себя, когда наталкиваешься в лесу на границу понимания, по-видимому, так никогда и непреодолимую?

- Всё дело опять же в твоей неосознанности... Чтобы быть свободным, достаточно почувствовать себя им, и для этого нет лучшего способа, чем именно отправиться в лес! Ты много и подолгу бывал в лесу, но не научился

правильно ко всему относиться, в первую очередь, к самому себе. Если бы ты осознанно вступал в лесную чащу, спокойно взаимодействуя с окружающим миром, тебе бы не пришлось противопоставлять себя ей. Знаю, временами тебе удавалось ощутить гармонию с природой, но потом ты опять хотел её победить, а это невозможно.

- Чем же тогда в лесу обходиться?

- Просто живи в лесу, как тебе это иногда удавалось, принимай там всё таким, какое оно есть, и старайся воспринимать деревья, животных и птиц абсолютно родными, близкими тебе существами, перед которыми, в тоже время, совсем не следует преклоняться и уж тем более – боготворить. Будь естествен, но, растворяясь в лесном пространстве, не растеряй в нём себя, сохраняя своё истинное «я».

- Просто – быть собой?

- Именно так. Но только, ни во что не вмешивайся.

- Разве такое возможно?

- Старайся делать лишь то, что требует от тебя ситуация, и действия твои не должны никого ограничивать. Все в лесу равны, каждый лишь обладает своей энергией. Те же растения могут как наделять тебя ей, так и отнять: всё зависит от тебя, на каком ты уровне будешь с ними взаимодействовать. Поведёшь себя соответственно своему благостному чутью – вы друзья, попытаешься верховодить – не заметишь, как потеряешь последнее. А самое главное, чтобы в лесу никто не мучился от общения с тобой: последствия могут оказаться непредсказуемыми... И не забывай благодарить, просить прощения, разговаривать со всем, что тебя в лесу окружает: и деревья, и все видимые и невидимые существа никогда этого не забудут. Если ты верно относишься к лесу, он всегда тебя защитит, даже в мелочах...

- Я сталкивался с этим не раз.

- Ну, вот видишь! Если хочешь, чтобы природа открылась во всей своей силе, помыслы твои должны быть абсолютно чисты, ибо она безошибочно угадывает, когда человек этого состояния достигает.

- В лесу я больше предпочитаю чувствовать, догадываться и не стремлюсь сразу всё увидеть и понять. Такой невероятной силой наполняют эти сокровенные бдения в лесу, особенно ночью, на глухарином току... Как замечательно сидеть в лесу у костра и спокойно думать обо всём, что произошло с тобой за день, а ещё лучше вообще ни о чём не думать и отдаться приятному ощущению слитности с окружающим миром. Но трудно бывает сохранить и употребить это волшебство могущественных лесных сил...

- А не страшно оставаться в ночном лесу одному? Ведь хочется, наверное, хотя бы разделить с кем-либо свои опасения?

- Не знаю... Я как-то сразу почувствовал, что только в одиночестве можно открыть в себе что-то важное, и если хочешь чего-нибудь понять, в лесу следует непременно оставаться одному. Только тогда наступает спасительное обретение... Важно ощутить гармонию взаимоотношений в природе, которая быстро проникает в тебя и великодушно вводит в свой мудрый круговорот, что в полной мере недостижимо среди людей. А какое счастье просто взять и отправиться в лес, затеряться в нём и, разведя костёр, оставаться там один на один со всем Мирозданием! Никогда не бывало, чтобы в лесу не пробудилось ощущение свободы...

- Это верно... Желая проникнуть в суть вещей и явлений – всегда обращайся к природе, потому что лес – источник той огромной силы, которую ничем нельзя заменить. С вечными поисками цели своего существования человек есть явление не противоестественное, а наоборот, правое, причём, более проникновенное, чем любое дерево или цветок, ибо он один в природе способен развивать себя бесконечно. Но при этом устройство природы таково, что она обязывает человека, в первую очередь, к обыкновенному терпению, и ей ещё никогда и никому не приходилось отдавать всё без остатка. Природа умеет хранить свои тайны, чтобы не растратить накопленное величие и богатство, иначе бы её давно и бессовестно опустошили.

- Мне нравится, что в лесу заключено много такого, что не сразу попадает на глаза, но, даже попавшись, ничего не объясняет: его надлежит неспешно и вдумчиво разглядеть. Работа эта, если ею заняться всерьёз, доставит немало удовольствия, обогатит душу, разовьёт внимание и воображение. И тогда сказкой дохнёт на тебя лес, обдаст с головы до ног своим древним величием, и явит незримое... Не слишком высокопарно?!

- Нет, вполне... В лесу, как и в жизни, человеку было бы хорошо как можно раньше отложить всякие надежды на чью-либо помощь и надеяться только на самого себя.

- Я вот давно заметил, что по большей части мне приходится выхаживать лесные секреты, затрачивая при этом значительные физические усилия. Что-то я ищу в лесу и надеюсь в нём однажды увидеть, ведь не просто так брожу я по его неведомым тропинкам... После тридцати пройденных за день километров ноги нестерпимо тяжелеют, под лопатками неприятным холодком свербит тягучая боль, на душе становится как-то неопрятно и пусто. Всё, что ты видел и слышал, кажется тебе уже незначительным, ты не можешь понять, какие силы гнали тебя в дальнюю

дорогу, что именно заставляло тело напрягаться, словом, вразумительных для себя объяснений ты не находишь.

Так обычно думал я, возвращаясь из лесу разбитым, и не верил, что под вечер, подле жарко мятущегося в печке огня, мне вдруг сможет открыться нечто удивительное... Но со временем заполнившие тебя усталость и пустота постепенно отстаиваются, и ты обнаруживаешь в прожитом дне достаточно непознанного, вместившего, оказывается, столько впечатлений, что их, пожалуй, хватило бы не на одну лесную прогулку. В расслабляющем тело и мысли домашнем тепле начинаешь понимать, как нелегко бывает достигнуть раскрытия лесных тайн, и что цена каждого, даже самого маленького секрета неизмеримо высока. Порой она вынашивается и выхаживается долгие годы, а многие загадки так и остаются неразгаданными.

- На первый взгляд, для леса, вроде бы, неважно личное каждого человека, а важно нечто общее, объединяющее и выражающее всех... Но принимая под свой покров людей, лес каким-то образом выделяет главное составляющее отдельного человека, совершенно точно угадывая то, что, возможно, не было известно ему самому... Ты этого не замечал?

- Всегда кажется, что в неведомой глубине леса находится неведомое чувство природы, без которого человеку никак не обойтись. Правда, оно не всегда улавливается, но очень хочется верить, что каждый человек когда-нибудь преодолеет своё незнание, и благодаря лесу, всей природе, обнаружит в себе самого себя. Даже тревога, изредка проистекающая из самой дремучей лесной глубины, воспринимается радостно...

- Это ты верно подметил... Богатство животного и растительного мира, а также многообразие его положительных примеров создают для любого человека исключительную возможность в достижении более достойного существования. Так, скажем, не склонного к самопожертвованию в любви, природа отсылает к стремительным и бесподобно красивым в своей эротической страсти лососям, изо всех сил рвущимся каждую весну к местам бывшего рождения, чтобы, не смотря ни на какие преграды, продлить древний род. Верность в человеке воспитывают белоснежные лебеди, которые объединяются в пары не на сезон, а на всю жизнь, и если один погибает, другой остаётся одиноким навсегда и не делает никаких попыток вступить в новый союз. Взаимное проявление нежности между супругами представляет собой трогательный пример для многих людей. А разве могут не вызвать уважения упорство и основательность барсука при рытье новых нор после того, как прежние, в который раз, заняла хитрая лисица? Тебе ли этого не знать?

Природа как будто подсказывает человеку не отрываться от неё... Оставаясь верной своим законам, она безмолвно оделяет уже тем, что просто существует поблизости. Всегда можно собраться и отправиться в путешествие к её тайнам, тем более, что тайны эти являются достоянием каждого человека в отдельности. И каждый, поэтому, должен когда-нибудь задуматься над происходящим вокруг, в конечном итоге, над тем, что мешает ему стать сильным и счастливым.

- В лесу ещё иногда бывает так: кто-то вроде позовёт тебя, а ты сразу встрепенёшься, оглянешься и, осмотревшись, будто отойдёшь от колдовского сна, который мешал тебе жить. Чудится, особенно в ночном лесу, будто в нём живут неведомые существа, смотрят на тебя, знают всю твою подноготную, но никак себя не проявляют. Воображаешь, что они толпятся всю ночь у входа в лесную избушку, еле слышно между собой перешёптываются, и, несмотря на страх, хочется обязательно их увидеть, но пока соберёшься с духом, отворишь дверь, они тотчас исчезают...

- Ничто в лесу так не завораживает восприятие человека, как нечто необъяснимое – неведомые шаги или производимый кем-то шум... Кажется человеку, что вот-вот развернется темнота – и мохнатой тучей навалится на него не медведь, не волк, а нечто непонятное, непостижимое... И человек с замиранием сердца ожидает этот страшный миг и не замечает, как сам превращается в неведомого лесного гостя. Шаги же, приблизившись вплотную, как правило, неожиданно истаивают, будто их и не было, но человек сразу понимает, что это нечто необъяснимое уже прикоснулось к нему, и он стал в лесу своим...

- Но вот если, действительно, появляется рядом неведомое существо, далеко неприглядное на вид, может быть, даже ужасное, прореагирует ли человек подобным образом, также спокойно?

- Сразу, конечно, нет. Ему придётся к этому состоянию привыкать, как и ко всему необычному, что раньше не встречалось, и происходить это будет долго. Для того, чтобы измениться, тем более, в отношении неведомых существ, когда большинство людей не только не желают посещать лес, но и сами, находясь в уютной городской обстановке, меняться к лучшему не желают, необходим иной, более высокий уровень сознания, да только откуда ему взяться? Над ним следует, не покладая рук, трудиться, а разве это выгодно современному, избалованному материальными благами человеку?! Он способен только слепо восхищаться красотами природы, ничего в ней не чувствуя и не понимая.

- Я думаю, что восторженность по отношению к природе исходит из незрелости души. Убеждался в этом на собственном опыте. Мудрость же

подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание во всё, что происходит вокруг. Отсутствие тяги к тайнам леса, вообще, всей Вселенной, есть, наверное, наихудшая из бед, на которые обрекает себя человек. Счастье жизни в чудодейственной правде, которую чаще всего находишь для себя и людей именно в природе. Вы согласны?

- Человек не в состоянии воспринять всю мудрость леса сразу, целиком, а складывает её годами из разных сказочных небывальщин, прочитанных книжек и собственных бесконечных скитаний по лесу, и лишь потом, незаметно, обнаруживает для себя удивительную и вместе с тем простую сказочную быль. Но без знания самых потаённых сторон леса ему не стать до конца мудрым, здоровым и радостным. Ты, похоже, всегда ощущал эту тягу ко всему потаённому, лесному, стремился к нему, и, наверное, не представлял без него жизни?

- Когда своим умом доходишь до всякого объяснения чего-нибудь непонятного в лесу, начинаешь чувствовать в нём истинную глубину, до которой, впрочем, нужно ещё суметь добраться. Часто ловил себя вот на какой мысли: стоит сосредоточить внимание на какой-либо достойной цели, как сейчас же у тебя появляются невидимые помощники.

- Ты существ имеешь в виду?

- Вообще, какую-то неведомую силу, может быть, это духи леса...

- Духи леса, как я уже говорил, существуют, и именно они следят в нём за порядком, вернее, помогают природе.

- Они – одно целое с ней?

- Да.

- Бывает, станет так хорошо в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь светлой и чистой сказки... У вас бывало такое?

- Особое чутьё в лесу – это, может быть, первичное состояние души, которая когда-то была к нему по-настоящему близка.

- Ещё интересно... Всегда ищешь в лесу такое место, где бы душа твоя обрела покой. Обретя же его, не перестаёшь мечтать о чём-то новом... Лес удивительно разумен, и разум этот на деле оказывается более здоровым в восприятии существующей вокруг жизни, чем самонадеянная убеждённость человека. Но иногда ловишь себя на мысли, что звери нисколько не лучше людей, и достойны только их беспристрастного внимания. Понимание этого постепенно оказывается для тебя ближе к истине, несмотря на то, что человеку, разумеется, можно многому научиться у животных.

- Человек, конечно, более способный ученик природы, нежели животные, но ему, тем не менее, приходится преодолевать, в сравнении с

ними, ничуть не меньшие недостатки. Самое парадоксальное заключено в том, что даже преодолев их, он оказывается в итоге перед суровыми реальностями того же мира, от которого когда-то оторвался в силу собственного развития: только с большим пониманием происходящего вокруг и в себе самом. Наверное, именно поэтому человеку бесконечно интересно жить на белом свете в отличие от любого животного и птицы, искренне желая хотя бы на время побыть аистом, волком или только что родившимся жеребёнком.

Так поступил канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон, который, оставаясь самим собой, представил себя по-человечески находчивым и умным лисом Домино, отчаянно свободным мустангом-иноходцем, царственным волком-великаном Лобо и многими другими зверями. Обострённость и полнота восприятия окружающей лесной жизни были у него порой несоизмеримо выше, чем у любого из описанных животных, несмотря на многообразную гамму обладаемых ими чувств, а происходило это по причине неудержимого стремления к познанию, способного преодолеть любые инстинкты, в том числе, страх. Неудержимому писателю это отчасти удалось, как удалось бы осуществить ещё талантливее более тонкому человеку, надолго очутившемуся однажды в лесу...

- Приходя в лес, я стараюсь двигаться и дышать в такт его ритма, а не принесённого с собой.

- Это очень не просто.

- Но ведь лес обостряет чувства... Да, быть наедине с природой, в тоже время находясь с ней в полном согласии, очень нелегко из-за собственного несовершенства, и как примет тебя лес – зависит только от самого человека. Можно прожить рядом с ним целую жизнь, и так и не увидеть его. Можно подолгу находиться в его окружении, страстно и искренне желая раскрытия лесных тайн, но так и не добиться ничего на этом пути. Наконец, можно попытаться пробыть среди лесной тишины максимально продолжительное время, пристально наблюдая за происходящим вокруг, и всё же потерпеть неудачу...

Как бы ты ни был изощрён и настойчив в стремлении дотянуться до неизведанного, лес без желания расстанется со своими секретами... Он не прощает ни единой допущенной тобой в жизни моральной ошибки, независимо от того, произошла она по недоразумению или из-за собственной духовной небрежности... Последствия такой допущенной небрежности неминуемо скажутся когда-нибудь на твоём отношении к лесным жителям... Происходит это, по большей части, неосознанно, исподволь, а лес, конечно, всё чувствует и по-своему мудро реагирует на это. Лес, скорее, допустит к

себе человека, не обременённого жадной познания, даже невежественного и глупого, чем того, кто, тайно вынашивая планы проникновения в его непревзойдённый разум, сам, в тоже время, его недостоин.

- Извращённый человеческий ум может принести много вреда природе, и потому сложного человека лес не один раз пропустит через себя и выслушает, прежде чем удостоверится в чистоте его намерений. Умный человек более опасен для него, нежели дикарь, в котором больше естества, и потому лес даже может его проглядеть. Но как только человек-злодей проявит себя, лес тотчас отлучит его от своих тайн, станет вдруг недоступным и замкнутым. И нет ничего хуже, чем оказаться тогда в лесу одному...

- Есть среди лесного люда старая примета: возьмёшь с собой в лес ружьё, ждёт тебя неудача, пойдёшь с пустыми руками, чтобы только полюбоваться на чудеса, лесной бог положит к твоим ногам самые невероятные и увлекательные встречи. Зайцы будут бегать перед тобой, не боясь быть подстреленными, глухари зачарованно пугать, взрываясь из-под самых ног, лисы показывать свой огненный хвост и ушки на макушке, словом, все птицы и звери, будто сговорившись, перестанут замечать тебя, а ты почувствуешь невидимое присутствие какой-то силы, которая наблюдает за тобой и благоволит. Когда ты слишком часто искушаешь судьбу, да к тому же норовишь её обмануть, эта же невероятная сила рано или поздно неминуемо тебя наказывает. Так, однажды по весне, наказал меня ОТЕЦ-ЛЕС за двух подбитых без нужды рябков, когда трогать их не следовало...

Спускаясь к реке по старому волоку с переброшенным через плечо ружьём, я вдруг поскользнулся на самом безобидном месте и упал так, что шейка у приклада переломилась. Об охоте не могло быть и речи: ружьё напрочь вышло из строя, но больше всего поразила именно неотвратимость случившегося при всей простоте ситуации... Будто кто-то на самом деле лишь слегка подтолкнул и надоумил: не шути с лесом, где всё про тебя известно и каждый твой шаг не остаётся без внимания, думай, прежде чем что-либо совершить, а главное, не отделяй свои заботы от интересов леса!

- Действительно, лучше верить этой мудрой примете, и не брать с собой в лес ничего, что могло бы навредить лесным обитателям. Тогда тебе будут доступны в лесу любые тайны, и ты сможешь рассказать о них людям. Истинное мужество – не взять на берлоге лесного исполина, будто бы проявив при этом неслыханную отвагу, а знать, что при случае окажешься нестигаемым и не растеряешься при встрече с ним на лесной тропинке, не причинив ему никакого вреда. Оставь ружьё дома, захватив с собою только неутомимость с наблюдательностью, и ты почувствуешь себя по-настоящему

счастливым. Ты поймёшь, что птицы и звери только ждут, когда человек откажется от их бездумного уничтожения, и станут ему дороже. Ведь редкостные встречи, несущие в себе знания о лесе, случаются, когда человек чист намерениями, ружьё в его руках отсутствует, и лучше, если всё происходит сознательно, чтобы звери не принимали действия человека за обман. Именно тогда они поверят человеку и станут ему близки так, как на заре жизни, когда яблоко познания ещё не стало яблоком раздора, и звери с птицами были нашими друзьями, а мы составляли с ними единый мир радости и любви.

- Сейчас мне до глубины души жаль наших исковерканных, выщербленных лесов, которые слагали и, несмотря ни на что, продолжают слагать родную для всех нас русскую красоту. Жаль так, что хочется плакать навзрыд, ибо не вернёшь эту первозданную дичь и глушь, те сказочные уголки, которые ещё недавно тешили душу, воспитывали её своей неопишуемой потаённостью, звали в дальнюю дорогу... Нет их теперь, почти не осталось.

- Но память жива... Жива тем, что всё-таки успел человек кое-что увидеть, и по этому малому и старинному можно потихонечку воссоздать картину прошлого. Какой дремучей и радостной предстаёт она, наверное, твоему мысленному взору, какой желанной и близкой для памятливого нестигаемого сердца! Веки вечные бы стоять этой первобытной чаще, а человеку учиться у неё истинной жизни!

- Оказавшись среди величественного дремучего леса, объятого тишиной и покоем, мне всегда хочется понять: в чём высшее предназначение моей собственной жизни?! Но ели и сосны в молчании смыкают над головой густые макушки, и мои неприкаянные мысли, достигнув их, беспомощно растворяются в вышине, не находя спасительного ответа... Сам себе я тогда начинаю казаться ничтожно маленьким, можно сказать, вообще не существующим среди этого царственно могучего леса. Почему так неотступно терзает душу это необъяснимое желание, которое каждый год влечёт меня в знакомое мне одному место, где-то на далёкой от жизни людей светлой лесной завалинке, точно обещая раскрыть некий тайный смысл, я не знаю...

- В каждом из нас живёт чувство природы... В одном – неудержимым волчьим воем, в другом – трубным журавлиным провозвестием, а в ком-то – таинственной песней твоего любимого глухаря... Счастлив тот, кто отгадал это чувство в себе, и принял его до конца.

- А ещё, приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, лучше какое-то время не рассказывать о ней никому, нести в себе, и

благодаря ей черпать желание и умение жить. Вглядываясь поздним вечером, у костра, в неподвижно сомкнувшееся над головой небо, я чувствую, что есть нечто важное в таком, казалось бы, бессмысленном времяпрепровождении. Это открывается вдруг с тревожащим душу ощущением даруемой лесом свободы и взаимосвязи со всем, что тебя в нём окружает: с могучими стволами древних деревьев, подпирающих собой звёздное небо, с ударяющей в голову грибной сыростью, буйством трав, обвивающих старые пни, с нежным цветом земляничника, распространяющего вокруг сладковато – пряный сонный аромат... Вместе с этим простым и ясным откровением душа тотчас наполняется мудрым покоем и ещё таким пониманием жизни, что изредка проникающая в неё туманная грусть уже не пугает, а только убаюкивает: благословен будет твой путь, если ты в своём таинственном лесном уединении не отделишься от людей...

- Как ты думаешь: в состоянии ли человек наслаждаться красотой в природе длительное время? Ведь сила гармонии в ней так велика, что одного дня, наверное, хватает, чтобы утомлённая человеческая душа наполнилась ею до краёв. Способен ли выдержать он большее, когда лесной дух неумолимо околдовывает сознание, скоро пресыщая всякое восприятие?

- Наверное, человек берёт от природы ровно столько, сколько требуется для восполнения в нём жизни. Чем чаще происходят у него сокровенные бдения в лесу, тем нерасторжимее связь с ним. Редко повторяющиеся, пусть даже яркие и поразительные открытия, постепенно стираются, не упражняя необходимое для жизни душевное здоровье. Но даже выпить хотя бы один день до дна, не пролив ни капли, сумеет далеко не каждый.

- На это способен лишь тот, кто сам, подобно могущественной врачевательнице-природе, наполняет сердца людей неизбывной радостью и надеждой.

- Откуда взяться подобной энергии?

- В том же лесу... Разве не улучшается у тебя настроение после того, как побываешь в нём? Даже странно это от тебя слышать...

- Это точно... Вся злость в душе сразу исчезает, хочется быть добрым, перестать лгать и подличать, более справедливо относиться к старшим и детям, достойно развить собственные возможности... Да и лень с печалью в себе уже не чувствуешь!.. Дверью не хлопнешь, при виде первых капель осеннего дождя за окном не скривишься, и до беспричинного окрика на кого-либо ни за что не опустишься... Так велика власть окружающей человека природы с её пушистыми облаками и грибным дождём... Не всякий труд способен открыть для человека подобное состояние!

- А ведь вдумчивое хождение по лесу – это и есть труд... Только благодаря этому труду в лесу и открывается внутреннее зрение, и ты начинаешь различать в себе то, что никогда бы не ощутил в городе. А увидев и поняв себя, мир другого увидеть и понять не так уж сложно, и, разобравшись во всём достаточно хорошо, можно встать с кем-нибудь рядом: не только с человеком, но и выпавшим из гнезда птенцом, которому нужна помощь. Всё в природе на деле оказывается для тебя родным и близким, будто ты вместил в себя полноту её мира.

- Неоднократно замечал за собой, но так и не понял до конца: в лесу всякий раз ты становишься другим... Отрешённым, делающим всё произвольно, но точно так, как надо, и без лишней суеты. И никогда не обращаешь внимания на подобное состояние, воспринимая его как должное. А однажды неожиданно открываешь: сколько в тебе существует звериного знания, проявляющегося только здесь, в лесу... Это, несомненно, врождённое умение вести себя в привычной, но давно забытой за предыдущие жизни природной обстановке тотчас просыпается, как только ты в ней оказываешься. Как будто именно для этого тебе предназначено жить, и лишь в лесу твоя душа обретает недостижимый среди людей покой.

- А может, правильнее будет, придя в лес, оставаться в нём именно зверем, но не человеком со своим жизненным опытом? Только начинаешь кому-то что-либо показывать, объяснять, если кого-то взял собой, тотчас теряешь верное понимание, слух, зрение и, в конце концов, жди неприятностей. Человек, если он неслучайно оказался в лесном мире, должен сам, по-звериному, дойти до всего. Быть незаметным, взвешивать каждый шаг, восхищаться увиденным только в душе: таков лесной закон?!

- Вот почему в лес нужно ходить одному... Даже если заболел, не дай Бог, упал духом и во всём отчаялся, отправляйся в лес в одиночестве, и лучше всего – весной... Посиди немножко на каком-нибудь пенёчке или поваленном дереве, порадуйся распускающейся медунице, прикоснись рукой к зацветающей сосне, затем, прижмись к ней щекой, да не переборщи, до других деревьев не дотрагивайся, хватит и её одной, солнечному лучу улыбнись, ненароком вспугни махонькую бодрую птичку и испугайся вместе с ней неизвестно чему, угоди ногой в ноздреватый, шумно осыпающийся голубоватый снег, радостно оглянись вокруг, набери полную грудь воздуха и, протянув к небу руки, засмейся!

- Всё в лесу имеет свою душу, и если прислушаться как-нибудь к тому же ветру, то сразу отличишь: он сам заводит с тобой разговор о том, что и почему для тебя наиболее важно, но пока почему-то недостижимо...

- Ноги в лесу сами несут навстречу неизведанному, потому что всё на этом пути проникнуто красотой и тайной...

- Но торопясь, ты рано или поздно понимаешь, что тем самым отдаляешь переживание подлинной остроты чувств и истинное видение. Околдованный красотой, человек обычно забывает, что ни одно откровение леса не касается его так ощутимо, как это происходит в момент неторопливого и вдумчивого созерцания!

- Вы ведь не так часто, как я, бывали в лесу, но знаете и понимаете о нём всё...

- Иногда кажется, что мысли в лесу рождаются не в голове человека, а в окружающем его пространстве, какое-то время живут там, восхищаются своей простотой, и потом потихонечку растворяются в душе... Для этого совсем не обязательно ходить в лес постоянно, достаточно самому быть жадным до знаний, желая с каждым разом, где бы ты ни находился, устремлять своё внимание в самую глубину, чего бы тебе это ни стоило.

- А я всегда гляжу в лес, как в себя, и там, как в зеркале, постепенно различаю Бога, терпеливо преодолевающего моё незнание и боль. Бог, я знаю, чувствует меня и понимает, но ничего не предпринимает, предоставляя мне самому найти свой путь в этой борьбе с собственным несовершенством: из слабого стать сильным. Ведь преодолевая в одиночестве свой лесной путь, ты на самом деле прокладываешь его для множества людей?!

- Будет очень хорошо, если человек, хотя бы, перестанет воевать с поразительной природой! Ему надлежит быть ответственным за чудесный мир, в котором он живёт, несмотря на то, что человек здесь не хозяин, всего лишь гость, и, наверное, не раскроет все его чудеса до конца, но обязан к этому стремиться...

- В лесу встречаются такие уголки, к которым стремишься в мыслях, но не находишь ответа: чем они так привлекают? Вроде бы, те же величественные боры, потаённые лога и тропинки, что и в других местах, и всё же в них скрывается нечто неповторимое... Как объяснить эту удивительную привязанность, когда весь остальной лес для тебя как бы отступает на задний план? В таких таинственных местах, кажется, живут древние сказочные мудрецы... Они всё видят, слышат и чувствуют, но не вмешиваются в поступки человека, предпочитая до поры оставаться незамеченными.

- Это не мудрецы, а те самые существа и духи, которые для большинства людей необъяснимы, да и невидимы, но действительно сказочно обворожительны, и так загадочны и тихи, что, кажется, будто их и нет рядом: на деле же – они есть, всё о нас знают и не спешат себя проявлять,

предоставляя человеку возможность постигнуть их завораживающую тайну... В таком таинственном кусочке леса живёт, быть может, часть и твоей древней души, которая когда-то не захотела до конца его покидать, а при встрече с тобой обращает на себя внимание и неотступно манит. Возможно, это была даже не одна жизнь, а несколько, которые ты прожил, и теперь уже не в силах обрести вновь. Оттого и приходишь в лес, ищешь их и не всегда находишь. Лишь редкие островки былой памяти будоражат твоё воображение, вот как твои любимые глухари, существующие ещё в глубокой древности, и ты радуешься тому, что не забыл их до конца, и они когда-то были. У тебя случилось в лесу что-либо необычное?!

- Не могу даже сразу объяснить... Происходили какие-то странные вещи, на первый взгляд, казалось бы, совсем незначительные, и они скоро забывались...

- Расскажи.

- Бывало, что когда я возвращался с грибной охоты в деревню, надо мной часто сгущались грозовые тучи, но дождь начинался только после того, как я входил в ограду дома, не раньше, причём, повторялось это неоднократно, из года в год. Ладно бы, ливень захватывал меня чуть раньше, а то ведь точь-в-точь по возвращении домой, чтобы я, видимо, не вымок. Даже дедушка-сосед это отметил и ещё, помнится, как-то добавил:»Давненько на приметку взял... Сушь стоит неделю-две, воздух хоть ломтями режь, до того насыщен влагой, а воды – нема. Но только ты из города нарисовался – в три рукава!»

- Это лишь свидетельствует о том, что ты живёшь в согласии с природой, в едином ритме, но нужно быть по-настоящему осознанным. Пора этого в себе достигнуть. Что же касается лесных существ, то ты уже давно должен был с ними встретиться... Приходилось или нет?!

- Не знаю – они ли это были, но необъяснимые явления случались.

- Страшно становилось?

- Нет, ничего подобного не испытывал... Скорее, всё происходящее околдовывало, завлекало... Хотелось непременно разгадать.

- Это может быть небезопасно.

- Даже если ты искренен в помыслах?

- Не забывай, что эти энергии существуют по другим законам, и то, что тебе представляется очевидным, для них может оказаться совершенно неприемлемым.

- А как же осознанность действий, предполагающая уверенность в себе, открытость и, значит, силу?! Ведь к лесу нужно относиться с уважением, но не бояться?

- Хорошо. Для начала будет интересно послушать – что с тобой приключилось? Только рассказывай каждый случай обстоятельно, ничего не упуская. Если эти силы начали с тобой общаться, то важна каждая мелочь, ничего просто так они не делают. То, что проявили интерес к твоей персоне, можно принять за заслугу: множество людей лесные существа минуют, не проявив к ним ни малейшего внимания, будто их и вовсе не существует, но тебя, по всему виду, заметили...

- А много этих существ, неизвестных людям?

- Я уже говорил тебе – огромное количество... Поскольку мы в основном не пересекаемся с ними в своей жизнедеятельности, то они, по большей части, просто не обращают на нас внимания. Мы их никак не задеваем, хотя и оказываемся иногда в непосредственной близости. Можем лишь почувствовать, да и то – далеко не каждый из нас... Возможно, вообще никогда не увидим. Но есть люди, которые с этими существами общаются, и даже изучают их: они – тонко чувствующие, и видят то, чего не видят другие.

- Вы видите?

- Да, но далеко не всех.

- Как они выглядят?

- Готовь запасные штаны, и не одну пару.

- Нет, правда?!

- Я не шучу. Вид очень устрашающий: не поймёшь – то ли это сильно обросший дикий человек, то ли – медведь... Глаза светятся, и рост может достигать нескольких метров, но такие великаны среди них далеко не все... Чудища эти, скорее, развлекаются, завидев глубоко зашедшего в лес человека. Именно подобных существ и называют в народе «лешими».

- Бабушка-соседка в деревне как-то мне рассказывала, что одного выпивающего постоянно мужика, почему-то оказавшегося в лесу, такой «леший» притащил за шиворот на окраину деревни и бросил в болото... Тащил его, как жалобился потом этот мужик, километра два, встряхивал с огромной силой, что-то всю дорогу бубнил, и бедолага от пережитого лишился ума, а вскоре и вовсе куда-то сгинул. Похоже, это было то самое существо...

- Возможно, но чаще они не проявляют враждебности, и лишь проводят человека по своим путям-дорожкам. Могут кружить целый день, пока им это не надоест. Словом, забавляются.

- И делают это со всеми?

- По сути, да, всякий может оказаться в плену этого самого «лешего», но всё же многое зависит от самого человека: если он не вредный, не гордец, не охотиться на зверьё забавы ради, сущность его не тронет. Покуражиться

чуток может, но не более того. Заботы он доставляет разного рода охальникам, пьяницам и прочим дармоедам, очень не любит злых людей, на остальных же просто не обращает внимания.

- А грибки?

- Говорю же, мастер покуролесить... Проводя по своим каналам, «леший» может так увлечься, что человеку кажется, будто его перенесли в пространстве на другое место, порой – на несколько километров, и он перестаёт самому себе верить. Бабки-прорицательницы советуют такому потерпевшему вообще больше в лес носу не показывать, потому, как у него происходит разбалансировка организма, на человека будто наведена порча, и он лишается покоя. На что только ни способны эти представители неведомого мира, что более чутки и проникновенны в отличие от человека, хоть и существуют где-то поблизости... Но данная суть бытия от нас сокрыта!

А как вы думаете: способна неведомая лесная сила, скажем, перенести в пространстве человека? Чтобы он даже не смог вспомнить, как всё происходило, и каким образом он оказался именно в этом месте, а не в другом... Со мной однажды такое случилось... Но может быть, с самим человеком происходит что-то не так, и он позабыл, зачем живёт на этом свете?

Лесные существа, конечно, горады на многое, и, по словам Учителя, человеку до их чуткого восприятия действительности ещё очень далеко, да разве ему самому не стоит задуматься о своей жизни, о том, чем он в ней занят, и почему всё, на что он способен в отношении лесных обитателей, это лишь выслеживание зверя, погоня за ним и убийство? Куда и для чего расходует человек свои неизмеренные им возможности, не верит ни в себя, ни в мир вокруг, и не покидает его единственное желание – растративать свою жизнь понапрасну?.. Не расти, не развивать себя, не познавать мир, а только хватывать от него, сколько удастся, не думая об исчезающем чудесном миге, что уже не вернётся, как бы потом ни старался, и так – без конца, пока не потеряешь всякое уважение к собственному существованию, не поймёшь, что утратил его безвозвратно... Чего же ты, человек, так не любишь в себе Бога, чаще всего, даже не подозреваешь о том, что Он живёт в твоём сердце?!

И вот, такой человек приходит в лес, чтобы утопить в нём своё безверие в себя, пытаясь за счёт лесного обаяния и его неизбывной силы восполнить

недостающую энергию, и лес поначалу великодушно делится ей с ним, вернее, открывает навстречу человеку радушные объятия, пока ещё не разглядел его, не разочаровался... Бесстыдно пользоваться таким радушием, ничего не отдавая взамен, даже – не благодаря, и именно так поступают люди, приходящие к нему только для того, чтобы брать, и нет им числа...

А ведь нужно просто быть собой, перестать себе лгать, и задуматься о том, какой прекрасной может стать жизнь, если доверять ей, ничего не желая, с радостью принимая бесконечные дары... Они – повсюду, и человеку нужно только видеть их красоту, переживая её всем сердцем... Красота тогда наполнит его своей божественной прелестью, так что человеку не захочется никого убивать, а если он и полетит в пространстве, то к лучшей жизни, к пониманию себя в ней как неотъемлемую частицу, проникая в глубинные чудеса и в лесу, и в море, и в себе самом, получая огромное удовлетворение от того, что видишь, слышишь и чувствуешь окружающий тебя мир, и не привносишь в него ничего худого... Так бы всегда и всем, во веки вечные, во славу нашей прекрасной земли и Бога!

МОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

В то утро, проведя в лесу почти неделю, отправился я из охотничьей сторожки домой, в деревню... Сначала мне нужно было просто попасть к старым Новосёловским прудам, и если идти к ним от избушки по дороге, то даёшь крюк в семь-восемь километров, а спрямив – сокращаешь его вдвое. Вот я и решил держаться не окольной дорожкой, а двинуть напрямки, по лесной чаще, надеясь поманить рябка, даже не предполагая каких-либо затруднений, ибо знал в округе все тропы наперечёт. К тому же, выдался чудесный осенний день с ласково посверкивающим солнышком, синие небеса спустились чуть ли не до макушек умиротворённых деревьев – всё в природе с самого утра располагало к доброму настроению, и, наверное, таким же вестям...

С лесом всегда так: нужно только встать поутру с верной ноги, пораньше, несмотря ни на что отправиться к нему навстречу, и с добрым настроением складывать весь последующий день, независимо от того, в гости ты к лесным обитателям отправляешься, или возвращаешься от них... В любом случае путь твой оказывается не близким, и проследовать им хочется интересно, с пользой, однако разве угадаешь наперёд, что прямое прямее не бывает, и порой так выходит: дорогой – пять вёрст, а прямо – десять. Бог, как водится, прямит, да дьявол кривит.

Каждый путик в лесу непременно приготовит тебе подарок, бывает, и не один, и ты идёшь и думаешь: как это у леса всё просто и хорошо случается, стоит только поверить своему сердцу и не дать ход равнодушию, и вот тебе новое и откроется... Странно, что люди такой замечательной простоты не замечают, всё дальше и дальше, чуть ли не навсегда, откладывая своё общение с природой... А между тем, её законы для любого человека оказываются незабываемы и очень поучительны.

Ведь узнавать об окружающем тебя мире необычайно интересно, и точно также, с глубоким незабываемым восхищением, ты открываешь для себя лес, его чудесные тайны, отчего и самому хочется жить интересно, со смыслом, чутко вглядываясь в каждый, дарованный тебе судьбою день, поворачивая его к собственному счастью... Слушаться при этом начинаешь теперь только самого себя, своё сердце, выбирая свой путь, и как просто и радостно становится жить! В тебе рождается нечто сокровенное, ни на что не похожее, и так ты себя спасаешь, становясь сильным. Сильными становятся и предметы, без которых ты не можешь обойтись ни в лесу, ни в жизни, они будто напитываются излучаемой от тебя энергией, превращаясь в преданных товарищей, порой даже – верных друзей.

Именно в лесу к тебе приходит понимание, что природа тебя никогда не обманет, если ты не предашь себя сам. Ты только вслушивайся и всматривайся в окружающую тебя жизнь, будь чуток и внимателен, и эти мудрые законы природы непременно себя объявят... Порой, правда, покажется такое, чего, наверное, никто отродясь не видывал, да только ты со всем справишься, потому как любишь лес, хорошо знаешь его и веришь в себя...

Но в этот раз, ни с того ни с сего, меня охватило необъяснимое беспомощество... Казалось бы, никаких «вдруг» в хорошо известной тебе лесной местности и быть не может, всему есть причины в появлении незнакомого, они тебе тоже ведомы, но меня сначала ошарашила, а потом незаметно повела своим путём какая-то незримая сила, и я невольно осознал, что не узнаю – где нахожусь...

Лес – великая заманка для любознательного человека, тайна в нём на каждом шагу, и чем дальше, тем больше таинственного и околдовывающего, безоглядно увлекающего тебя в неведомые буераки и сузёмки, в святая святых ОТЦА-ЛЕСА, где, есть надежда, откроется что-то ещё более неведомое, а потом, быть может, сразу всё... И вот за этим «всё» готов я идти без усталости, ночуя по разным потаённым избушкам и у костров, пробираясь в самую глубь первозданной тайги, не переставая ощущать в душе какое-то необъяснимое единство с этой неизведанной глушью... Страха при этом не

испытываешь, переживая лишь будоражащую кровь слитность с неизъяснимой силой, и эта сила, завораживая своей сказочностью, и убаюкивает, и отрезвляет... Ты становишься другим человеком, вернее, открываешь в себе то, о чём даже не подозревал... Откуда в лесу такая чудодейственная сила? Простым глазом не разглядеть...

Но как хочется проникнуть в неизведанное, обрета недостающее знание обо всех лесных секретах... Всякую невидальщину и небывальщину в народе во все времена чтили, наверное, именно потому, что она равносильна неведомому божеству, а божеству всегда поклонялись, как некоей необъяснимой, но величественной силе, с которой нужно дружить, быть ей верным, ни в чём не перечя...

... А лесной тать прошёл невидимо мимо меня, я его даже и не почувствовал. Невиданная невидальщина, чего доселе я в лесу не встречал, особь из неведомого царства, что подкралась и накрыла, как ночь... Но невидальщина – не небывальщина, она порою и сбывается... Так что же тогда за существо незримое околдовало меня, какой такой невидим?

Вспоминая позже то, что произошло, я всё же восстановил в себе прикоснувшееся к своему энергетическому пространству нечто чужое, как будто даже и не присутствующее, но оно было, воздействуя так мощно, что охватило мёртвое забвение, после чего я потерялся в знакомом месте, ничего не узнавая...

В лесу не раз случается подобное: идёшь неспешно знакомой дорожкой, выглядывая птиц или зверя, минуешь укромные просеки и заброшенные покосы, перебираешься через заросшие отложки, всё тебе пока, вроде бы, известно, и как-то незаметно, в неуловимое тобой мгновение, вдруг обнаружишь, что местность вокруг становится чужой, раньше ты здесь не бывал, и в душу начинает закрадываться лёгкое беспокойство: нет, думаешь ты, вот сейчас я вернусь немного обратно, туда, где нужно было бы повернуть направо, и обнаружу свою ошибку, с кем такое не бывает! Но возвращаясь, отчего-то никак не удаётся зацепиться взглядом за какое-либо знакомое дерево или ручей, он ведь должен струиться вот тут, за бугорком, через узкую канавку, что постепенно расширяется и впадает в глубокий лог?! А лога всё не видно, да и канавка с ручейком куда-то пропала... Неужели ты взял выше того места, откуда следовало как раз спуститься, там ещё располагались старые барсучьи норы, лихорадочно размышляешь ты...

Движения твои при этом заметно учащаются, дыхание становится сбивчивым, и ты невольно ещё более ускоряешь шаг, даже запинаешься там, где раньше бы проследовал совершенно спокойно... Что же это такое? Как могло случиться, что ты сбился с пути, по которому не однажды хаживал,

причём, не в одиночку? И сразу нечто чуждое вливается в твою душу, даже – немножко страшное, чего тебе не хочется в себя впускать, но оно всё же предательски проникает, и принимается потихоньку верховодить тобой... Завал в мыслях и ощущениях, угроза твоему существованию!

Ты ещё не веришь до конца, что заблудился: разве может подобное произойти с бывалым лесовиком? Ты себя, разумеется, причисляешь к таковым, да и места во всей округе тебе хорошо знакомы, где же тут плутать?! Всё это какой-то вздор, опять спутано соображаешь ты, нужно просто сесть и успокоиться, посмотреть вдумчиво по сторонам, обратив внимание на те приметы, что лес всегда великодушно предоставляет запутавшемуся скорее в себе, нежели в родных угодах человеку, восстановить в памяти весь свой путь, а главное, радостной взаимосвязи с лесной чащей не потерять, не отдаться на волю страху... Не то, чтобы я растерялся от какой-то неотвратимости произошедшего, но был озадачен этой неприятной нечаянностью, потому как и представить не мог, что потеряюсь в давно знакомых мне местах... Кажется, сейчас откроется ставшая чуть ли не дорогой тропинка, а её всё нет и нет. Впрочем, мало ли добра на свете пропадает, вот и у меня тропинка верная из-под ног убежала... Куда же она запропастилась?!

Не страшно, а как-то пусто стало от того, что я не понимал – как такое может происходить! Ведь места эти, действительно, были мне давным-давно знакомы, бывал я здесь и не раз, и не два, и не с десятков, а сотни, если не больше, и вот, вынужден признать, что не понимаю – где нахожусь... И солнце у меня всё время оставалось по правому плечу, как и полагалось, и лес давно уже должен был кончиться, но он стоит стеной, отчего начинает казаться непроходимой чащей... Не возвращаться же, в самом деле, хотя прошёл, в общем-то, не так уж много: но делать нечего, чем плутать, так лучше воротиться! Но и то верно, что заплутал я, скорее всего, сам в себе... Разбирай теперь – где и что не так когда-то совершил, и место это лесное тут не при чём, лешева кулига в тебе сидит! Неуютно стало...

Помню, раздражение на себя принялось постепенно перехватывать через край, когда вдруг блеснули промеж деревьев знакомые пруды, а через какие-нибудь десять минут я уже был возле них. Пруды разделяла неширокая дамба, где я и уселся передохнуть... Достал лук, варёную картошку, и чтобы очистить её от кожуры, потянулся за ножом, но его в ножнах ... не оказалось... Что за едрёна муха?!

Но не помогли даже эти отрезвляющие слова: ножны на поясном ремне висят, а нож в них отсутствует... Нож этот подарил мне один старый охотник, с которым мы часто бывали в лесу: лезвие тонкое, изящное, оно

зачаровывало своей лёгкой, будто входящей в тебя неуязвимой плотью, рукоятка выточена из лосиного рога, и когда я брал нож в руки, он совершенно не ощущался, отчего создавалось впечатление, будто нож – её естественное продолжение... Мне всегда нравилось доставать этот нож, переключать его из одной руки в другую, и любоваться им... На него и приятно, и немножко жутковато было смотреть, но ещё более пугающим представлялось то, что нож исчез... Как такое могло случиться, вздуй этого самого ловкого лесного прострела, что так виртуозно увёл у меня из-под носа дорогую мне вещь! Право же, нет того в жизни, что всенепременно должно открыться человеку: присутствуют в ней и чудеса, и тайны...

Но мне-то что с того – нож мой пропал, и, видимо, безвозвратно, а ведь был он подарен старым лесовиком, безгранично уважаемым мною человеком, и опять же, перекрывало горечь утраты ценного подарка поражающее своей необъяснимостью изумление: ладно бы нож не был закреплён в ножнах, тогда как под рукоятку он был намертво перехвачен крепким кожаным ремешком, что и с усилием расстегнуть было не просто, да к тому же, лезвие входило в своё ложе туго, вынимать его приходилось тоже с напряжением... Всё изготавливалось мастером на совесть, как раз, чтобы устранить всякую возможность потери, но я совершенно был повергнут тем обстоятельством, когда обнаружил крепящий ремешок ... застёгнутым! Ремешок зафиксирован, как и полагается, а ножа нет... Правда, чему удивляться, коли иконы иной раз мироточат, и валятся с неба рыбы?!

Но как же всё-таки это могло приключиться, думаю я. Ведь утром, перед тем, как отправиться в путь, я собрал рюкзак, проверил – надёжно ли подсоединены к поясному ремню ножны с закреплённым в них ножом, и только потом вышел из избушки... Ещё для верности нащупал рукоятку, я всегда так делаю, нож был на месте... А теперь – ни ножа, ни топора, ни помолиться, ни зарезаться!

Не зря в народе поверие ведётся: что с возу упало, то пропало. Да только в глубине души я такой правды не принимаю: зло пусть пропадает, а добро не умирает. Ведь я ничего плохого в жизни, кажется, не делаю, отчего же к потере привыкать вынужден? Вот и бродить в лесу наобум мне совсем не хочется...

Но ведь и то, правда, что нож, как и лесная тропинка, от меня убежал. Видать, и впрямь верно говорят, что в лесу по ножу ходи, он не просто так строг к тому, кто в нём оказался. Нужда, конечно, не нож, а поставит на то ж!

Неведомая сила для чего-то отвлекла моё внимание, и потом опять его вернула, но ничего при этом со мной, вроде бы, не произошло. Просто нашло необъяснимое затмение, и сладить с ним не было возможности... Какой-то

злой дух скрал от меня божественный свет, а в дьявольских потьмах разве его разберёшь? Ей-богу, всё это неспроста...

Не хочет, значит, лес быть самим собой, ему непременно требуется дыму напустить, человека ещё раз проверить – каков тот на самом деле, стоит ли ему и дальше свои тайны заповедные раскрывать? Не пожалеть бы...

Я же, вернувшись из лесу, не пожалел, что обратился к своему Учителю, рассказав ему о произошедшем...

- В лесу какая-то сила вытащила у меня из ножен охотничий нож, подаренный одним старым охотником, дорогим мне человеком...

- Как это случилось?

- Я возвращался из лесной избушки в деревню, и решил сократить несколько километров, пробираясь через чащу. Не то, чтобы она была непроходимая, но временами приходилось то и дело лавировать между деревьями, и как-то, ненароком, я заплутал, а выбрался на дорогу только через несколько часов. Присел, чтобы перекусить, а когда потянулся к поясу за ножом, то ... не обнаружил его. Первое, что поразило: ножны были застёгнуты, нож же отсутствовал!

- Может быть, ты оставил его в избушке, когда собирался?

- Это исключено: нож мне дорог, я хорошо помню, как именно его в первую очередь нацепил на ремень, подпоясался, и только затем набросил на плечи рюкзак. И потом: ножны на поясе были застёгнуты, зачем бы мне было это делать в отсутствие ножа?!

- Верно...

- Да и нож-то входил в ножны очень плотно, точно также, как и вынимался не без натуги... Это я к тому, что если какая-то сущность вытаскивала у меня нож – я бы этого не смог не почувствовать! Ну, даже зацепил бы как-то неловко рукояткой за ветку: нож никак не выскочил бы через зафиксированный тренчик... Такого просто не могло случиться!

- Но случилось... И вправду говорят: не знаешь, что найдёшь, а что потеряешь... Этот нож, пропав, спас тебя, он – твой друг.

- Как это?

- На энергетическом уровне... Почему-то подобравшуюся к тебе сущность от отпугнул. Неизвестно, какие намерения у неё были: просто позабавиться или наказать за что-то тебя... Ведь ты тогда с ружьём был?

- Да.

- А нож – помог. Важно, что он был подарен тебе твоим старшим товарищем от души, с добрыми пожеланиями, и это обстоятельство увеличило его защитную силу.

- Выходит, по лезвию ножа в тот день ходил?!

- Получается так... В лесу нужно быть очень осторожным, ни в коем случае не теряя бдительности, и при верном отношении к неведомой чаще, ты никогда не окажешься застигнутым врасплох. Нож же – оберег, он разрезает пути, направленные на его хозяина, но сам при этом погибает. Перед смертью нож проводит вокруг твоего тела защитные энергетические линии, и отсекает направленное на тебя чужеродное влияние...

- ???

- Ещё с древности повелось верование, что нож обладает волшебными свойствами, он делится ими со своим хозяином, и его нельзя передавать в чужие руки... На нём клялись, им защищались от колдовства, и ребёнок, достигнув определённого возраста, получал в подарок нож, с которым уже никогда не расставался. Так, в течение жизни, нож проникался энергией человека, которому он принадлежал, и становился ему другом. Даже когда человек умирал, нож уходил вместе с ним, его клали в могилу хозяина, при жизни же – под подушку, полагая, что сон становится крепче, а нож – ещё ближе.

Твой нож тоже был наполнен тобой, он впитал принадлежащую тебе отвагу, решительность и желание постигать лесные тайны... Он не мог оставаться равнодушным, если к хозяину его подступало испытание, и, конечно, помогал достойно его преодолеть. Обычно человек этого не замечает, может быть, только почувствует что-то на мгновение, и тут же забывает, а нож находится всегда рядом, ибо в дружбе – правда, и больше той любви не бывает, как друг за друга умирает. Вот и твой нож отдал всего себя, когда тому пришло время...

И действительно, нож в пути, тем более, в лесу, верный товарищ... Без него, как без рук, ежели отправился открывать лесные секреты. Всегда находясь именно под рукой, нож окажется в ней мгновенно, когда возникнет на то необходимость, а как он удобен и прост, вроде бы, невелик, но лесовику без него нипочём не обойтись. Сослужил нож свою службу, и опять в ножны, есть-пить не просит, про него и думать забудешь, пока он на поясе покоится, да только это его незаметное присутствие всё равно приятно ощущается, как бы исподволь: нож – твой друг, он всегда с тобой. Ты, может быть, и спокоен так в лесу отчасти именно потому, что чувствуешь поддержку ножа.

А бывает, так и пропадёт человек в заколдованном неведомом кругу, и никто не помогает ему выбраться из леса. Меня, по утверждению Учителя, поддержал мой нож, энергия, заложенная в нём: нож отдал всего себя на благо хозяина, исполнив таким образом свой долг, защитил от гибельного

всплеска потустороннего, неизведанного мира... И как героически!/, так, что я и не почувствовал этого: нож покинул ножны, даже не раскрыв их... Он растворился в небытии, где всё-таки что-то есть, оно, это неведомое существование, загляделось на меня и решило подчинить себе, намереваясь напугать, запутать, вывести из себя, а нож поднялся на мою защиту, оказавшись верным другом, и как же я должен быть ему благодарен!

Да и твои собственные силы начинают постепенно работать на тебя, когда разум оказывается помрачён чьим-либо мощным влиянием... Ты накопил их, в том числе, и в лесу, и вот теперь пришло время им тоже вступить за своего хозяина... Что-то неизъяснимое, но крепкое, что ты обрёл в течение всей своей жизни, пробуждается, восстаёт и выводит тебя из порочного круга губительных блужданий, к разуму присоединяется сознание, тот божественный огонёк, дарованный тебе небесами, и является вдруг простая догадка, что идёшь ты правильно, только на время потерял себя, но нужно взять себя в руки, нащупав утраченную веру, и истина откроется... Она откроется благодаря наработанной в твоей душе потребности возноситься над собственной ленью и страхом, проявляя обыкновенную решительность в деле осознания себя и мира, и если тебе хоть раз удалось взлететь самому на всю свою высоту, ты уже не потеряешь этого ощущения в себе никогда...

Потребность летать станет твоей неизменной потребностью, и ты с каждым разом будешь получать всё большее удовлетворение от полёта. Постепенно в тебе накопится так много всего человеческого, что захочется жить только по небесным законам, постоянно переживая в своём сердце божественное присутствие. Это божественное присутствие тебя однажды и спасает...

Твои собственные животные силы побудили тебя достучаться до своего божественного сознания, обычно находящегося в сонной полудрёме, именно в таких особенных случаях в тебе происходит важный сдвиг к укреплению себя, и тогда открывается недостающее знание, и возможность идти дальше. Но на этом пути тебе не обойтись без поддержки, что ты породил собственными жизненными устремлениями, тебе никак не обойтись без созданного самим собой счастья, и только после этого к тебе приходят настоящие друзья. Как этот самый охотничий нож, что подарил покойную радость долгого взаимопонимания, заботу друг о друге и добрую печаль расставания... Благодарю тебя, мой верный друг, мне было с тобой очень надёжно и хорошо, и я никогда тебя не забуду.

ЛЕСНОЙ СУСЕДУШКА

За долгие годы хождения по лесу не раз привелось мне заночевать в лесной сторожке, и всегда это было сопряжено с переживанием в душе глубокой благодарности в адрес того неведомого человека, кто её поставил. Что за чудо, когда повстречаешь на своём пути какую-нибудь неприметную, но уютную избушку, и она как будто даже засветится от радости, стряхнёт с себя сонную одурь и преобразится. Избушка ни за что не затеряется в глухом лесном мире, если приходишь к ней заслуженно, после длительной и нелёгкой дороги.

Обычно под конец каждой крупной рубки в лесу от лесорубов непременно остаётся избушка или балок на санях, где они грелись и варили себе пищу. Про избушку вскоре забывают, и она становится прибежищем разного лесного люда. Это и рыбаки, и охотники, и просто бродячий народ, который отчего-то занесло в лес и вывело к этой самой избе.

Все лесные избушки неприметны, как самые замечательные мудрые люди, не отягощённые суетой: и те и другие редки, а заметными становятся, только когда смотришь на них любознательным взглядом, с доброжелательностью и теплотой. А ещё лесные избушки сходны в том, что в них никто постоянно не живёт: от силы проводят несколько дней, а затем покидают, в лучшем случае оставляя подвешенные под потолком мешочки с чаем, солью и макаронами. По негласному закону, исстари заведённому среди лесовиков, ты должен позаботиться о пришедшем после тебя в избушку человеку, даже вовсе тебе незнакомом, которого застанет в лесу непогода, и он, прозябший и сырой, обнаружит, к радости, сухие спички, щепотку чая, соль, сахар, крупу, и произнесёт слова благодарности неведомому другу... А когда обогрется и переночует, то и сам оставит для такого же неведомого для него человека свой нехитрый запас. Так бывает всегда, если ты верен голосу природы, и забываешь себя во имя её нескончаемой жизни.

У лесных избушек, как правило, отсутствуют крылечки. Они там просто ни к чему, потому как можно посидеть и на каком-нибудь чурбачке, а подниматься куда-то вверх, ото мха, травы и кочек, неразумно. В некоторых избушках вообще отсутствуют половицы, и оставляется только земляной пол. Это, наверное, для того, чтобы быть ближе к земле, и проще. Но иной раз всё же присутствуют одна-две махонькие ступеньки, на которые всегда неловко примостишься и с удовольствием закуришь.

Ещё у лесных избушек бывает только одно окно. Окошко вырубается небольшое, квадратное, чтобы в избе было достаточно видно в светлое время. Утром, мельком взглянув в окно, можно разобрать погоду, а ночью излишняя чернота не мешала бы твоему обострённому восприятию. Уйдя же в обход, на добычу, надо быть уверенным, что хищный зверь не заберётся в дом и не попортит продукты. Чаще всего лесные дома глядят своим единственным окном на юго-восток, но не из-за того, чтобы человек мог полюбоваться природными красотами, а просто так быстрее уловишь приближающийся рассвет, поскольку день лесовика начинается очень рано.

Редко, когда избушка окажется посреди полянки, а всегда с краю, где-нибудь у самой опушки и с подсолнечной стороны, чтобы не перегревалась в жаркие дни. Особо это касается лесных пасек, на которых хозяин проводит всё лето.

Лесные избушки ютятся поблизости от ручейков и потаённых речушек, на худой конец, у какого-нибудь болотца, чтобы можно было сочной ягоды насобирать, кустового листа на чай заготовить и водицы нацедить. Ведь живут лесные избушки для человека, и как же им обойтись без влаги!

Все избушки, независимо от того, маленькие они или большие, ставятся всегда крепко, и лёжа на нарах, естественно, думаешь о том, как хороша такая крепкая лесная жизнь, которой многие люди себя лишают. Половину своего времени они тратят на то, чтобы придумать, куда девать вторую половину, оправдывая при этом любое безвольное попустительство. А та самая жизнь, что может стать для тебя по-настоящему надёжной и достойной, безвозвратно уходит. Только ночуя в крепкой лесной избушке, приходишь к выводу: надо жить так, чтобы было за что полюбить тебя хотя бы одному хорошему человеку.

Я люблю все лесные избушки, которые мне приходилось встречать на своём пути, даже самые захудалые. Однажды мы с приятелем по воле случая провожали старый год в такой полуразвалившейся большущей избе, в стенах которой зияли щели шириной с руку, на почерневших от времени брёвнах висела длинными ключьями жёлтая изморозь, а в прорехах потолка сверкали звёзды, и всё же мы были счастливы! На столе стоял букет сосновых веток, горела свеча, и у нас была бутылка портвейна... Сейчас этой избушки давно нет, её, как и многие другие, сожгли, но я всегда её вспоминаю, когда прохожу тем местом осенью после охоты на рябчиков или весной по пути на глухариный ток.

Сколько же их было всего, этих потаённых лесных избушек, что приютили, накормили и обогрели, не дали сгинуть в прошибающую до костей осеннюю расколготицу, помогли преодолеть лютые морозы с

метелями, наставили на верную дорожку... Отдохнувшим продолжал ты свой путь благодаря их теплу, и не было большего счастья, чем ощущать в себе склонность к такой лесной жизни, в которой многое зависело только от тебя. И ещё от того, каким воспринимает тебя лесная чаща...

Лесные сторожки сменяют в твоей памяти одна другую, а ты никак не можешь остановиться на какой-либо отдельной, и только вспоминаешь их печное тепло и неприхотливый уют, засаленные до блеска нары и то необыкновенное ощущение слитности с чащей, что и притягивает, и пугает...

За стеной вскрикивает, вздыхает и затаивается ночь, что смотрит в тебя немигающими глазами лесных волкодавов – таинственных зверей, которых никому не приходилось видеть. Ты перебарываешь страх, выходишь на крыльцо, и ночь сразу становится благосклонной, как бы даже принаравливаясь к твоему состоянию. В душу закрадывается какое-то очарованное благодушие, и боязнь вдруг уходит из сердца, хочется вглядываться в мерцающую темноту и встречать там взгляды неведомых животных. Весь лес неожиданно оборачивается родным и близким домом, который вроде бы ничего и не думал от тебя скрывать, а просто на время забылся в своих таинственных сновидениях.

Стены избушки уже не кажутся тебе крепостью, и как будто растворяются в подступающей темноте. Стол оказывается открыто стоящим посередине полянки, рядом – твоя лежанка, что сразу подымает тебя под лопатки к самым небесам, и звёзды приветливо улыбаются поблизости, стоит только протянуть к ним руку... Свет от них поблескивает в капельках росы на траве, радостно лучится, и ночная темнота словно расступается.

Даже огонь в печи присмирел, перестал надсадно гудеть, а лишь вздрагивает изредка яркими лоскутками и опять притихает. Всё соразмерно, удивительно и очень хочется жить. Глядеть на звёзды, дотрагиваться рукой до травы и деревьев, вдыхать пряный аромат уходящего лета и зарождающейся осени. И всё это благодаря маленькому лесному дому, что незаметно стёр границы между тобой и лесом.

Печки в лесных избушках в основном прогорают быстро, остывают ко второй половине ночи, если стоит сильный мороз, и приходится часто вставать и подтапливать. Огонь в такой остывающей печке схватывается споро, дружно разгорается, посверкивая неясными бликами по стенам, и в избушке опять становится тепло. Большинство печей маленькие, тонкостенные, с длинной проржавевшей трубой, в которой под самым потолком есть задвижка. Правда, она не надолго задерживает жар, к тому же, дырявые половицы и худой порог быстро вытягивают его. Зимой в лесной избушке не очень-то разоспишься.

Зато в начале осени, когда ночью ещё не похолодало, или майскими разомлелыми днями, когда придёшь с глухариного тока, спишься сладко и беззаботно. Утром долго приходишь в себя, нехотя ворочаешься, а окончательно проснувшись, идёшь умываться к прозрачному ручью, после чего скулы и руки приятно немеют. Жил бы в таких потаённых избушках целый лесной век, и никуда не торопился!

Хорошо, наверное, поставить свой лесной дом, но эта мысль никогда не приходила мне в голову, потому как вокруг было полно избушек, которые казались родными. В любой из них можно было остановиться, заночевать и даже провести неделю-другую. Ни одна избушка никогда не закрывалась хозяином на замок, он обычно висел замкнутым на дверной ручке или вообще отсутствовал. В любой из таких избушек всегда создавался тот особый уют, который везде сопровождает лесного человека, и его душа становится умиротворённой и безмятежной.

Говорят, что если три кола вбито, бороной накрыто, то это уже дом. Но такое понятие дома не подходит к лесной избе, где всё должно быть выстроено крепко-накрепко, на долгий лесной век. Начиная строить в деревне избу, клали под угол деньги – для богатства, шерсть – для тепла, а ладан – для святости. Лесная избушка – это особый, хоть и небольшой мир, крытый своей потаённой кровлей, и наиболее верно про неё будет замечено так: дом невелик, да лежать не велит, ибо если в лесном доме жить, значит, обо всём тужить. Человек в нём словно забывает свою прежнюю городскую жизнь и начинает новую, зависящую только от него самого, от умения, терпения и неутомимости.

Пребывание в лесной избушке хотя бы один день очищает душу от всего наносного, неестественного. Наведя в ней порядок и переночевав, причастившись, таким образом, к лесу, ты уже иначе относишься к себе и окружающим. Для тебя наступает прозрение, тот необходимый «момент истины», после которого характер твердеет, а взгляд становится ещё более ясным.

В избушке, когда ты в неё пришёл, всё замечательно и просто. И так же – в лесу, что её окружает. Лес никогда не подпустит к себе, если ты равнодушен или разочарован, он будет долго и пристально вглядываться в тебя, выискивая и определяя самое главное. Хорошо самому не забывать его в себе и жить достойно.

Все лесные дома ждут людей, заботятся о них и помогают стать человеком. Иначе бы их просто не существовало. Дома эти, как сами люди, трепетны, вдумчивы и по-своему богаты тем отношением, что вдыхает в них лес.

Выходят к таким избушкам усталыми, но радостными после долгого пути, с доброй надеждой, что ничего в них не нарушено. Крыша не протекла, печь исправна, имеется небольшой запас дров... И чтобы ещё речка неподалёку текла или хотя бы ручеёк, а лучше даже снегу зернистого в котелке натопить. На худой конец, можно в глубокой колее лесной дорожки зачерпнуть водицы, на опавшем листе настоявшейся... На жарком костре всё в ней перекипит, и станет она ещё слаще.

Покидают же лесное обиталище с лёгкой грустью, как бы навсегда расставаясь с тем, что уже, кажется, никогда не растревожит твою душу, но в то же время и с облегчением. После нескольких ночей, проведённых у остывающей печки на жёстких нарах, с запахом свечки и мышинной вознёй по углам, тянет в город. Но в иной избушке со всей её незамысловатой обстановкой чувствуешь себя уютней, чем дома. Наверное, потому, что тебе очень близко всё в этой неприветливой лесной жизни.

Наколотые тобою дрова жарко потрескивают в печи, когда за стеной избушки стоит тридцатиградусный мороз, в кружке на столе дымится крепко заваренный чай, по стеклу маленького окошка с хрустом соскальзывают льдинки, образуя на подоконнике чистые лужицы, и жизнь представляется необыкновенно простой и основательной. Вроде бы, ничего особенного не происходит, но именно такая незамысловатая обстановка вызывает ощущение надёжности, какое не переживаешь даже в обустроенной городской квартире. В лесной избушке, один на один с окружающим лесом, ты почему-то ничего не боишься и с нетерпением дожидаясь утра, чтобы отправиться куда-нибудь по нескончаемой лесной дороге. На всё, что составляет сейчас твою жизнь, ты смотришь открыто, надеясь только на собственные силы, и от этого сердце переполняется радостью.

В лесной избушке, наедине с самим собой, ты начинаешь как-то особенно ясно чувствовать и мыслить. Здесь тебя ничего не сковывает, и отсутствуют какие-либо условности. Нет ничего лишнего в такой лесной жизни, она не дарит никаких иллюзий. Только ты, могучие деревья и таинственный ветер.

Я могу очень точно описать любую лесную избушку, в которой мне приводилось хоть раз провести ночь. Это потому, что в лесу все восприятия чётки, они не замутнены, и тебе хочется впитывать окружающий мир таким, какой он есть. Ступеньки, труба, дверная ручка, даже расщелины в полу запоминаются с удивительной лёгкостью, так что ты чувствуешь себя как дома.

В лесной избушке полезно быть одному: никто не мешает думать и вспоминать. Память цепко хранит аромат хвои, трав и весеннего снега, что

подтаивает и с пугающим шумом сползает с крыши, крик одинокого ворона, неторопливо пролетающего над избушкой, падение сбитого выстрелом глухаря и вкус его мяса... Обрекая себя на лесное уединение, приятно размышлять о чём угодно, и тогда простая жизнь, которая бывает разной, видится только с хорошей стороны.

Если ты оказался в лесной избушке один, у тебя никогда не возникает тоски. Ты прекрасно чувствуешь себя, здесь ты свой среди своих, и тебе никуда не хочется стремиться. Свербящее чувство дальней дороги не донимает лесного человека, ему не слышатся какие-либо чуждые лесу запахи и звуки, а видится лишь его теперешнее простое житьё, вкус нехитрой таёжной похлёбки на губах и пьянящее ощущение свободы.

А ещё лесным людям не занимать захватывающих дух историй про разного рода избушки, повстречавшиеся им в жизни. Про то, как они бедовали в них без провианта, перебиваясь только добытым зверем или птицей. Как сводили их с ума нескончаемые одинокие ночи, когда, кажется, что за дверью кто-то стоит и пристально вслушивается. Избушки помогали, спасали и дарили ощущение домашнего уюта в глухом, неизведанном лесу, а рассказы про них всегда изобиловали самыми невероятными чудесами.

Издревле всякое явление, которое человек, находясь в лесу, не умел объяснить по известным нам законам природы, переносилось в разряд чуда. По ночам в избушке выдумываешь себе тысячу несуществующих опасностей, которые исчезают только под утро, а днём и вовсе совершенно забываются. Но вот приходит очередная ночь, и страхи вновь появляются: то ветер завывает волком, то ветка старой осины всю ночь скребёт по крыше, и кажется, будто это какой-то неведомый зверь пытается до тебя дотянуться, а по весне оседающий снег так ухнет или сосулька вдруг с хрустом обломится, что сердце в пятки уходит... Все звуки в ночной избушке связаны либо с явлениями природы, либо с обострённым восприятием человека.

Ночной порой в лесу человеку часто чудится стук в дверь, будто кто к нему просится, и не впустить никак нельзя, ну, а если отворишь дверь неведомому гостю – пеняй на себя... И такая оттого морока на человека найдёт, что хоть беги. Этот некто стоит за дверьми, дышит еле слышно, себя никак не проявляет, но ты всё равно его чувствуешь. Не сказочное животное, а человекоподобное страшилище небывалого вида, чудище о двух головах! Свирепый и страшный злодей, вознамерившийся забрать твоё сердце и поражающий всякого своею силою. Но все чудеса, даже самые чудовищные, становятся доступными в понимании, если ты к ним готов.

Ну, а коли не по силам правду чащобную воспринять – знай, вокруг оглядывайся, если, к тому же, дело к ночи идёт, потому как нежить лесная

хоть и бессемейная, а плодится будь здоров! Не успеешь и глазом моргнуть, как на сапог наступят, через портки перескочат, а в голову тумана зелёного вдохнут: век потом дорогу домой не сыщешь! Так захороводят, что среди бела дня света не взвидишь, одно слово – бесово племя. Хорошо, если догадаешься через левое плечо себя обсвистать.

В одной лесной избе, рассказывают, чудовое ружьё на стене висело... Мужик пришёл в избу, снял его, да и ахнул из обоих стволов, а из печуры вылазит чудо-юдо лесное, царь-растопыр, такой чудной, будто на смех народился, и спрашивает этого мужика:»Где, мол, живёт Марья Хохловна?» Мужик так пнём-раскорякой в землю и врос. Чудные дела в лесном царстве творятся, но коли чудится, так перекрестись!

А то привидится уставшему человеку прямо под потолком лесной избы чудный образ... Чудесное видение, которого бы, кажется, и не с чего ожидать, а оно появилось. Светлый лик Пресвятой Девы, что отчего-то явилась и будто дала понять: она тебя хранит. И уж тогда ничего в лесу не страшно, ибо знаешь: Господь твою душу бережёт и на путь истинный наставляет. Лесной дом на этом пути – искреннее тебе утешение. Но разве всякому такое привидится?!

Бывает, человек заблудится, плутает весь день и, уже отчаявшись, вдруг натолкнётся на очутившуюся перед ним неизвестно откуда лесную избушку... Вся она из себя диковинная, да ладная, манит своим призрачным уютом, и в тоже время будто не пускает. Стоит избушка на курьих ножках, пирогом подпёрта, блином покрыта, ни в сказке сказать, ни пером описать, человек ходит вокруг, как заколдованный, а попасть в неё не может...

Вот и выходит, что все лесные чудеса – в решете: дыр много, а выскочить некуда. Сами собою живут и человека иной раз околдовывают, но чудное – это не только страшное, а ещё и редкое, удивительное и необычайное. Да и сам лесной бог – старый чудотворец! Из святых же чудотворцев в лесу у нас особенно чтится Николай-угодник, который первым лихо от человека отведёт и о лесном доме для него позаботится.

Даже обыкновенная стеариновая свеча в лесной избушке представляет из себя нечто необыкновенное, без чего совершенно невозможно обойтись. Мало того, что свеча освещает тёмные длинные вечера осенью и зимой, так она ещё и создаёт необходимый уют, которого без неё никогда не достичь. Может, конечно, выручить керосиновая лампа или даже фонарь, но обаяние уютного лесного жилища от этого почему-то исчезает...

Только свеча привносит в маленький лесной дом то ощущение чудесной сказки, без которого он никогда бы не стал таким, какой он есть на самом деле. Загадочный, родной, тёплый, словом, такой, который тебе совсем не

хочется покидать. В нём слышится неспешное и радостное времяистечение, в котором лесной домик существует и плывёт, как лодочка: не страшны ему ни дождь, ни ветер, ни время. Утлым челноком в суровую непогоду проскользнёт, гордой байдарой в ведро радостное вырулит, всё на своём долгом лесном веку преодолет и выдержит. Лесная сторожка – это, значит, что-то неброское, но милое сердцу и очень надёжное...

Пламя свечи чуть вздрагивает, изредка потрескивает, а вокруг – играющие на стенах блики и тени. Огонёк свечи, если приглядеться, тоже особенный, он как будто – всевидящее, но ненавязчивое око, взирающее исподволь, откуда-то изнутри. Приглянешься ему – и оно горит ровно, не вызываешь доверия – вспыхивает, шипит, а то и затаивается, поджидая, на чём бы тебя поймать. Держи тогда с ним ухо остро, главное же, не накличь на себя в лесу беды.

Без свечи в избушке не вяжется и задушевный разговор. Нет её – и всё как-то не так и не этак, а если мерцает на столе у маленького окна ласковый огонёк, хочется говорить обо всём на свете. Свеча будто тоже участвует в беседе, ненавязчиво подсказывает что-то, удивляется, даже негодует. Она – неотъемлемый свидетель всех застольных бесед, что часто, между тем, не замечают. Но свеча рядом, она всегда полна жизни и света. Я не могу вспомнить случая, чтобы свеча потухла раньше того, как прекратилась беседа...

Свечной дух сладок, приятен, и даже потушенная свеча всё равно невидимо присутствует. Она легко угадывается по источаемому запаху в темноте, и пока приятель твой ворочается с боку на бок, ты думаешь о разных замечательных вещах, что произошли с тобой за день. Хорошо лежать вот так, когда день прожит не зря, в избушке тепло, дрова заготовлены, и назавтра тихое октябрьское утро примет тебя в свои объятия. Оставшийся же свечной огарок осветит холодный вечер какому-то другому, уставшему человеку, который, между тем, должен помнить, что свеча не встанет перед Богом, а встанет только душа.

И вот, однажды, и твоя душа встречается в такой лесной избушке с неведомой силой, у которой всякие перевёрты за обычай, и нет ничего странного в том, что она не только в волка, зайца или сороку с вороной оборачивается, но и в нож, клубок ниток или камень... Может и вовсе не появляться на глаза человеку, донимая его разного рода звуками, что, как правило, необъяснимы и зловещи... Встреча с этой незримой могучей приключилась у меня в одном укромном домике, что умело был кем-то

поставлен между двух ручьёв, на небольшом холме, поросшем старыми елями. Я нашёл его сам, по еле приметной тропке, а потом, помнится, привёл туда своего друга. Дом был словно из сказки, приземистый, крепкий, и прятался под высокими елями, как гриб боровик, так что никто, кажется, не мог нарушить в нём мой покой.

Единственное оконце дома смотрело на восток, а дверь выходила на запад. Стены были сложены из брёвен чуть ли не в два обхвата, но сам дом казался маленьким и очень уютным. Нужно было хорошо постараться, чтобы его отыскать.

Внутри ничего необычного: у дальней стены – нары на двух-трёх человек, под ними – место для собак, на стене – полка, зеркальце, у окна – столик, а в углу – печка... Печка была ладная, растапливалась легко, и тотчас начинала давать тепло... Однажды зимой, когда я провалился неподалёку от избушки под лёд, гоняясь в прибрежных корягах за колонком, она меня спасла.

Хорошо сидеть в такой избушке поздней осенью или зимой после тяжёлого дня, когда печка пышет жаром, на ней в котелке побулькивает вода и дверь распахнута настежь... Деревья, окутанные инеем, застыли в морозной тишине, даже синиц не видно, а у тебя – жара! Стены так нагреваются, что становятся горячими на ощупь и сильно пахнут смолой, да и сам дом весь словно оживёт, как будто заворочается от удовольствия, и что-то радостное прошепчет тебе... Ты, конечно, почувствуешь его, тоже обрадуешься и поблаговаришь дом за то, что он дождался тебя и обогрел.

Удалённый от ближайшей деревни на полтора десятка вёрст, дом таил в себе нечто такое, что тянуло к нему. В нём хорошо думалось, сладко спалось, и вся обстановка располагала к какому-то лесному подвигу. Именно в этом доме долгой сентябрьской ночью мне пришла мысль написать свою первую лесную книгу...

Я тогда лежал и слушал, как подступает за стеной ночь, но печаль не одолевала сердце, лесная темнота окружала избушку полным покоем, и одиночество ничем не нарушалось. Мне хотелось, чтобы эта осенняя ночь всё время была со мной, убаюкивала своими шорохами, но не давала забытья. Находясь в этой укромной лесной избушке, я, как ни странно, не чувствовал себя оторванным ото всех.

И вот, я опять оказался в этом уютном лесном пристанище... Придя тогда в избушку, и чуть переведя дух, я принялся растапливать печурку заботливо приготовленными кем-то дровами, а за печкою, в самом углу, кто-то недовольно, но незлобиво вздохнул, будто неохотно посторонившись, как это обычно случается, когда кого-нибудь невольно побеспокоишь...

Заслышав этот вздох и чьё-то неясное копошение, явно, не мышинное, я было подумал, что в избушку забрался какой-то лесной зверёк – енотовидная собака или барсук, что часто с ними случается, но копошение это не было похоже и на зверя, хотя кто-то же в домике находился, значит, он здесь обитает, и потому, должно быть, по праву считает себя хозяином...

И сразу подумалось: откуда бы здесь взяться этому невидимому хозяину, наверное, вознамерившемуся напугать меня, и чем он тут пробавляется в отличие от того же «домового» в деревне? Ведь редок здесь путник, не важно – рыбак он или охотник, а между тем, неведомая сила в избушке присутствует, и неизвестно – как она себя поведёт, когда ты потревожишь её покой, вот она и подаёт о себе знать недовольным голосом и загадочным копошением... Но не с иконой же и хлебом-солью входить в каждую лесную избу?!

«Эй, невидимый доможил, - еле слышно шепчу я, скорее, пытаюсь успокоить самого себя, - я тебя не потревожу, только вот немножко отдохну, и дальше пойду... Сахарку с хлебушком тебе оставлю, соли щепотку, ещё добрым словом меня помянешь. Грешного дела не допущу, ей-богу!»

Когда печка в избушке топится, и хозяину её, небось, тоже, как и мне, тепло на душу ласковою заботою ложится: чего ему кручиниться? Глядишь, пообмякнет, да превратится в завидного доброхота, кто знает, может быть, даже шутливого нрава... Так и заведётся про меж людей молва про лесное существо доброй породы: знай наших!

Неведомый лесной хозяин богат на поражающие слух звукосочетания: то стуком, то зыком, а то и нестройным стрёкотом или щебетаньем, он горазд не на шутку взбудоражить воображение, после чего подумаешь, что это у тебя в голове шумит... Всяк хозяин в своём доме большой, и хоть лычком подвяжет, а и то впрок. Шуми-голова, одним словом, что шумиху разводит, будь здоров, и шумаркать на разные лады – его привелегия...

И может быть, мой суседушка как раз не брюзжит, а именно так ведёт беседу: гомозится на свой причудливый лесной манер – шу-шу-шу, шу-шу-шу, шу-шу-шу... Шепчет своими невидимыми губами, будто ветер зашевелил листьями, или ещё похоже было на то, когда сено перебирают, ворочают, чтобы оно просохло, и я, не шелохнувшись, вслушиваюсь в эти неведомые звуки, и только догадываюсь – кто там может быть?

Переменчивые чувства тоже шевелятся в моей душе, но я не велю им пугать меня, и раз уж попал в гости к незримому хозяину лесной избы, так изволь принять затеянную им игру. Ему, этому невидимому соседу, может быть, необозримое количество седых годов, и вот он поминает своё давнее старьё, шевелит древними косточками, но ничего худого при этом никому не

несёт... Разве осмелишься ему сказать: не шевелись, стой смирно! Я пришёл в лес, разбередил неведомое существо, вот оно и оживилось, и нужно иметь терпение ничем его не обидеть. Ведь оно этого не заслужило, и пусть себе ворошится, таинственная лесная шевелюга!

Но как же, интересно, выглядит этот неведомый доможил? Каков он на вид? Махонький это сверчок-с-шесток, или записной «дедушка»? Для чего вообще обитает в одиноком лесном домике, призванном приютить под своею крышею усталого путника? Неужели только за тем, чтобы попугать? Может быть, суждено ему ОТЦОМ-ЛЕСОМ принимать у себя православный русский люд, не гнушаясь совместным жительством, но и не показываясь?

Так, незримым существом и живёт, свои незатейливые житейские привычки не теряя... Будучи лишь призрачным духом, по-настоящему он человека напугать не может, да и не заведено это, наверное, у него... Человек, скорее, сам себя покоя лишить способен, если доверится нечистой силе, и ему надобно порядок в собственной судьбе блюсти, не обижая ничем лесного духа, тогда неведомый «соседушка» обернётся ему братом, всем другим чертям на погибель.

Редкий человек, наверное, может похвалиться тем, что воочию увидел такого «лесовичка»... Да, должно быть, по чести, его и вовсе узреть невозможно. Не по силам это человеку, даже искусившемуся в долгом опыте жизни. Верно одно: можно лишь услышать голос неведомого существа, а голос этот способен представится и скрипом, и стоном, и глухим побрякиваньем, либо – тихим окликом, будто кто ненавязчиво тебя зачем-то позвал... И тут следует незамедлительно обронить:»К худу, или добру?», так что шепоток этот ненавязчивый отвяжется... Какого-то особого зла от существа лесного ожидать не стоит, но предостережение, какое ни на есть, выявить не мешает...

При этих мыслях меня, помнится, даже смущение охватило, вернее, какое-то неудобство в душу закралось, так что я тотчас промолвил:»Батюшка-лесовик, не серчай, не пеняй на меня, что обитель твою побеспокоил, мне бы только переночевать... Засну - не шелохнусь, с усталостью распрощаюсь, а назавтра уйду. Только доброму духу сюда дорога, злему же – отрежь путь у порога...» И тесен лесной дом, да хорошо в нём: с самим лесным дедушкой приводится пошептаться!

И сразу стало тихо, словно вот-вот должно что-то произойти, но чьё-то ненавязчивое присутствие всё-таки ощущается... Какой он, лесной дедушка-свечка, лучинушка с печки, дух и хранитель дома, что стучит и возится по ночам, проказит, правда, без злого умыслу, так, ради потехи? – опять думаю я. Может, наверное, погладить мохнатую рукою, отчего сон становится

только крепче: что кому за дело до чужого деда? Особенно рьяно он хозяйничает, если его не угостить, но изведав вкусненькое подношение, расправляет свои космы и добреет... Кого дедушка полюбит, тому и косточки в руки!

Подумалось почему-то, будто это невидимое существо, мой лесной суседушка, даже стесняется себя объявить, так только, если подурит немножко, поскольку незлобивого нрава... И вдруг, как щелканёт что-то за печкой, да с таким пронзительным стрёкотом, даже – скрежетанием, с каким не может издавать звук ни одно живое существо на земле – ни птица, ни человек, ни мышь, ни кузнечик или сверчок, никто, ну, если только оно никогда и никому не было ведомо...

Мне известно, как сонно даёт о себе знать наш всеми любимый сверчок: он, вроде бы, не бранится и не кричит, что есть мочи, и не плачется без умолку, а просто как будто делится сам с собою своим незатейливым житьём-бытьём, никому особо не докучая, и тем жив. Кто часто спит на полатах в деревенском доме или лесной избе о его существовании даже забывают, до того сверчок тих и неприметен, отчего просыпается к нему такая же спокойная и тихая симпатия... Даже заслышав неприхотливое щебетание сверчка, ни за что на него не прикрикнешь, а только умиловившись в душе чему-то трогательному, и улыбнёшься, засыпая...

Соловей, говорят, свищет, жаворонок заливается, ворона кричит, сорока стрекочет, воробей с чижиком чирикают, щегол и ласточка щебечут, а сверчок ... щёлкает... Хотя, неуёмным болтуном его не назовёшь. Пощёлкивает себе размеренно на собственную незатейливую усладу, никому зла не желая: знай, шевели своими невидимыми усами, да свищи в ноготок! Вот и само пощёлкиванье-то совершенно невинное, не как хлопают по воздуху бичом, желая кого осадить... Щелчком сверчка с ног не сшибёшь!

Свиристит запечный сверчок, потирая свои жёсткие накрыльники о зубчатые ножки, словно Бога хвалит... Была бы изба нова, а сверчки не переведутся: своя избушка, свой простор. Ну, а ежели это домик в лесу, да в нём гость какой ни на есть заведётся, то сверчок и вовсе звонко зацирюкает, будто приветствуя лесного путника, отчего тому только отрада: живём – судьбу не мотаем, пустых щей не хлебаем, и хоть сверчок в горшке, а всё с наваром бываем!

Но это ночное вскрикиванье не было похоже на безвинную сонную одурь, а являло собой какое-то потустороннее стрекотание, как мне сначала показалось, намеренно отрывистое и резкое, желающее именно напугать или отчего-то предостеречь... Совсем непривычное для человеческого слуха, обычно спокойно воспринимающего хорошо знакомые звуки, не вяжущееся с

окружающей привычной жизнью: это сотрясающее воздух действие представляло собой нечто запредельное, никогда ещё не слышанное...

Неведомый звук закрался в моё сердце, и я будто потерял покой, что, вроде бы, обрёл совсем недавно, до того звук показался необычным, и так, замерев, лежал на нарах с открытыми глазами, пытаюсь вообразить – кто это может быть? «Наверное, мне всё привиделось, - подумал я. – С чем ещё сравнить услышанное?» И ведь звук, появившись один раз, больше не возникал, но я был уверен, что не ослышался, какое-то скрежещущее щёлканье всё-таки прозвучало... Но вот, что-то проскрежетало повторно, и ещё, после чего показалось, уж точно – неслучайно! Что же это такое?!

Любой из звуков, существующий поблизости от человека, каким бы причудливым он не воспринимался, всё же оказывается знакомым, хотя бы раз слышанным, словом, привычным, пусть и необычным, а этот – на диковинку! Давно всем известно, что неведомая в народе сила и стучит, и трещит, и сотрясает, и возится то за печью, то по тёмным углам, бывает, просто от скуки забавляется, вводя людей в тревожное состояние души, но мой «суседушка» не проявлял присущую нечистой силе пугающую наглость, лишь время от времени пощёлкивал, принимался даже посвистывать, что несколько успокоило меня, и стал я спокойно обживать... «Только бы ночью не зачекотал, - с улыбкой подумал я, - а то ещё навалится всей своей неведомой силой, хоть и ради шутки, что-то будет?» Взяв тихонечко со стола кусочек хлебца, я покрошил его на загниётку печи, и под потрескиванье берёзовых дровишек задремал...

Хотя движения моего «суседушки» ночью не ощущались, сквозь сон я всё равно чувствовал его присутствие в ночной тишине: будто он и за печкой сидит, и у меня под нарами, а то под потолок заберётся, или, через мгновение, уже на чердаке с кем-то шушукается, как мышка, но удивительно, меня не донимает... Особо ощутимым, когда можно было угадать его присутствие, «сосед» становился возле стола, где и хлебушек, и консервы, и карамель оставлены... Мало ему моего подношения оказалось, вот он и льнёт к сладенькому, но как он туда пробрался, я не слышу, хотя и распознаю его таинственные и бесшумные передвижения... Может быть, «лесовичку» даже приятно, что я в его владения забрёл, да компанию, какую ни на есть, составил: он ведь, поди, неотлучно в избушке этой обитает не неделю, и не год, а, наверное, целую вечность... Как тут не заскучаешь?! Но ведь не беспокоит, ведёт себя скромно, и я, не без удовольствия переживая его ненавязчивое соседство, окончательно засыпаю...

... Всю ночь чувствовал я присутствие своего «суседушки», и как будто ещё ближе стал мне лес... Что-то я открыл в нём для себя необходимое, чего

именно не доставало до сих пор, и был благодарен ему за это. Вроде бы, ничего не произошло, а чувство такое, словно расположение какое-то приятное между нами образовалось, что и не выскажешь... Возможность воспринимать сознательно то, чего объяснить пока не можешь, но оно удивительно благотворно ложится на душу, и хочется впитывать в себе все тайны и чудеса, что преподносит нам существование, и радоваться этому обретению, не теряя способности видеть и слышать всё так чутко, как только возможно, и разве обойтись человеку без этой неведомой, хоть и не крещёной силы?!

Кто предупредит человека о напасти, что он сам, по собственному поведению, допустил в свою жизнь? «Домовой» или лесной «соседушка» исподволь укажут ему на его упущение, оставаясь для человека, скорее, доброхотом, нежели со злобою настроенным духом. На счастье человека может обернуться появление в его жизни такого неведомого и небывалого существа, свергнув его в какое-то жизненное испытание, вернее, указав на него, если человек не задумается серьёзно о своём поведении в лесу, или об отношении к самому себе, что должно быть праведным...

Кто умеет чутко слушать окружающее его существование, тому такая сущность одним своим появлением подскажет верное решение и неудачу отведёт... Всё это я не сразу уразумел, из года в год посвящая свою жизнь ОТЦУ-ЛЕСУ, но однажды предупреждение о возможных неблагоприятных событиях всё же почуял, успевая заблаговременно отвратить от себя напасть, просто проявляя к жизни внимание, угадывая знаки, что подавали мне лесные духи. И ещё я постепенно, благодаря этой неведомой силе, научился понимать себя, быть смелее и проще, как-то незаметно убедившись в том, что принимать жизнь такой, какая она есть, со всем бесчисленным сонмом существ и духов, совершенно естественно. В благодарность за то, что лесной «соседушка» приютил тебя, из дому своего не выпроводил, не погнушайся и ему сотворишь какой-нибудь незатейливый подарок, кусочек ржаного хлебца с солью или сахарок, до которого он, как и все мы, большой охотник. Да не забудь слово доброе молвить: «Спасибо тебе, царь лесной, соседушка дорогой, что приютил и обогрел, не всё тебе одному горевать... Не пугай никого, привечай, как и прежде, добром путника, и будет тебе в твоём лесном мире покой и улада, а ему - укрепление сердца на всяк день, на всяк час и на всякую минуту... Да пребудет всегда лесная сила, присно, и во веки веков, аминь!»

Как же, всё-таки, выглядел мой лесной старичок? – до сих пор думаю я. Может быть, он и не старичок, какой-нибудь махонький гномик, вовсе не злобивый, а даже очень добрый и скромный. Сидит тут одну целую вечность, и когда заглядывает в избушку редкий путник, он ему очень рад. Шелестит что-то непонятное на своём лесном языке, наверное, боясь напугать гостя, и мечтает только о том, чтобы этот гость задержался в его домике подольше... Скучно ему одному, вот он от радости и щебечет, и очень важно не испугаться и не обидеть это чуткое лесное существо, может быть, даже подружиться с ним... Чем же он тут занят?

В долгую зиму, когда за стеной избушки завывают метели, хозяин лесного домика, должно быть, впадает в дрему, и видит сны, где так дивно пахнет не то травами и цветами, не то ягодами, и в его сторожку заглядывают охотники и грибники... Он их тоже тотчас называет «соседями», и подаёт о себе знать радостным пощёлкиванием или стрекотанием... Не пугайтесь, люди добрые, невидимый обитатель этого лесного домика вас не обидит! Так он приветствует любого, кто заглядывает к нему в гости с добром, и вы точно так же поприветствуйте его, и чем-нибудь угостите... Будьте снисходительны к одинокому существу, охраняющему глухой лесной угол и всякие чудесные вещи... От всего сердца вас прошу!

СВЕТЛАЯ ПОЛЯНКА

Выдался однажды в моей жизни прекрасный весенний денёк, и решил я отправиться в лес, на глухариный ток, что назвал его когда-то «Пасхальным», потому как нашёл его на Пасху, было это 23 апреля, и с тех пор так и прозывал это чудесное лесное место, представляющее из себя укромную лесную полянку, как-то по-особенному уютно окружённую сосновым и еловым лесом... Эта полянка всегда дарила мне радость, до того потаённо и чудесно она располагалась совсем неподалёку от деревни, в каких-нибудь двух-трёх верстах... Я любил приходить на неё, наверное, только за тем, чтобы побыть в этом необыкновенно живом лесном пространстве, и в тот день пришёл ближе к полудню, не надеясь уже застать глухарей, а просто желая насладиться любимой природой...

В сосняке, скрывающем полянку с юго-востока, было полно всякого древесного хлама, и я нарубил с полдюжины сухих сосновых лесин. Выбрав большую ель, растущую у самой опушки, уложил лесины на толстую нижнюю ветвь старого дерева, прямо над землёй, покрыл этот настил плащ-накидкой, и лежак был готов. Оставалось только улечься, подложив под

голову рюкзак, и любоваться всем, что происходит на полянке: интересное не заставило себя долго ждать.

Когда находишься в лесу какое-то время неподвижно, всегда в нём случается то, чего просто так никогда не увидишь, ну, если только случайно. Мы просто этого не имеем возможности наблюдать, не замечая порой, как проходит мимо собственная жизнь, а оно, между тем, происходит в лесу постоянно. Все самые чудесные события в нём для большинства людей, чаще всего, оказываются недоступными, как будто их и не существует, и мы только догадываемся о том, как протекает там неведомая лесная жизнь, давая волю своему разгулявшемуся воображению...

Вот на полянку, вприпрыжку, и залихватски выгнув хвост, выскочил бурундук... Сначала я подумал, что это белка, и тут же ястреб-тетеревятник, молниеносно и бесшумно, свалился откуда-то сверху, где он, наверняка, уже давно высматривал добычу, и я был поражён, с какой непоколебимой уверенностью, легко и красиво, схватил он зазевавшегося зверька, и в мгновение унес собой... Сильно изумила именно простота, с какой было совершено то, что происходит в природе постоянно, составляя, между тем, её суть. Я, кажется, и удивиться не успел этой непостижимой виртуозности хищника, до такой степени быстро всё случилось, а потом до меня дошло, что я даже не почувствовал какого-либо сожаления от увиденного...

Лежал, очарованный тем, что привелось подглядеть в природе, когда тоже становишься в ней незаметным, и не мог ни о чём другом думать. Этот маленький, вроде бы, совсем незначительный случай, вошёл в меня каким-то незабываемым событием, но я никак не мог его для себя оценить, до того непредвиденно и ясно всё проистекало... И потребовалось ещё немалое время, конечно, вперемешку с другими случаями, какие мне выпало счастье в лесу пережить, чтобы всё это осознать, воспитав в себе верное отношение к лесу, ко все природе...

И вдруг, в совершенной тишине, над полянкой возник ... воздушный вихрь... Его хорошо было видно, я отчётливо углядел это энергетическое завихрение, так что не приходилось убеждать себя в том, будто это было нечто привидевшееся, некий обман зрения и чувств. Да, то, что случилось, выглядело очень необычно, ведь даже малейший ветерок в тот час отсутствовал, стоял покойный солнечный день, и тут, ни с того ни с сего, над полянкой образуется совершенно необъяснимое явление — порывистое круговое движение ветра... Скорее, даже, то был не ветер, а какой-то, неизвестно откуда взявшийся поток воздуха, вздыбившийся столбом над полянкой, неизвестная и непонятная мне воздушная заверть!

И тут я вспомнил, что подобное мне уже приходилось видеть, правда, происходило это в море, где я много лет работал, и та морская круговерть, называемая среди моряков «сулоем», всплывала прямо на спокойной водной поверхности, казалось бы, возникая ниоткуда... Вокруг – полный штиль, и вот, на тебе: из неведомых морских глубин встаёт большая волна, катится какое-то время по морю, и так же неожиданно исчезает... Помнится, я так и не докопался до причины возникновения этого необыкновенного явления, а сейчас неожиданно подумалось: раз мой воздушный «сулой» появиться ни с того ни с сего не мог, значит, он возник неслучайно?! Сами посудите...

Такой «сулой» в воздухе и правда просто так, на открытом месте, не случится, если стоит покойный ясный день, без единого дуновения ветерка, а тут вдруг, прямо посреди поляны, возьми и схватись с одного места какой-то неведомый поток энергии, что Господи Боже мой! Оглянулся я вокруг – тихо, солнце ласково сияет, птицы нежно щебечут в недвижимой листве, откуда бы этому неведомому колебанию воздуха взяться? И ведь как будто угадал я его нахождение, остановив свой взор именно на том месте!

Мутноватый облик этого воздушного вихря ясно запечатлелся у меня в памяти, у основания – тонкий, а к вершинке – расширяющийся, вроде гриба, с плоско вытянутой шляпкой... Объявился на несколько секунд – и исчез, будто ничего и не было. Такой короткий порыв случается иногда, но это только тогда происходит, когда и сам день стоит ветренный, и такие резкие порывы в нём – обыкновенное дело, нередко с присвистом, но в моём случае погода с утра утвердилась на загляденье мирная, ни листочек не шелохнётся, ни травинка, и так – до самого вечера, что ещё более притихал, завершая эту умиротворённую майскую картину... И на тебе – вихрь на голом месте, посреди уютной лесной полянки, что почти со всех сторон, к тому же, сосновым бором окружена, защищая от ветра её потаённость! Тут не только о глухарях перестанешь думать, себя позабудешь, пытаешься отыскать случившемуся здравое объяснение, а вокруг недвижимо тянут к небу свои головки травы, с прежним трепетом ласкает молодую листву солнце...

«Вихрь с пылью навстречу, - говорили в народе, - к худу», но только я никому ничего худого не совершал, так отчего же мне должно становиться плохо? Нет, тут дело в чём-то другом, думаю я, виной тому какая-то неведомая сила, нечто чужое... Но ведь возникло-то оно передо мной, а значит, не просто так!

Стремительным порывом взметнулась кверху эта неизведанная сила, и, крутанувшись вокруг себя, через три-четыре секунды исчезла, как будто её и не было. Но я-то её очень хорошо разглядел: воздух, будто сам сгустился в

какой-то одной точке, буквально в полуметре от земли, обернулся еле видимым облаком, чуточку приподнявшись, и, зависнув на мгновение, растворился...

Что за чудесник-полевик предстал перед моим взором? О чём хотел предупредить, или, быть может, просто сбить с толку? Да только с какой целью?!

Подошёл я тихонько к тому месту, где этот воздушный дух на мгновение замер, но ничего не обнаружил. Тянется из земли навстречу небу травушка шелковистая, мать-и-мачеху сменила медуница и черноголовка, сосны корабельные по-прежнему неподвижно стоят вокруг полянки, кудрявые верхушки их в глубоком удовлетворении замерли, даже меж собой не переговариваются, но ведь дух этот воздушно-травяной возник откуда-то, может быть, из-под земли? Что же его породило?!

Полян, да покосов в нашей лесной стороне не счесть, даже те, что вблизи деревни располагаются, за день не обойдёшь, а этот неведомый вихрь возник именно в том месте, где я задолго до вечерней зорьки обосновался на подслухе, желая подглядеть подлёт глухарей, и эта неведомая энергия взвилась в воздух рядом со мной... Выходит – неспроста, это был какой-то знак, предназначенный только для меня, и я не знал, что и подумать... Одно слово – лесное чудо!

Мудрёное дело какому-то неведомому «полевiku» сопровождать меня по лесу, и ведь раньше, сколько уж лет по нему хожу, а не встречал подобного явления: неужели я так лесным духам интересен, что неотступно следуют за мной, тем более, в последнее время? Видимо, наблюдают за моим отношением к зверям, птицам и растениям, желая угадать ход моих мыслей и душевных устремлений, действительно ли я отказался от ружья, и меня интересует только внутренняя жизнь леса, его сокровенные тайны? Лесные жители менее прозорливые, чем духи, но и они, наверное, не прочь угадать – что движет мной в лесу? Чего им от меня ждать, если я ищу глухариные тока, прихожу на них ночами и терпеливо ожидаю того, что происходит под утро между птиц? Зачем человеку это нужно? – наверное, думают лесные духи.

Вот и появляются в моей жизни редкие, небывалые в ней ранее «гости», обладающие способностью видеть то, чего не видят другие обитатели леса... Может быть, они только чувствуют моё присутствие, не боясь иной раз и показать себя... В былые времена таких встреч у меня не случалось, и я о них только мечтал...

И вот что интересно: после всех этих соприкосновений с «небывальщиной», в моей жизни ничего не изменялось, вернее, не склонялось к худшему... Пожалуй, даже, взгляд мой и ощущения

становились ещё более проникновенными, а восприятие леса обретало истинную глубину в понимании проистекающей в нём жизни...

А «полевик», как всегда называли в народе эту неведомую силу, и образа своего, должно быть, не имеет, не то, что чёрт, леший или кикимора болотная, представляя из себя бестелесный дух... Ведь не счесть по нашей лесной стороне все поля, покосы и елани, и всюду ему поспеть нужно, отчего его никто и не видит, ну, если только неожиданно взвьётся перед тобой невесть откуда взявшееся воздушное завихрение, и опять же, тотчас исчезнет... Чаще всего, наверное, его и вовсе не замечают...

Трудно вообразить этого хозяина полей и полян маленьким уродливым человечком, скорее, стремительно перемещающимся духом, заприметив который и испугаться не успеешь... Впопыхах преодолевая свои бескрайние пространства, дух этот и сам только успевает надоумить человека с дороги верной своротить, и тут же бросает, чтобы дальше лететь, проказы свои повсюду за собой оставляя... Одно слово – нечисть, и с этим путанным-перепутанным духом приходится считаться, только на себя надеясь, а то миг завертит голову, ищи его потом в чистом поле! Впрочем, смутный образ этого духа не особо преследует твоё воображение, зато сам «полевик» слывёт в народе существом избалованным, злобным...

Он – нечто чужое, неведомое, хотя и существующее в этом миру... Колдовской ветворот, какая-то волшебная заветь, принадлежащая, конечно, неведомым силам... Обнаружение его для себя – необычное дело, может быть, это предвестье скорых перемен? И что же это за воздушный толкунец, еле видимым дымчатым столбом взмывший над простирающимся передо мной пространством? Вихорь-вихорёк, откуда ты взялся?!

Явление, не поддающееся объяснению по известным нам законам природы. Но Богу все чудеса доступны, и не божественное ли это диво, нежданное проявление Его Всевышней Воли, приключившееся вот именно здесь, на светлой полянке, посреди соснового и елового леса? Ах, этот чудный, удивительно необычайный и прекрасный мир, необычайный и не понятый, призванный к радостному постижению... Бог – старый чудотворец, и нужно научиться и нам творить чудеса, ведь это так чудесно!

Теперь я думаю, что этот воздушный вихрь являл собой для меня знамение, может быть, заключающее в себе только напоминание – каким чутким следует быть по отношению не только к лесу, но и к жизни. А возможно, то было и благожелательное указание на то, что я делаю что-то не так в этой самой жизни. И всё-таки, мне кажется, какие-то силы просто хотели посмотреть на мою реакцию: верно ли для себя восприму произошедшее, как и во всех предыдущих случаях, и что буду делать

дальше? Да и разгляжу ли вообще? И я отнёсся к тому, что случилось, спокойно, ничего не предпринимая, а продолжая познание мира, и это, по-видимому, понравилось этим силам... Так я почувствовал.

Сколько же жизненной силы заключено во всех лесах, на всём белом свете, и всей этой силой человек может пользоваться, если не предаст себя и лес, не перестанет заботиться о природе, что его с незапамятных времён окружает!.. Всего лишь одна светлая полянка, среди бесчисленного множества других, вроде, и неприметная совсем, а сколько радости и знаний мне принесла... И ещё, что очень важно, я почувствовал, как и моё человеческое чувство радости перешло на неё, и может быть, именно поэтому духи леса отозвались мне своим вниманием, в виде этого воздушного потока... Ведь взвился-то он, действительно, напротив меня, значит, и посвящён был мне: зачем-то ОТЕЦ-ЛЕС отметил моё присутствие в себе, смотреть нечего! Наверное, тоже обрадовался вместе со мной! А я долго ещё вглядывался в полянку, и во всё воздушное пространство над ней, пытаюсь углядеть присутствие неведомой силы, но... тщётно. Так просто, без всякой надобности, эта сила на глаза не показывается, даже досужему до лесных дел человеку, и очень важно заприметить её в тот самый, предназначенный только для тебя жизненный миг...

Именно на этой лесной полянке приключилась у меня забавная история с лесным петухом, когда я в сумерках стоял под ним, наслаждаясь его любовной песней... Ток располагался неподалёку от деревни, и глухарь, вдруг заслышав под самое утро своего деревенского собрата, замер, аж лапу в недоумении приподнял, и в такой позе находился долго, пока не догадался переменить её... По всему было заметно, что удивление его не покидает, и это казалось странным, поскольку глухарь, наверняка, уже слышал раньше своего отдалённого родственника, причём, не одну весну, и, тем не менее, не переставал изумляться... Он по-прежнему, с нескрываемым интересом, реагировал на призывное кукареканье кочетка, и долго не мог успокоиться...

Происходило всё это почти на том месте, где я сейчас находился... Глухарь, кажется, облюбывал ту самую ель, расположившись на её верхушке, всем своим существом обратившись в направлении к деревне, и я не стал стрелять в этого петуха... Столько всего было связано у меня с этой полянкой, что действительно была светлой, будто излучая радостное тепло... Неслучайно, наверное, и то, что вихрь в воздухе возник именно на ней, будто свято охраняя всё сокровенное, что эта поляна в себе скрывала, и я ещё с более глубоким уважением стал относиться к миру леса...

На этой светлой полянке я будто приподнялся над ней, как жизненный сок движется по чистому стволу вверх, к солнцу... В какой-то момент вдруг почудилось, что чьи-то могучие, но почти не ощутимые ладони незаметно отделили меня от земли, и я тоже потянулся к небу, обозревая внутренним взором всё наше лесное пространство, не желая возвращаться на землю... Заповедный лес, заповедная полянка, сколько в душе счастья!

Эта светлая укромная полянка, укрытая ото всех ветров берёзовым, сосновым и еловым лесом, будто задушевная весть вошла в мою душу, и там и осталась: со всей своей нежной весёлой травкой и первыми цветочками, милым бурундучком, по стечению обстоятельств оказавшимся в когтистых лапах ястреба, незадачливым глухарём, заслушавшимся пением деревенского петуха, с невиданной энергией леса и единой для всех правдой о том, что все мы – и лес, и небо, и земля, и люди неразрывно взаимосвязаны между собой, и в этом – великое счастье! Великая радость всем нам вместе тянуться к Богу ради того, чтобы к каждому пришёл его крылатый час, способность к самостоятельному безудержному полёту. Полёту, определяющему весь жизненный путь, на который ты в своей жизни решился, что бы сделать и себя и мир немножко лучше, ради его божественного устройства, ради радости и великого блага, что объединяет всех нас.

И этот неведомый лесной дух не доставил мне никаких неприятностей: наоборот, благодаря его появлению я задумался о чём-то глубинном и в жизни, и в себе... О том, что в чистом поле, в широком раздолье, за тёмными лесами, за зелёными лугами, за быстрыми реками, да крутыми берегами живёт и моя правда, что хотелось разгадать... Так ли далеко она от меня находится, не в сердце ли моём, незаметно переходя в мысли, и затем – дела?..

И вот, оказалось, что эта маленькая светлая полянка – и моя воля, и моя доля, без неё, конечно, прожить можно, но правду вряд ли отыщешь... И я прихожу именно к ней, в то место, где лежит безбрежный интерес к жизни, занятое радостью нескончаемого постижения: моя светлая полянка!

ЧЁРТИК

Уж нет сейчас, наверное, таких лесов, куда если и приведётся войти, то не удастся выйти... Истреблены по многим местам нашей русской стороны роскошные еловые и сосновые боры, через которые не найти прохода, и тем более – проезда... Не попасть тебе, как ни старайся, в затаившиеся в вечном мраке и потаённой прохладе богатые сюзёмки с моховыми покровами...

Среди могучих деревьев с нависшими на них лишаями, там хоронились невидимые никому лесные духи, что знакомы нам только из старинных сказок... Какое раздолье для воображения любознательному до чудес человеку в этом праведном на тайны лесу!

Как не жить-обитать в таких волшебных местах мужичку-лесовичку по прозвищу «леший»? Без него тут никак не обойтись, да чтобы у такого «лешака» кафтан непременно был вывернут наизнанку, левый лапоток надет на правую ногу, правый – на левую, а глаза бы сияли зелёными огнями... Хоть он и не чистого происхождения, а глядеть на него завораживающе приятно... Правда, смотреть на «лешего» при этом следует через правое ухо лошади: ну, разве, не чудеса расчудесные, не удивительное обаяние нашего русского леса?!

Ходит такой лешак по лесу полным его хозяином: захочет, сравняется по росту с самыми высокими елями, а пожелает быть незаметным, обернётся неприметной ни для кого травинкой или шишечкой, будто обронённой белкой... Ходит-бродит по лесным тропинкам, с обитателями потаённой чащи, что повинуются ему беспрекословно, забавы устраивает, а уж если повстречает на своём пути человека, куражится без меры, если тот ему придётся не по нраву... Вот бы поглядеть на него хоть одним глазком!..

И однажды у меня случилась такая встреча... По старинным преданиям леший появляется людям в самых разных образах: то это старушка сгорбленная с клюкой, заяц, ошалело выскочивший прямо из-под ног, старичок благообразный в доброй опрятной одежде, либо поп пучеглазый, ни с того ни с сего очутившийся на укромной лесной полянке... А может вывернуться из-под земли корнем несуразным, так что ты непременно за него зацепишься поддёвкой, и выворотень этот обхватит тебя за плечи, да как заголосит на всю лесную чащу! Перепугаешься не на шутку, и вроде бы, всего лишь угодил в иссохший от времени цепкий валежник, привидится же такое?!

Иной раз лесная сущность усядется над твоей головой, на еловой ветви, взъерошенной серой вороной, и вдруг захлопает, как угорелая, мохнатыми крыльями, словно в ладоши, и ты засмотришься на неё, открыв рот: тут она в тебя с чрезвычайной быстротой и вольёт свою неизбывную дурь... Ну, а ежели человек шибко восприимчив и падок до острых впечатлений, словом, горазд на буйное воображение, обернётся лешак перед ним великаном с огромной дубиной в руках, и тогда уж не миновать бедолаге лишения последнего ума... Кому-то и разбойником объявится: бровей и ресниц на сморщенной роже не видно, волосы на голове зачёсаны налево, за пояс заткнуто топориче, от одного вида его весь дух в тебе перешибает: минуешь

ли беду неминуемую, царица небесная! Так вот мне «мужичок-лесовичок» показался, как это ни банально звучит, обыкновенным чёртом, вернее, похожим на него существом...

Чёртик, я условно так его называю, оказался неведомой живой особью, в общем-то, безобидной. В таком виде, по крайней мере, он предстал передо мной. Да и раньше все сущности, с какими мне довелось в лесу соприкасаться, даже – невидимые, не приносили каких-либо неприятностей, будто присматриваясь к моей заинтересованности лесом. Они были очень почтительны в отношении ко мне, если можно так сказать, не переходя какую-то невидимую черту: я это просто чувствовал...

При всём том, что существо находилось рядом короткое время, и выглядело очень необычно, я воспринял всё происходящее естественно, будто уже встречал его и раньше. Может быть, только лёгкая тревога коснулась сердца, и сразу пропала. Внимание моё было захвачено пробуждающимся утром, что принесло радость общения с древними птицами, чистотой весеннего воздуха и зарождающимися ароматами земли. А существо я воспринял как то, что и должно сопутствовать ночному лесу, весной, когда ты ощущаешь с ним истинное слияние... Чёртик же сразу пропал, будто не находя причин каким-либо способом воздействовать на меня.

Ток уже завершился, светало, но я настолько проникся этим ароматным весенним утром, глухарями и их древней песней, что мне не хотелось покидать лес. Только-только преодолев токовую поляну и выходя на опушку, я почувствовал, как за спиной что-то хлопнуло, словно разорвали материю, и боковым зрением, опять справа, вновь углядел это непонятное существо, что находилось в поле моего зрения ещё пару секунд, не более, и растворилось... Сразу, с какой-то непоколебимой убеждённости, подумалось: всё, сегодня я его уже больше не увижу, и в тот же миг в душу закралось сомнение, что существо это нарисовало мне моё обострённое воображение, и на самом деле – ничего не было.

Разведя маленький костерок на краю полянки, подвесил над огнём банку со снеговой водой, и стал думать о лесных существах... Сколько же их обитает в лесу, и подлинны ли они хозяева в нём, как взаимодействуют с птицами и зверьми, и замечают ли их вообще животные? В народе все эти сущности, а их предполагается великое множество, прозвали нечистой силой, но ведь всякая живая особь происходит из природного царства, сотворённого Господом, и имеет свой разум и энергию, а значит, обладает правом на существование?!

Чёртик в этом царстве, наверное, главное лицо, враг рода человеческого, как принято о нём думать, хотя и не без лукавинки: даже около святых черти водятся! Некошный и сатана, шайтан и шиликун, нечистый бес, а ещё – шишига, отяпа и хохлик, как только его не называли, и ведь в любом обличье чёрт всегда представлял перед человеком существом не сумасбродным, а гораздым на разного рода выдумки, словом, догадливым: вольно ему в своём болоте орать. Но хоть и бур чёрт, и сер, и лохматен, даже в чём-то симпатичен, а всё равно – бес: сам не пьёт, а людей искушает.

Человек только за порог, чёрт ему уже поперёк, мыслями его качает... И оттого про чёрта молитву нужно знать, что все люди, как люди, один чёрт в колпаке: нечего бояться чертей, коли держишься добрых людей. Мужчина, что хоть немножко казистее чёрта, уже красавец! Кого, как говорится, чёрт рогами под бок не пырля!

Всё в жизни годится, если только с чёртом не водиться, ибо было бы болото, черти будут. Ведь черти завсегда над душой у человека стоят, когда он об этом даже не подозревает, и потому бойся не смерти, а чертей. Все черти – одной шерсти, и остерегаются они не кочерги, а доброго отношения к себе человека, не решаясь тянуться за его душой... Человеческая душа для чёрта – ботало, что он нашёл, да и сам ему не рад!

Вот и чёрт, что появился прямо передо мной, не обошёл неспешно с ехидной каверзой неуклюжим лесным жителем, не захохотал зло на весь лес, не принялся незаметно заводить в такой гиблый угол, из которого никак не выбраться, не напустил в глаза ядовитого туману, что совсем сбивает с толку, отчего ты дорогу к дому напрочь позабудешь и станешь кружить на одном и том же месте, а выскочил неожиданно из-под боку, будто он только меня увидел и не успел спохватиться, аж вывернувшись всем нутром наизнанку, это было заметно по его рожице. Словом, чёртик прозевал меня каким-то образом, хотя я на току почти всю ночь провёл, и не заметить меня он никак не мог. От этой неожиданности, видимо, и ошалел, овечья морда, возникнув подле меня, по правую сторону...

Я даже рыльце его толком разглядеть не успел, до того быстро он, лешак, возле меня очутился, и тотчас исчез, но хорошо запомнилось, что это именно чёртик, со сморщенной мордочкой и востренькими глазками, головка – с небольшой горшочек, шёрстка на плечах серенькая, а на груди – с черна, росточком мне под лопатку, хотя он находился в какой-то кривой побежке или броске в мою сторону, широко расставив ножки... По тому, что удалось углядеть, рожица ни на что не похожа, не описать, как ни старайся, да только к чему этому существу пригожее изображение, не в собор же к обедне ходить! Рыло, прямо сказать, отвратное, никак у животных, только что им

хрен копать, словом, и по рылу знать, что не простых свиной. На то чёрту, видимо, рыло и дано, чтобы оно было: одним рылом он и глядит!

Всякая харя сама себя хвалит, чёртику она, по всему видать, сподручна... Живёт, не умываючись, и в ус не дует: по твари и харя. Но в чём-то и милыми показались ужимки этого маленького, мельком показавшегося мне существа: лохматого, серого, будто одетого в грязное тряпье, схожего то ли, действительно, с чёртом, то ли с загадочной большой птицей, что взмахнула рваными крыльями – и исчезла.

И ещё ясно запечатлелось: существо это может поразить восприятие своим невиданным обликом, но, как ни странно, у меня оно не вызвало особого страха, скорее, я даже не осознал поначалу – что происходит. Не лихорадочное ли то было видение, вызванное бессонной ночью и долгой ходьбой к току накануне? Но нет, то была, действительно, скрюченная фигурка и дикая мордочка невиданного существа, явившаяся мне в рассветный апрельский час...

Это удивительно, но я потом не особо и вспоминал появление этого чёртика, как будто оно было обычным делом при нахождении в глухом лесу, в пятнадцати километрах от деревни, и отнёсся к нему довольно спокойно... Слишком плотно я был связан в те годы с ОТЦОМ-ЛЕСОМ, воспринимая его как нечто родное... И вот, что ещё интересно: лишь позже, через несколько лет, узнал я, по утверждению одного деревенского колдуна, что лешему и даётся-то всего лишь одна минута в сутки, когда он может сманить человека с его пути... В моём случае эта возможность у чёртика в то утро, по всему видать, миновала, может он ей и не вздумал воспользоваться, а то бы увлёк за собой в свои потаённые чертоги: где бы меня потом искать? Господня ли то была страсть, если хоть на миг себе всё это представить?!

Выходит, не поддался я в тот раз колдовским чарам лесного существа, спокойно выдюжил, и в полной мере наслаждался чудесной глухариной песней, что возвестила приход не менее чудесной весны...

Принял ли меня чёртушка или сильно озадачился моим появлением ночью, на глухарином току, неизвестно... Я лишь на миг почувствовал и заметил краем глаза необыкновенное лесное существо, что, к слову заметить, не проявило ко мне какого-либо недовольства... Обозначило себя на мгновение, заглянуло в душу и пропало, будто его и не было, я даже испугаться не успел, но после него осталось ощущение присутствия того, совершенно неизведанного мира каких-то сказочных существ, что не будоражит и не пугает воображение, а наоборот, тихо его успокаивает...

Кто-то могущественный, с невообразимыми для человека возможностями, будто нравоучительно, но ненавязчиво наставил: мол, ходишь по ночам моими владениями, смотри – остерегайся, но и то правда, подумал я, что именно после таких встреч в лесу в тебе постепенно воцаряется спокойная уверенность... Встреча с лесным обитателем, даже неведомым, неописуемо чудесное благо, с ней несравнимо обыкновенное любование чудесной природой, ибо встречаясь с незнакомой тебе сущностью, ты будто заглядываешь в увлекательную жизненную бесконечность, полную таинственных чудес, и она тебе вдруг в какой-то миг приоткрывается... Сердце замирает от изумительного оцепенения, когда перед тобой возникает то, о чём ты не мог и помыслить, а оно, оказывается, существует...

Длительное время бродя по лесам, ты к нему постепенно приближался, не подозревая, что оно давно уже ожидало тебя, встрече этой суждено было состояться, иначе зачем ты был с детства предан лесной чаще, закладывая ей свою душу? Встреча в лесу с неведомыми силами удивительным образом подкрашивает жизнь, но каков путь, такова и встреча. Встреча с неизведанным для меня всегда необыкновенно радостна, это – возможность и себя проявить по-особенному, как можешь только ты.

Было бы дело худо, если бы не твоё доброе отношение к встрече, хотя это и был чёртик! Если его честно величать, так и на пороге встречать, и коли ты неведомую силу приветил, она для тебя уже не чужая. В городе с колокольным звоном встречают, а в лесу с чутким отношением, что отворяет волшебную дверцу к тому, на что многие и не надеются. Ты и чёртик, вроде бы, ходили разными путями, но вот, однажды столкнулись, и жизни наши, наверняка, изменились: не знаю, как чёртик, но я стал ещё более чутким, даже – добрее...

Чужое, оказалось, может стать близким, когда в тебе нет злого умысла, а только необыкновенная тяга к знаниям, ибо они сильнее любой веры. Но отчего так происходит? Вроде бы, неведомая лесная сила и глядит чужими глазами, и слушает чужими ушами, и ум у неё чужой, неизвестный, но тянемся мы друг к другу, и глядя на чужую жизнь этого существа, понимаешь, что она чем-то тебя привлекает, порой даже – исцеляя...

Чужая сторона, говорили в народе, прибавит ума, хоть в неё, как и в чужую дуду, не наиграешься. Неведомые силы почему-то не оставляют тебя без внимания, даже порой проявляют пристальный интерес, да только не переступив в своих лесных исканиях какую-то важную черту, попав за которую, можешь и не возвратиться, тайну лесную не познаешь, и тут уж сам

выбирай: на что тебе стоит решаться, а чего следует избегать! Всё зависит от твоего настроя на жизнь, от твоей способности быть или не быть отважным.

Сомнения и колебания присутствуют в нашей жизни всегда, главное, накопить в себе силы отважиться на поступок, быть к этому готовым, и когда ты отправляешься ночью на глухариный ток, один, без ружья, только за тем, чтобы полюбоваться песней древней птицы, попытавшись проникнуть в её тайну, это, несомненно, подвижническое устремление... Отвага – свойство, присущее именно искателю, независимо – исследуешь ты море или лес, и ты просто обязан быть твёрдым в поступках, когда отправляешься в ночной лес... Иначе, тебе не совладать с восприятием открывшейся действительности, которая может оказаться, мягко скажем, нелицеприятной, просто – ужасной, и этот ужас способен поработить тебя, но разве такого исхода событий ты добивался? Пуститься смело в дальний путь, не робея, суждено только тому, кто готов к этому, и значит, его отвага не только мёд пьёт, но и кандалы трёт.

А ужас, скорее всего, порождён ожиданием того, что может случиться, когда ещё на самом деле ничего не произошло. Человек просто накручивает себя воображаемыми ужасами, впадая в обезоруживающий трепет: чего тогда от него ждать? Одна мысль его о том, что может произойти – леденит душу, и это – ужасающее преступление против себя. Не содрогаться должна она при столкновении с неизведанным, а быть очарованной открывшейся ему многогранностью и глубиной мира!

Страх, боязнь, робость, сильное опасение и тревожное состояние души – не её удел, она не должна слепо бродить на тараканьих ножках, ибо устремлена к полёту, с самого рождения, и соль жизни заключена в том, что на всякую беду страха не напасёшься, но и то правда, что в ком есть страх, в том есть и Бог. Страх только перебороть в себе надобно, он – естественное состояние человека, чтобы тот смог подготовиться к пограничной ситуации, порой и вовсе ошарашивающей, и тебе необходимо верно отнестись к тому, что, несомненно, уже вошло в твою жизнь, всё это лишь следует принять, и оттого, как ты будешь честен по отношению и к себе, и к окружающему тебя миру, зависит твой собственный рост в понимании Существования: страху в глаза гляди, но не смигни! Принятие всего, что есть в мире, совершенно обычное действие, определяемое существующими законами природы, и если человек чего-либо не понимает или не знает, это не означает, что этого нет. Сама сущность природы подразумевает нескончаемое её многообразие, ещё довольно непознанного и даже непознаваемого, но это не означает её неприятие.

Страшно тебе идти в ночной лес не от того, что там обитают неведомые существа, а потому, как ты о них ничего не ведаешь. Соверши им шаг навстречу, с искренним желанием познакомиться, настрой себя именно на стремление понять этот неведомый мир, и ты будешь поражён пришедшим в твою жизнь изменениям. Не забывай, что и жить страшней, чем умереть, ежели, как раз, не пытаться узнавать существование как можно глубже...

Что такое страх – ни звери, ни птицы, ни человек постичь не в силах, они лишь могут собраться с духом благодаря предупреждению, заложенному в их организм природой, чтобы молниеносно сконцентрироваться в какой-то момент, требующий от тебя быть предельно внимательным и бесстрашным... Бояться, значит, жить, без всякой хитрости обладая способностью слиться с устрашающим тебя явлением, сделав его своим, и тем самым, войдя в него, преодолеть боязнь. Чувство страха дано человеку для того, чтобы его преодолевать, не подчиняясь ему, и может быть, лесные существа за тем и существуют, чтобы, встречая их в лесу, становиться смелее, быть более чутким и восприимчивым к окружающей тебя, непривычной среде, и дальше жить без страха.

Мне никогда не приходилось с какими-то особыми усилиями избавляться от страха наедине с самим собой, это всегда происходило спонтанно, когда ты в единое мгновение бросал себя в разрешение того, что мешало двигаться дальше, будто чуя, что иначе поступить просто невозможно, и это всегда срабатывало... То есть, я угадывал своё поведение и в море, и в лесу, и никогда не испытывал затруднений в принятии решения. Оно, по большей части, само просилось к немедленному осуществлению, и мне только оставалось произвести шаг...

Как-то незаметно, через все эти шаги, я быстро догадался, что мне нечего бояться ни себя, ни ночного леса, ни шторма или морской глубины, ни одиночества, ибо всегда я смогу остаться собой, приняв единственно верное решение, я даже получаю от этого удовольствие, как бы тяжело мне не было, и главное, я чувствую при этом, что меня кто-то поддерживает... Такая уверенность никогда не покидала меня, даже в детстве, и я чувствовал себя счастливым от того, что благодаря своим простым, в общем-то, усилиям выхожу в огромный мир.

Дать себе жизнь – это именно справиться с тем, что стоит на пути твоего познания мира и лишает свободы его верного восприятия. Хозяином твоего поведения в лесу, как и в жизни, должен стать подвиг, а он не предполагает робость и испуг. Только – движение вперёд, стремление узнать как можно больше, чтобы идти как можно дальше, в глубину, где очень трудно, но страшно интересно.

Жить не со страхом, а с любовью ко всему живому, всегда было моей мечтой, и если выдержишь этот путь, чаша твоей жизни наполнится великой радостью и благом. За то, чтобы познать тайну жизни, нужно платить, и цена ей – твоя решимость, отвага, терпение и воля. С этой решимостью и любовью отправляюсь я каждый раз в лес, и всегда он дарит мне радость, тем более, в общении с неведомыми существами, к которым я уже, честно признаюсь, даже привязался, и не представляю без них нашего чудесного русского леса. Так я понимаю своё большое счастье, и не мыслю жизни без таинственной лесной чащи.

В нашем народе всегда очень просто относились к самым мудрёным вещам: не страшись, да не хвались – вот тебе и всё научение на добрую жизнь. Не стоит испытывать чувство страха даже перед Господом, коли живёшь по его божественным законам. Все няньки страшат детей чертовщиной, а я бы миловал их рассказами об истинной глубине этой сказочной жизни, до которой большой охотник!

- Судя по тому, как часто ты сталкивался с неизведанным, что явно не просто так появлялось в твоих отношениях с лесом, тебя ещё ждут разного рода откровения, - сказал мне при встрече Учитель. – Вполне возможно, ты вскоре увидишь воочию все существа, обитающие под пологом леса, и это будет означать, что они тебя приняли, ты сам готов к восприятию знаний на более высоком уровне, чтобы использовать их во имя постижения мира, а не на личную корыстную потребу. Знания не даются большинству людей потому, что они не готовы к ним, и скорее будут применять их для обогащения, не думая о внутреннем росте.

- Выходит, главная беда человека – эгоистический тип сознания?

- Когда мы говорим об уровне сознания, это есть ничто иное, как определённая степень нашей личной связи с Бытием. Важно её в себе осознать.

- А можно это осознание глубинной связи со всем Сущим принять как естественную и единственно необходимую сопричастность Ему?!

- Жизнь мучительна только тогда, когда человек цепляется за неё, боясь смерти, не достигая того понимания, которого оказывается достаточно для осознанного бессмертия. Имей ввиду: все проявленные формы, пусть даже не всегда видимые, существуют только для того, чтобы было осознано не проявленное, а значит, мы все созданы не случайно, мы нужны Богу, чтобы Он осуществил Свой Замысел, и я даже не задумываюсь – в чём его суть!

Знаю только, что интересно и достойно принять эту божественную игру, пока ты жив.

- Именно – сострадая всем живым существам, в том числе, и лесным?

- Разумеется. Человек от этого станет только ещё сильнее, и ему будет подвластно всё!

Мой чёртушка, думал я, наверное, ещё не разобрался до конца во мне, хотя я на этом току бывал уже не одну весну, и он должен был меня видеть... Кажется, ему даже не пришло на ум напугать меня в этот раз, он просто постарался оказаться поближе ко мне, желая почувствовать моё настроение и угадать – чем я живу, и, по-видимому, ничего худого не ощутил. Да и что не так могло присутствовать в моей душе, если я был искренне предан ОТЦУ-ЛЕСУ, был влюблён в его чудеса? Чёртушка, конечно, объявит всем другим лесным существам о присутствии в его владениях странного человека, что, вроде бы, и не охотится, ружья при нём нет, а зачем в лесу объявился, тем более, ночью, неизвестно...

Чтобы от меня как-то откупиться, не усматривая в моих действиях зла для лесного мира, он великодушно дозволил мне в это утро поллюбоваться на игру древних мошников, может быть, и в следующий раз окажется благосклонен, но как поведёт себя дальше – неведомо. Ведь с чёртом без толку тягаться, и лучше будет задобрить его каким-либо приношением – шанежкой и блинком, оставив их на пеньке или подвесив на еловый сук, а лучше всего вообще какое-то время не появляться в лесу, давая этому неведомому существу успокоиться... Так, осторожно и вдумчиво, слагаются взаимоотношения человека с ОТЦОМ-ЛЕСОМ, но и то верно: чего Бог не даст, того никто не возьмёт.

А вот разговоры о чертях с людьми бесполезны, во имя твоего же блага... Как бы люди не были любопытны и охочи до сказок, но всё равно убеждают себя и других, что чертей никаких нет. Я же ни с кем не спорю, и только жду от леса очередных чудес...

ЗАГАДОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Тайная жизнь ночного леса... Что творится в нём в эту пору, зимой, знают лишь дикие звери, да яркие звёзды...

Потаённо молчит над головой тёмное небо, жарко светит жёлтый месяц, и немой простор выстужено звенит в ушах... Морозный воздух то ли околдовывает замершей пустотой, то ли обескураживает: нет предела его всепроникающему воздействию...

В народе существует поверье, что звёзды в зимнюю пору Божьим повелением к ягодам горят, которых вдоволь должно уродиться... То-то загуляет в лесах народ, да возрадуется! А пока тихо в лесу, отрешённо, кажется, не добраться через долгую зиму до божьей милости, но я люблю зимой остановиться в какой-нибудь укромной лесной избушке... Когда над её крышей сияет холодный месяц, на душе становится хорошо и покойно, а простодушная жизнь леса начинает казаться волшебной...

Радостно переживать в такой избушке случившуюся было непогоду, когда обезумевший ветер сплетает снежные космы и с остервенением бросает их в маленькое оконце, мучительно стонет, гудит. Колючие снежинки без удержу шаркают о дверь избушки, а под столом, в углу, попискивают в темноте мыши. Неуловимыми тенями они тихонечко проскальзывают под стеной, играют хлебными катышами, создают уют... Наверное, мыши радуются присутствию человека, и вьюга за окном не представляется им такой устрашающей. Пламя свечи изредка вздрагивает в мутноватом стекле, сладко потрескивают в печке дровишки, и сердце ровно бьётся в груди для дальнейшей доброй жизни.

Хорошо просыпаться в лесной избушке задолго до восхода, встречая зимний рассвет лишь при слабом отсвете разгорающейся печки. За окном в такой час стоит совершенная тишина. Воздух мягок, душист, и запоздавшие снежинки изредка вспыхивают в нём мягкими блёстками...

Выйдя на порог и насладившись искрящимися снегами и струящимся от них ароматом, возвращаешься в теплоту избы наполненный предощущением истаивающего звёздного света. Но долго ещё нельзя заметить какой-либо перемены. Лишь печь украдкой потрескивает в тишине, и больше, кажется, нет звуков на всём белом свете.

Звёздную музыку сокровенной зимней тишины можно угадывать лишь сердцем, не облекая её в нечто материальное, иначе воображение возобладает над божественным. Просто находиться в окружении лесной тишины, впитывая её всем своим внутренним существом, есть принятие окружающей тебя жизни, и значит, в итоге, понимание её. Мне нравится переживать нахождение в дремучем лесу, когда после дня ходьбы можно остановиться в уютной избушке, затопить печь, вскипятить на ней чайник, и вслушиваться в тишину, уносящую в необозримые лесные дали...

Мерное потрескивание дров в печи тоже музыкально, как и музыкален ветер, ровно задувающий над притаившейся в лесу избой... Тихое пристанище в укромной лесной тиши рождает в сердце удивительную безмятежность, так что не хочется ни о чём думать, кроме того, что окружает... Еле слышно попискивает где-то невидимая птица, неспешно

загорается короткий зимний день, и на душе воцаряется удивительный покой, а в избушке возникает уют...

Великое благо забраться в такую пору в глухое зимовье, ощущая в сердце тихое счастье, и ты его с удовольствием переживаешь, мысленно изъявляя благодарность ОТЦУ-ЛЕСУ, и в благодати этой тихонечко забываешься, преисполненный любовью ко всему, чем ты сейчас обладаешь...

Но вот, воздух словно сдвинулся, и окно заалело с востока. Затем неожиданно обозначился рукомойник, полотенца на нём, а вскоре и печка, чью белизну ещё недавно нельзя было различить. Всё как будто ожило, стало неторопливо занимать свои места, и тотчас улетучилась тайна, ради которой с замиранием духа сидел ты в одиночестве посреди этих забытых всеми снегов и невменяемого леса.

Я люблю эти утренние часы, проводя их в заснеженном лесном зимовье, когда есть только ты и тишина. Это, наверное, самое приятное, если ты любишь одиночество и лес, и ещё возможность постигать окружающую тебя лесную жизнь, забывая в ней обо всём. В зимнем лесу ты непроизвольно ищешь тайну, и она всегда застигает тебя врасплох, сколько бы ты за ней не гонялся.

С такой тайной было связано самое необъяснимое, что случилось со мной когда-либо в лесу: какая-то сила однажды унесла меня в пустоту, вопреки моей воле, и я никак не мог избавиться от охватившего забвения, когда поначалу всё, вроде бы, было таким знакомым, а потом, в один неясный миг, померкло, и вновь возродилось, словно ничего не произошло, но очнулся я уже в другом месте... Эта тайна не давала мне покоя, и я не мог не поделиться ею со своим Учителем...

- Пару лет назад со мной приключилась история, связанная ... с переносом в пространстве, в ночном лесу, но я отнёсся к ней на удивление спокойно, меня даже, помнится, это ничуть не напугало...

- Вот это очень интересно.

- Было только немного не по себе, наверное, из-за того, что я не в силах был случившееся со мной объяснить. И в тоже время, пробудилось осознание: не всё в лесу выглядит таким, как мы его воспринимаем...

- Поясни...

- Кажется, пусто в ночном лесу, даже – безжизненно... Но пустота обладает собственной музыкой, и уединение в лесу, ночью, тоже наполнено своими звуками и смыслом. Для того, чтобы это понять, нужно просто оказаться ночью в лесу, растворившись в его сокровенной тишине во всём, что там присутствует. Никакие рассказы знатоков об этом, даже самые

правдоподобные, ничему не научат: следует всё, непременно, пережить самому...

- Да... Только тогда, наверное, и объявляет себя неизведанное...

- Конечно, происходит всё далеко не сразу, на это уходит немало лет, но если ты однажды не придёшь в ночной лес один, без ружья и с чистыми помыслами, никакие тайны тебе не откроются.

- Такое нахождение в лесу должно быть, конечно, осознанным, иначе и быть не может, если ты двигаешься к знаниям. Не к вере, что нечто неведомое в лесной чаще существует, а именно к знаниям, обретённым благодаря собственному опыту. Вернее, к реальности, каковой она на деле является, и ты в ней – наблюдатель, оставивший всякое воображение, и надеющийся только на собственную отвагу, терпение и любознательность.

- Я это уже давно понял, чем и живу.

- Была зима?

- Скорее, предзимье... Стоял ноябрь, но снег уже выпал, по нему можно было ходить ещё без лыж. Приехал я в деревню на последней электричке затемно, так получилось, и сразу зашёл к знакомому пасечнику, чтобы забрать у него ключ от пасеки, а потом, не задерживаясь, отправился в дорогу, потому как путь был не близкий: километров восемь-десять, да ещё по темноте. Правда, благодаря выпавшему накануне снегу, видимость была хорошая, и на душе постепенно становилось покойно. Дорогу я знал, как свои пять пальцев, ходил по ней в разное время года уже много лет, и мог бы пройти, наверное, даже с закрытыми глазами.

- Безо всякой боязни, по совести?

- Худой жизни надо бояться, и мне было нестрашно, а даже радостно войти в заснеженный дремучий лес, так что я не чувствовал себя в нём беспомощным и одиноким. Километров пять нужно было идти по дороге, соединяющей две деревни, а потом – сворачивать на просеку, вскоре выводящую на поля, обычно засеваемые летом гречей и овсом... Оттуда было рукой подать до пасеки, стоило только спуститься в долину реки, где и располагался хуторок, огороженный забором, само же место издавна называлось Ветляны...

Мой знакомый пасечник с женой держали здесь колхозную пасеку в 250-300 ульев, располагая в своём хозяйстве избой-медогонкой, старым омшаником, хлевом для скота и банькой... В самом нижнем углу этого уютного лесного городка, ближе к реке, приютился небольшой домик, в котором и обитали его хозяева с мая по август, в остальное же время им пользовались местные рыболовы и охотники. Именно в этот домик я и направлялся.

- С какой целью?

- В те времена я ещё охотился, даже промышлял зверёе капканами, но позже отказался от ружья... Времени было около 12 ночи, когда я повернул на просеку. Тревоги никакой не чувствовалось: знал, что скоро приду в любимую и давно знакомую избушку, затоплю печь, поставлю чайник... И тут вдруг что-то произошло, я будто потерялся и уже не понимал – что делаю.

- Заплутал?

- Да нет, место было хорошо мне известно, а обернулось совсем незнакомым...

Тяжёлое, низкое небо, казалось, навалилось на лес, и он в мгновение стал каким-то неприступным. Не сразу я разобрал: что именно тяготит в нём? Словно, что-то чужеродное и необъяснимое коснулось меня своим невидимым крылом. Это неведомое как будто ничего не имело против моего присутствия здесь, сейчас, и только исподволь наблюдало... Но чем дальше я углублялся в неизведанный для меня лес, тем сильнее воздействовала эта неведомая сила...

- Ты совсем не осознавал, что происходит с тобой?

- Какое-то дикое беспамятство овладело мной, а потом и вовсе всё исчезло, так что я даже не мог пошевелить пальцем, скованный распространившимся по всему телу холодом. Нечто неживое незаметно вытекло из надвигающейся ночи и безобразно заглянуло в душу: в следующий миг показалось, будто и сам вот-вот окажешься на дне какого-то застылого, пустого безумия. Именно это невыразимое безвременье и перенесло меня в пространстве, в забвении ноябрьской ночи, когда всё вокруг померкло, и очнулся я уже совсем в другом месте...

- Не пьян ли ты был случаем?

- Разве ж потащился бы я в подобном состоянии, на ночь глядя, в лес, да ещё в такую даль?!

- Да уж...

- Так носило меня несколько часов кряду, неведомо где...Тоже стоял вокруг ночной лес, мерцал между стволами елей какой-то нереальный приглушённый свет, и присутствовало странное равнодушие ко всему. Я только понимал где-то в глубине сознания, что нужно дойти до избы, где бывал не один раз, и, конечно, не мог забыть дороги, тем более, потерять её...

А теперь, несмотря на многочасовое блуждание, вернее, еле осязуемое скольжение в пространстве, ничего не чувствовал. Лишь отупело продирался сквозь мятежную темноту, навстречу неизведанному, и ни о чём не думал. Я

не узнавал ничего, но почему-то привык к этому состоянию, и оно не очень волновало.

Нет, пожалуй, на самом деле всё было гораздо сложнее. Я словно вращался в какую-то независимую от себя неизбежность, ожидая неизвестно чего... Но по своей ли воле?! А душа куда-то всё-таки рвалась, сквозь всё это непонятное, неуправляемое, желая избавления и света...

- И ничего не помнишь?

- Уже под утро, в роящихся сумерках, выбрался я на широкую газотрассу и поразился открывшемуся: невозможно было очутиться здесь, не миновав её ранее с другой стороны... Сознание никак не могло допустить, что какая-то сила способна на подобное! Как вообще могло случиться, что за восемь часов блуждания по лесу я ни разу не посмотрел на часы, не удивился этой своей замкнутой отрешённости?! Кругом воцарилась пустота затаившегося молчания, какая-то утомлённая одичалость, полное забвение себя в заснеженных лесах...

- Восемь часов?!

- Только когда увидел прямо перед собой глубокий наброд недавно прошедшей волчьей стаи, немножко пришёл в себя, распознав, наконец, давно знакомое Саввино поле... Тогда и достал из внутреннего кармана маленький походный будильник, что всегда носил с собой, чтобы не заснуть у костра перед тем, как выходить на глухариный ток... Так, по привычке, и держал его при себе...

Лес к тому времени уже не был мёртв, и понял я это как нечто бесповоротное, подобно пережитой за ночь тайне, что случилась со мной в самом начале зимы... До пасаки я дошёл быстро, с самым рассветом, и на удивление легко растопил печь. Поленья взялись мгновенно, и сразу пошло тепло, от которого разморило, и я тотчас уснул. А проснулся, что ещё более странно, буквально через час, даже сначала не поверил, глянув на будильник, но чувствовал себя бодрым, совершенно отдохнувшим... Что это было?!

- А ты возвращался потом в то место, где, как говоришь, «потерял» себя?

- Очутившись в городе, обратился по совету знакомой к одной бабушке, её называли «икоткой», и рассказал о приключившемся со мной в лесу. Бабушка поколдовала за печкой, жила она в сельской местности, и потом говорит: «Год в лес носу не кажи!» Кое-что добавила, но это уже к лесу не относилось...

- Так ты был в том месте или нет?

- К этому и веду... Прошла ровно неделя с того случая, стоял уже самый конец ноября, и ни разу за эти семь дней не шёл снег, вот я и подумал: а что, если проверить то место, где я потерялся?!

- И?!

- Отправился на следующий же день, прямо с первой электричкой, и часов в 11 был на той самой просеке... Утро выдалось пасмурным, посыпал мелкий снежок, но я успел-таки добраться до следов, шёл прямо по ним, и вдруг в какой-то момент обнаружил, что они отсутствуют... Чуть вернулся и просмотрел ещё более тщательно: следы как бы истаявали, бросались то в одну сторону, то в другую, потом – вовсе смазались... Всё сошло на нет. Стоял, помнится, чуть заторможенный, снег уже повалил крупными хлопьями, будто желая скрыть всякую память о приключившемся, но на душе было покойно. Так как всё это можно объяснить?!

- Вероятно, тебя этим переносом в пространстве и времени лесные сущности просто, в очередной раз, проверяли.

- В каком смысле?

- Что ты из себя представляешь, как относишься к лесу... Ведь сущностей этих очень много.

- И что же?

- От их видения зависело дальнейшее отношение к тебе. Тебя изучали не торопясь, и ты, вероятно, уже давно находился под их пристальным вниманием, скорее всего, постоянно. Проверяли твою энергию, знания, намерение относительно лесных обитателей... Возможно, всем этим руководили духи местности, желая составить о тебе мнение: опасен ли ты, либоходишь в лесную чащу с приветствием, а выходишь – с благодарностью...

- Думаете, я этим сущностям не понравился, раз они так безжалостно таскали меня по лесу всю ночь?

- Трудно сказать... Может быть, они как раз пытались определить: выдержишь ли ты всё это напряжение без осложнений для психики, не озлобишься на лесные силы...

- А что будет, когда эти существа меня примут, поверят, что я не несу лесу зла?

- Если ты не разуверишься в самой природе бытия, предполагающей нахождение в себе некоей неведомой силы, лесные духи тоже отметят тебя, вполне возможно, даже восприняв своим...

- Значит, сущности не несут в себе агрессии, и призваны охранять лес и его обитателей?

- Да, и они начнут помогать тебе, наделяя природной энергией и знанием, и тогда тебе нечего страшиться... Ты, вообще, испытывал при всём этом переносе страх?

- Не равнодушному к жизни человеку в лесу нечего бояться... Чисто, и как бы даже свято становится в нём, особенно – зимой... До самой весны чистота эта пронизывает лесное пространство и никуда не уходит...

- В тебе всегда присутствовало подобное восприятие леса?

- Ещё с детства полюбил я проникнутый сусальным огнём зимы лес... В такие минуты точно что-то живое входит в тебя, наполняя неуловимым ароматом от того, что происходит в эту пору в природе, когда лес, кажется, преображается... Всё это ненавязчиво напоминает всеохватывающее чувство первозданности мира, не тронутую чистоту...

Но страшно бывает в суровую зиму войти в дремучий лес, и отчего-то позабыться в нём, почувствовать вдруг пустоту: таким беспомощным тогда начинаешь воспринимать себя в нём...

- Что ты ощущал при этом?

- Холодный северный ветер носится где-то в заснеженных верхушках, но нет желания замечать его. Об этом даже не помышляешь, так же, как не замечаешь и тяжёлого, низкого неба, навалившегося на всю округу... Не сразу разберёшь, что именно пугает в лесу, во всём окружающем пространстве... Словно что-то чужеродное и необъяснимое касается тебя своим невидимым крылом. Оно как будто ничего не имеет против твоего присутствия здесь, и только исподволь наблюдает...

- А видения были?

- Не знаю... Ощущаешь для себя всё достаточно ясно, но неведомое не перестаёт тревожить. Чем дальше удаляешься в глубь леса, тем сильнее воздействует оно на тебя.

- И невозможно взять себя в руки?

- Какое-то беспмятство овладевает тобой, и ты будто попадаешь в иной мир, где живёт какой-то давно забытый и страшный смысл. Сквозь тяжесть его восприятия не пропадает ощущение чьего-то дурного глаза, наслаждающегося твоей растерянностью, ты мучаешься от этого...

- Как же ты с этим состоянием справился?!

- Не знаю... Стылый ветер, кажется, начисто выстужает душу. Мощно и глубинно гудит, как когда-то, во тьме веков, не забирает тебя с собой, но и не ослабевает, разрастается, окружив со всех сторон, так что ты становишься ничейным и ненужным... А потом всё исчезает, кроме этого жуткого ветра, и ты не можешь пошевелить даже пальцем, скованный распространившимся повсюду холодом и страхом, как будто кто-то неживой безобразно заглядывает тебе в душу, а ты, затаившись, стоишь, прижимаясь спиной к шероховатому еловому стволу, и ждёшь чего-то важного, что вот-вот должно всплыть со дна этого застылого безумия, но почему-то не появляется...

- Во всех, приключившихся с тобою случаях, неведомая лесная сила проявляла себя опосредованно, не напрямую, и выходит, что ты так ни разу никого из её представителей и не видел?

- Да нет... Существо на глухарином току, полевой дух и суседушка в лесной избушке всё-таки объявляли себя...

- Ну, об этом мы ещё поговорим... А вот что принесла тебе эта тайна, связанная с переносом в пространстве?

- Несмотря на забвение, что охватило меня тогда, оно будто излечило от чего-то ненужного, что мешало. Я не ощущал в себе никаких изменений к худшему. Наоборот, восприятие стало более ясным, осознанным, и захотелось ещё больше узнавать о лесе, раскрывая его тайны...

- Но страху ты натерпелся!

- Это было именно забытьё, какое-то безликое, но не пустое, тайна, скрывающая то, чего ты не в силах пока понять, и вот это непонимание происходящего и обезоруживало...

- Кто чего не знает, то для него тайна... И как согласовать свободу своей воли с провидением, тоже сразу не угадать... Но и то верно, что без тайны не будет движения к знаниям.

- И всякая тайна въяве будет?

- Иное тайное дело только Богу ведомо, но сердце без тайны – пустая грамота.

- Так и в лесу: ночью – темь, хоть глаз выткни, а рысь да волк видят.

- А ещё в теми ночной тати бродят?

Учитель улыбнулся, лукаво поглядывая на меня. Мне ничего не оставалось, как рассмеяться.

- Какая только молва не водится меж людей об этой нечистой силе: не попадайся ей, будто бы, под тёмный час! – не прекращая улыбаться, увещевает Учитель. – В лесу она так трещит, как и медведь не ломится, людьми, словно вениками трясёт, а на распутьях дорог, по тем же тёмным сказаниям, оборачивается в калику переходную – смиренного странника, даже в убожестве своём, якобы, богоугодного и праведного, и всё же, постоянно нищенствующего, на кого никто не обращает внимания... Ходит-бродит неведомая немочь своими кривыми дорожками, замышляя притворные коварства, и если по её умыслу не мудрить, так черти непременно задавят, вот она и кривляется, передразнивая кого не лень: всё истинное могущество в жизни, мол, от неё, и человеку не под силу с ней тягаться... Ворочает эта нежить, ровно леший в своём болоте, ничем его там не утолчёшь: знай, мутит и хитрит, замышляя своё коварное притворство!

- Но ведь и то, правда, что Богу не угодно, то и не сильно?

- Верно, но речь идёт не про водяных, леших и кикимор, что будто бы без устали изводят своими выкрутасами православный народ, а о сущностях, суть которых никому толком неизвестна... В народе их прозвали, как умели, на свой простой и понятный всякому лад, на деле же существа эти – не одни и те же, и не сами по себе, а очень многолики в собственной своеобразности, ниспосланной им провидением, что было, вполне возможно, не совсем к ним справедливо, и ведут они себя далеко не так уж однобоко, сея лишь худое и подлое, как об этом бытуют разного рода народные предания...

- Так же своеобразно, как и их обличье?

- Что не есть ещё порок, и не всё то чернит, что чёрно, а главная их примета в том, что они пытаются установить с нами связь, но в народе их всегда воспринимали как зло, наводящее на людей страх...

- По причине того же злополучного невнимания и к себе, и к окружающему миру?

- Сущностям этим, как я убедился из своего опыта, присуща как раз некая околдовывающая нас растерянность, что для большинства людей представляется несуразным поведением. Они склонны усматривать в ней именно беспутное существование диких существ, что водятся в каких-то запропащих местах... Им хочется думать, что все эти «лешие» и «водяные» действительно жуткие твари, но на деле люди лишены какой-либо любознательности, и потому истинные знания для них недоступны.

- И ещё, наверное, в них отсутствует отвага... Ведь без неё не обойтись в познании истины?

- Существа эти очень чутки, они со своим чутьём по лесу ходят, и оно их не обманывает, любую нужду слышит. Мне не раз, как я уже говорил, приходилось встречаться с ними, и они никогда не вызывали во мне какого-либо отторжения... Я понимал, что они в своём существовании во многом ограничены, хотя и наделены некими способностями...

- Я переживаю в душе нечто подобное в отношении этой неведомой силы...

- Многое людьми придумано по причине нежелания разбираться в этой неведомой силе, и все приметы с вековыми поверьями – явное тому подтверждение... Люди не понимают лесные существа, наделяя их тем, чего они на деле собой не являют. Ведь сказки-то слушать всегда было сподручнее, чем бывальщину, а она иной раз куда более сказочной бывает, да и беда, как известно, не по лесу ходит, а по людям. Надеюсь, ты во всю эту немочь куролапу не веришь?

- Не сразу, конечно, но постепенно я убедился в том, что глубинная связь с лесом, с этими самыми лесными духами, у меня всё-таки существует,

только воспринимаю я их тоже по-иному, как силу, хоть и неведомую, но не проявляющую какого-либо злобного воздействия...

- Силён, говорят, чёрт, да воли в нём нет...

- Даже этот перенос прошёл для меня безболезненно, без всяких последствий, после него я, действительно, почувствовал себя посвежевшим, будто заново родился... Подумаешь – горе, а раздумаешь – власть Господня!

- Не зря говорят: добрый путь Бог правит, и если на этом свете не устанешь, так на том не отдохнёшь...

И верно, подумалось мне, всё в моей душе после того случая уже осознанно противилось и усталости, и страху, и это отрешённое забытьё, казалось бы, в равнодушном ко мне лесу, в такую стылую отрешённую пору, уже не омрачало настроения и жизнь. Я чувствовал себя неустрашимым, подобно дикому зверю, неуловимым и свободным от каких-либо наваждений, как вольный ветер... И ещё я верил, что путь мой хоть и лежит нередко в таинственном мраке лесов, посреди бесконечно простирающегося снега, но это – моя радостная и неразделимая с русской зимой судьба, и я не мыслю её без нашего волшебного леса...

... Плавно нестись в ночном воздухе, будто ты – неведомая птица, без особых усилий, но с чуть заметною дрожью в душе, оказывается всё равно как возноситься в мечтах к самому сокровенному и в себе, и на небе: к Господу Богу нашему, Всемогущему Творцу!.. Жив Бог, жива и твоя душа...

ПИХТЫ

Дело в том, что я привык видеть в лесу только хорошее, и о существовании плохого в нём не помышляю... Даже если дело касается неведомых мне существ, наводящих на большинство людей отчаянный трепет, и вызывающих своим предполагаемым нахождением в лесной чаще, скорее, их отрицание, как чего-то недопустимого для жизни, чем веру в то, что они на самом деле существуют. Словом, я совершенно естественно воспринимаю пребывание какой-то неведомой силы в наших лесах, и отношусь к ней, как к чему-то неотделимому от природы, что является её неотъемлемой частью, а значит, необходимой, хотя и устроенной на свой, необъяснимый для человека лад... Раз природе надобно было произвести на свет всю эту загадочную армию леших, кикимор и водяных, отчего человеку бояться и не принять её, почитая только как за неведомую, но существующую силу?!

И вот, захочется человеку получше разузнать про эту некрещёную силу, заглянуть в самую глубинную лесную тайну, и разве отговоришь такого храбреца от его решительной задумки? «Охота пуще неволи» - это именно про такого искателя сказано, но в нашем случае – не за дичью, а ради познания дорогих сердцу лесных секретов, тех потаённых загадок, что хочется разгадывать постоянно, несмотря на любые лишения...

Если ты способен лицезреть тайну, ты достоин её. Милость Господня снизошла на тебя, потому что ты заслужил её. Моли Бога, что Он удостоил тебя Своего Внимания, но и не забывай про собственные усилия. Не соверши ты их – и не видать тебе Божьей Воли. Нужно обязательно выйти за рамки привычного, чтобы окунуться в истинный мир, приближенный к правде...

Идя в лес, желая познать его тайны, человеку следует быть готовым к встрече необычного изнутри, и если вы готовы – переживание чудесного непременно произойдёт. Вы должны обладать собственной ценностью, желающей ещё более постигать, и делаете то, что способны совершить именно вы, остальное предоставив на Божью Волю. Главное, желая, делать, решаясь на продвижение вперёд, и совершая решительные шаги, тем самым, подготавливая своё восприятие: когда вы будете готовы, чудо свершится, ваш внутренний цветок распустится, и солнце вашей радости открытий засияет... Если же чуда не происходит, вы просто не готовы его получить, и прежде, чем искать, необходимо подготовиться к верному восприятию жизни. Переживание чуда должно быть собственным, и его необходимо заслужить своими внутренними перевоплощениями.

Уж чего мне только, казалось бы, не довелось увидеть в лесу, обо всех чертах в округе я, вроде бы, разузнал, а вот этакой дьявольщины встречать ещё не приходилось... Так божье дело на свете устроено, на том вся жизнь наша стоит, что предполагает неиссякаемый интерес к своим загадкам, и ежели примениться к окружающей тебя природе с истинным интересом, в полной мере сохраняя доброе отношение к ней, то обязательно выйдет что-нибудь занимательное, ранее невиданное... Дано бывает тому, кто неутомим душой, но только на благо и лесу, и миру людей, иначе радость от встречи со счастьем не ухватить, обойдёт она тебя стороной, а вот меня не обошла... Правда, радость моя обозначила себя вперемешку с какой-то пугающей небывальщиной, но разве возможно внутреннее чувство удовольствия без возбуждающего переживания вкуса этой непередаваемо очаровывающей жизни, когда от радости можно и обезуметь? Как говорится, о чём душа радела, то Бог и дал!

К слову заметить, радость, рождающаяся в лесу, несравнима ни с чем, она – особенная, вероятно, сродни только тому, что мы переживали в

детстве, когда валялись у бабушки на сеновале, даже не задумываясь о том, что когда-то умрём, уйдём из этой прекрасной жизни навсегда, и нас, таких, какими мы сейчас себя видим, полными радости и надежд, больше уже никогда не будет... И вот, именно поэтому не задаёшься вопросом – для чего ты живёшь, ибо ответ очевиден: для этой самой радости, чтобы чувствовать, видеть и слышать... Не зря в народе повелась поговорка: два уха, два глаза, один рот, - отчего так? Только для того, чтобы именно слушать и наблюдать, всматриваясь во всякую мелочь, как в детстве, а говорить – меньше, воспринимая мир за чудесный сад, созданный Богом.

Но как же всем нам опять стать добрыми и радостными, вернувшись в эту замечательную и неповторимую пору? Наверное, для этого необходимо смолоду оставаться честными по отношению, в первую очередь, к самим себе, к своим мечтам, уже не отступая от такого настроения в течение всей жизни, и тогда возрадуется Господь.

Не знаю, возрадовался ли за меня Господь, когда я натолкнулся однажды на дюжину израненных пихт, но чего было не отнять от приключившегося со мной чуда, так это поразившей воображение необъяснимости произошедшего, причём, по-видимому, незадолго до моего появления: свисающие со стволов длинные ленты и разбросанные повсюду лохмотья коры источали крепкий аромат хвои и блестели на солнце, они ещё не успели высохнуть... Когда я их увидел, то в меня как будто вошло нечто неминуемое, что и привело, наверное, к этим деревьям...

Пихты, как пихты, стоят себе укромно на краю просеки, ничем от других, таких же деревьев, кажется, не отличаются, но ... совершенно голые, и лицезреть всё это было не просто... Не просто и нелегко думать о том, что некая неведомая сила взяла и проявила свою дикую сущность, а деревья никак не могли противостоять этому разрушительному натиску, покорно принимая происходящее с ними насилие... Отчего оно случилось, и именно с этими пихтами, для меня оставалось загадкой.

И вроде бы, в здешних местах, разлётшихся неподалёку от деревни, в каких-нибудь двух-трёх верстах, завсегда бывал люд, устраивая вырубку и покосы, обирая по логам лесную сладкую малину, а по укромным еловым просекам отыскивая крепкие боровики, да только не покидала уверенность, что никто ни до ни после меня не встречал ободранный от самых верхушек до комля пихтарник... Мало того, когда через год я отправился посмотреть – что же случилось с этими безжалостно израненными какой-то неведомой силой пихтами, то, к удивлению своему, не обнаружил их: и просека та же, что терялась в заросшей лабазником заболоченной низинке, и укромно притаившийся возле просеки ложок, отвод от большого лога, и замшелый

взгорочек, где и располагались задранные пихты, а самих деревьев нет... Ну, разве не наваждение?! Пихта, вообще, дерево, само по себе, тёмное...

Все деревья притягивают нас потому, что они сами как-то незаметно выросли и знают себе цену, но пихта из них, пожалуй, делает это наиболее загадочно, и тайна её не даёт покоя человеку. Кажется, что деревья в своём невидимом росте до сих пор ищут себя и никак не найдут. Именно поэтому, наверное, пихта образует между собой частые сообщества, перед которыми никто не может устоять. Любое из деревьев другой породы, попади оно под крону пихты, чахнет: тень пихты оказывается для него губительна...

В пихтовом лесу – как в потёмках, хоть свечу зажигай. Недаром пихтовые леса в народе именуется чернью. Но обладая какой-то скрытой в себе, тёмной силой, в остальном эта порода довольно беззащитна.

Без тесного соприкосновения со своими близкими родственниками, пихта страдает и выглядит довольно-таки сумрачным деревом. Может быть, поэтому она одевается в мохнатую шубу.

А ещё пихта не переносит прямого попадания солнечных лучей: кора её быстро подопревает и отваливается. К тому же, дерево не любит сильного мороза, отчего молодые деревца очень переживают и жмутся под покровительство более взрослых собратьев, но даже это их часто не спасает.

Удивительная особенность пихты - в сочетании её быстрой гибели с вечной молодостью. Никто никогда не видел пихтовые кладбища. Как только спелое дерево заваливается, на его месте тотчас поднимается густой молодняк. Так дерево всё время обновляется в себе, и делает это невидимо, будто таясь в лесу от других деревьев.

Словом, пихта кажется деревом нелюдимым, ведущим замкнутый образ жизни, и от него становится как-то зябко. Особенно в сумерках, когда другие деревья ещё излучают еле приметный свет. Зимой это бывает хорошо заметно, и хочется поскорее миновать уютный пихтарник.

В пихтовом лесу неизменно присутствуют мрачное спокойствие и тишина, и первое, на что обращаешь внимание среди замерших деревьев, это – строгость. Но не суровая, а вынужденная, кажется, даже осознанная, подобная монашескому образу жизни. Сомкнувшись, будто замерев настороже, пихты не дают проникнуть в свою обитель какому-нибудь лёгкому деревцу. Нелегко прижиться ему здесь и подняться среди них к свету.

Одиноко стоит пихтовый лес в своём мрачном обличье, но почувствовав его строгость, обычно тут же ощутишь и мягкость. Её рождает пушистость веток и гладкая кора с нежными вздутиями пузырьков, наполненных смолой. Дотронувшись рукой до ствола затаившегося в себе дерева, ощутишь такой

желвачок и осторожно надавишь на него пальцем: из-под мягкой коры выступит янтарный и чистый смоляной сгусток.

Тотчас пахнёт на тебя незабываемый аромат, и вспомнишь детство, в котором играл с этой смолою часами, самозабвенно запуская вдоль берега реки маленькие кораблики-палочки, намазанные ею с одного края. Как быстро бежали они по воде, отталкиваясь от её поверхности чудодейственным пихтовым бальзамом, и оставляли за собой переливающийся лазурный свет... Чей-то кораблик обязательно приходил первым, и если он был твой – ты боготворил дерево, подарившее тебе победу. Чаще всего это была именно пихта, а не сосна или ель.

Ты даже чувствовал, как пихта радуется за тебя, делая это по-своему молчаливо, неброско. Она словно мягко улыбалась про себя и готова была потрогать твои лицо и руки своими пушистыми ветвями. Ты чувствовал это и был благодарен ей. Пихта благосклонно принимала твоё торжество.

Вспоминая с детства полюбившееся тебе дерево, ты уже обращаешься к нему с другим лицом – уверенным и посветлевшим. Пихта же только приоткрывает свою маленькую тайну, и стоит такая же строгая, величавая. Может быть, чуточку смущаясь от твоих добрых воспоминаний о ней...

Впрочем, нельзя сказать, что пихта дарит покой и задушевность, или что-то созидает... Скорее, она таит в себе лесную сокровенность, а значит, и необходимое для леса знание, достойное человеческого внимания.

Зимою пихтовый лес – словно мир древних сказаний... Чутко хранится здесь тайна, так что никто не может и не смеет к ней прикоснуться. На того, кто дерзнёт покуситься на эту тайну, из пихтовника, кажется, пахнёт бедою. Будто злыми чарами околдован пихтовый лес.

Ранее считавшийся никчёмным, пихтовый лес скрывает в себе много чудес. Пихтовый бальзам, заживляющий глубокие раны, волшебные ванны, исцеляющие безнадежных больных, и смола, служащая для остановки кровотечений... А кто-то смешивал её с желчью кабана или медведя, и пил полученную смесь при заболеваниях желудка... «Из пихтовой черни вышел, да пообчистился», - говорят в народе, имея ввиду целебный воздух пихтовника...

Общепризнанным новогодним деревом на Руси считается ёлка, но многие предпочитают встречать праздник зимы с пихтой. Ёлка колючая, смолистая, а у пихты хвоя мягкая и не выделяет этой надоедливой липкости. Пихтовая смола более терпкая и быстро схватывается. Ещё ель быстрее пихты сохнет и осыпается. К тому же, пихта – дерево более ароматное.

На пихте также растут необыкновенные шишки... Они не похожи ни на какие другие, в первую очередь, тем, что стоят на ветках вертикально вверх.

Имея непривычный для шишек красновато-фиолетовый цвет, они напоминают диковинные свечки, появившиеся к какому-то неведомому лесному празднику. Не хочется срывать их, а хочется только любоваться и недоумевать...

Описать это дерево нелегко, и это описание, конечно, будет неполным, если не упомянуть, что ближе к зиме хвоя пихты отливает приятной голубизной. Это дерево показывает своё очередное чудо...

С наступлением холодов хвоинки пихты поворачиваются вокруг своей оси, обращаясь к зиме своим голубоватым цветом. Видно, пихта хочет так умиловить величественную хозяйку, чтобы та позволила ей легко перезимовать суровую пору.

Зима благодушно относится к этому таинственному дереву, и, как бы, не замечает. Она наглухо заваливает его пушистыми сугробами, и густые ветви пихты сгибаются под их тяжестью, образуя никому ни кому не видимый шатёр. Только маленькие птицы находят в нём укрытие, да, может быть, заплутавший по лесу зайчик приютится там в непогодицу.

Безропотно и тихо стоит пихта всю зиму, всем своим строгим видом проповедуя терпение, стремление стоять, не изнемогая, чтобы ни случилось, являя тем силу и величие духа, а ещё – кротость и смирение. Так века и живёт.

И вот, я сталкиваюсь с новой лесной заковыркою, связанной с этим необычным деревом, и ободранными оказываются почему-то именно пихты, несмотря на произрастающие неподалёку ели... Может, оттого, что кора у них более податливая, мягкая, а не хорохористая и колючая, как у ёлки? Ели перемежают ободранные пихты, стоят между ними так же отрешённо, как-то неприкаянно, и по росту, и по толщине ствола одинаковы, но всё же нетронуты, а с пихт почти вся кора содрана, почитай, от самых верхушек до комля... Неприятно даже становится, и главное, понимания не находишь, как такое могло случиться?

Тихо вокруг, никого не видно, и всё же чувствуется некое чужое присутствие, отчего какая-то внутренняя оторопь берёт, но ты ещё до конца не осознаёшь, что увиденное не человеком произведено... Тогда кем? Стараешься, конечно, себя успокоить, пытаешься отыскать объяснение тому, что предстало почему-то именно перед тобой, а неприятное ощущение закрадывается в душу всё глубже: до разгадки увиденного, не иначе, семь вёрст киселя хлебать придётся, а и то, правда, наверное, не откроется... Истинное дело, что ворожба, сотворённая неведомой лесной силой, да только как она выглядит, и какой немереной мощью обладает? Ворожит лесной

ведун, вроде бы, на грош, подумаешь, деревьев полдюжины ободрал, а пробирает дрожь! Да только вот лес по нескольким деревьям не плачет!

А мне всё равно неловко на душе от всего произошедшего, поскольку дерево, к какой бы породе не принадлежало, моя стихия, оно, что мне больше всего нравится, обладает мягкой твёрдостью и сложено так ладно, что как, кажется, ни старайся – не воздвигнуть себя таким... Незаметно, из году в год, нарастает его прекрасная лесина, потаённое корневище питает её благодатными соками земли, и ты, всматриваясь в неприметный рост дерева, и сам норовишь подладиться под древесную устремлённость, стараясь стать таким же могутным и стройным, словом, настоящим, а дерево скромно преодолевает природные недуги, не робщет, отчего ещё большую привязанность к нему почувствуешь, с самого его детства заглядываясь на неунывающий природный характер: и что это за чудесный Мирошка на деревянной ножке?!

И вот, дерево, да не одно, кто-то безжалостно ободрал... Человека дерут за уши, либо – чуб, дерево же, терпеливо выказывая миру свою несгибаемую стойкость, заслуживает только восхищения и ласки... А тут задал чёрт дёрку живому: не иначе силищу свою неуправляемую только за тем явил, чтобы повергнуть ей воображение... Не моё ли?

Но даже подвергнувшись насилию, дерево принимает его внешне безропотно: как бы ни были страшны неведомые лыкодёры! И как при этом не подумаешь, что в один дерок плотно приросшую к листовине кору не отдерёшь... Причём, сплошняком, длиною в полтора-два десятка метров, на дюжине пихт... Только что корень не выворочен!

Подобному натиску, понятное дело, устоять не просто, и дереву с такой силищей, по всему видать, не справиться... Это всё равно как синичке противостоять соколу, но что же это всё-таки за тёмная сила, подразумевающая, по-видимому, предпочтение свету – темень, не желающей, чтобы деревья расцветали и дарили благо и лесным жителям, и человеку, и ей было нарушено лесное спокойствие, но во имя чего?! Тяжёл камень непонимания, думаю я, не поднять мне его самому, и отправился к Учителю...

Учитель встретил меня, как всегда, радушно, и, выслушав, заметил:

- Тяжело самому терпеть, а ещё тяжелее других обижать: ты же к лесу с любовью относишься?

- Любить тоже тяжело, но не любить тяжелее того...

- Ты увидел нечто, чего до этого ещё не встречал?

- Место там, само по себе, очень необычное... Расположено оно неподалёку от деревни, на краю глубокого лога, и в этот самый лог уходят

четыре просеки... Местные жители обычно собирают по ним землянику. Расстояние между просеками двести-триста метров.

- В чём же их предназначение?

- Это остаётся непонятным, поскольку они достаточно коротки, с полкилометра каждая, покосы возле них отсутствуют, в качестве волоков для вывоза сена использовать их не могли, и все четыре просеки просто теряются в логу, постепенно сходя на нет...

- Зачем-то их проложили?!

- Вот я однажды и решил их обследовать, и направился дальней, теряющейся в самом конце глухого лога... Лес там не сказать, что очень старый, ёлки столетние, не больше, местами растут берёзки и пихтач, но несмотря на присутствие рядом деревни, ощущается какая-то удивительная потаённость, глушина, и когда идёшь по этой просеке, не покидает впечатление, что двигаешься по туннелю в неизвестность, на тебя нападает необъяснимая забывчивость, даже отрешённость... Почти уже у самого лога, по правую сторону от просеки, моё внимание привлекли измочаленные куски пихтовой коры, содранные с близ стоящих деревьев. Причём, целыми лентами, длиной в несколько метров, от самых верхушек до комля... Изуродованными оказались до полутора десятка деревьев, и при этом следы когтей или какой-либо техники отсутствовали. Вся кора была содрана гладко, ровно, каким-то совершенно необъяснимым способом. Для того, чтобы это сделать, требовалась невероятная сила, и человек подобного осуществить никак не мог...

Сначала я подумал, что разбросанные повсюду куски коры, а покрывали они собой площадь метров десять на пятнадцать, результат удара молнии, но потом отбросил такое предположение, поскольку ни один ствол не был расщеплён или обуглен, да и не могла молния поразить сразу полтора десятка деревьев... Под ободранными деревьями земля была не тронута, мох и трава не нарушены, и создавалось впечатление, что здесь совсем недавно орудовала какая-то неведомая сила, обладающая невероятными возможностями. Куски коры выглядели абсолютно свежими, они ещё нисколько не иссохли, источая ударяющий в голову хвойный аромат, и я стоял, как вкопанный, в недоумении оглядывая весь этот покрытый корой участок... Смотрел на израненные деревья и не мог найти обнаруженному хоть какое-то здравое объяснение. Случай, согласитесь, неординарный...

- А такова вся жизнь, когда относишься к ней с таким же пристальным интересом, как ты.

- Скажете, что к этому нужно быть готовым?

- Ты сам сказал это. Что ты почувствовал, когда увидел то, чего не можешь объяснить? Растерянность, страх, любопытство? Только честно.

- Стало немного жутко, и не покидало ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я сразу подумал о тех великанах, о которых вы когда-то рассказывали: ведь только существа ростом в несколько метров были способны на подобное... Может, это они и были?!

- Учитель смотрел на меня пристально, но спокойно, будто пытаюсь убедиться – не сочиняю ли я, желая прибавить своему рассказу значимости, а потом также спокойно проговорил:

- Не исключено. Настораживает момент, что всё выглядело как только что произошедшее... Ведь именно такое впечатление у тебя сложилось?

- Этому существует объяснение?

- Да.

- Что вы имеете в виду?

- Вероятно, некая сущность, зная, что ты проследуешь этой просекой, незадолго до твоего появления учинила на ней своё буйство, опять-таки желая понаблюдать на твою реакцию от сотворённого ей... На то, как ты поведёшь себя – не потеряешь ли голову, а может быть, воспримешь всё увиденное спокойно. Любая такая сила, как правило, изучает человека, его отношение к лесу, и если он, по её мнению, выдержит это испытание, она в скором времени, быть может, объявит себя.

- Значит, эта сущность ждала меня?

- Похоже на то. Главное, чтобы ты был готов к подобному столкновению, и никакая неведомая энергия тебя не напугала.

- Сквозь проявившуюся тревогу, меня всё-таки не покидало желание разобраться в произошедшем... Мне захотелось тотчас осмотреть всё вокруг, я прошёл по просеке, спускающейся в лог ещё на сотню метров... Дальше начиналась заболоченная, поросшая высокой травой низина...

- Вот!

- Выходит, я готов к восприятию неизведанного, если не поддаюсь страху, и меня влечёт только интерес к происходящему?

- Несомненно. Иначе бы тебе ничего не открылось.

- И таких случаев со мной происходило уже много.

- Это лишь подтверждает моё убеждение, что ты – мой единственный, данный мне Богом ученик, и ты сможешь достичь многого, если в каждом случае будешь находить истинное зерно... Думаю, не стоит напоминать тебе, как опасен этот путь. Это путь абсолютного одиночества, ты должен идти сам, ибо невозможно достичь истины, если быть последовательным сторонником кого-то, непрерывно следуя за ним...

- Одиночество – единственно верный путь?
- Только когда ты не боишься идти один, можно открывать и себя, и иные миры...
- Но именно от этого многие бегут...
- Любая зависимость – препятствие, но истинный искатель тот, кто не боится постигать знание. Лучше держаться именно такого отношения к жизни.
- Я стараюсь.
- Знаю, и потому уже вполне доверяю твоему чутью. И ещё – непреклонной воле, ибо принадлежащий к реальности запредельного, как водится, никому неизвестен, и он не стремится к известности: самое важное для него – идти, готовить себя внутренне к восприятию любых неожиданностей...
- Я уже понял, что это по-настоящему достойно и интересно.
- Единственно верно. Тебе следует искать собственную ценность, развивая и раскрывая свои способности. Они – неповторимы.
- Делай своё дело, и предоставь всё остальное Богу?
- Божественное пусть принадлежит Господу, а ты должен действовать, только тогда жизнь становится для тебя по-настоящему чудесной. Ничего другое тебя волновать не должно. Раскрой в своей душе собственный солнечный аромат... Если ты его ощущаешь, значит, ты готов получить искомое: прими его и иди дальше...
- К новым случаям?
- Постепенно они должны превратиться в события...
- Я думаю, что это уже происходит.
- Вся твоя жизнь – событие, если ты совершаешь усилия и заполняешь её, как сосуд, решительными действиями, приводящими тебя к составляющему её сути чуду, и провидение не заставит себя ждать, и наградит своей энергией. Не ищи, а готовь себя.
- Я уже знаю, что истину можно достичь только через себя...
- И тогда она начнёт приходить со всех сторон... К этому нужно быть просто готовым, и когда осознание произойдёт, ты поймёшь, что свет – повсюду.
- Я счастлив, что все мы имеем удивительную возможность открывать свет и в себе, и вокруг.
- Только не забывай благодарить Сущее за эту возможность идти своим путём, получая истину только от Него... В этом – сокрытая от многих суть Бытия.

БЫЛ БЫ ЛЕС, А ЛЕШИЙ БУДЕТ...

Выдалась однажды в наших местах такая дружная, весёлая весна, что отправился я на глухариный ток ... в кедах! И это при том, что путь до токовища, по убеждению завзятых глухарятников, обычно сопровождается жуткой расколготицей, переправой через топкие болота и бурные весенние ручьи, словом, всякого рода непреодолимыми препятствиями. Но на сей раз погода стояла отменная, солнце светило как летом, и если бы не распускающиеся повсюду подснежники с медуницей, то легко было бы подумать, что так оно и есть. Прихватив с собой топор, котелок и щепотку чая, я налегке, ещё с вечера, вышел из деревни, рассчитывая до темноты попасть на подслух, к тому месту, куда глухари слетаются со всей округи, чтобы поутру огласить лес своей любовной песней...

Восторженное солнце ласковым теплом озаряло весенний вечер. Над посвежевшими полями закружили белокрылые луни. А ещё выше, от одного края горизонта до другого, торжествующе и в тоже время умиротворённо выгнулось над головой огромное бирюзовое небо...

По мере приближения к току с обочины начали взлетать копалухи... Размышляя о том, где лучше всего устроить подслух подлетающих на ток глухарей, я терялся в догадках и, наконец, решил остановиться в небольшом сосняке, за болотом, но, уже почти дойдя до места, что-то вынудило повернуть. Какое-то неясное чувство, словно чья-то ненавязчивая подсказка, свыше, привело на поляну, которая впоследствии и оказалась центром тока.

Посреди поляны стояла маленькая избушка. В ней отсутствовала печка, но имелись нары и стол. Только и хватило у меня времени, чтобы приготовиться к подлёту птиц. Было ровно девять часов, когда я вдруг услышал первое всхлapyвание крыльев, свойственное глухарям в момент их присадки на деревья.

А через мгновение я увидел его, этого огромного таёжного старожилы, кажется, совсем не обременённого тяжестью своих мышц, перьев и незаметно прожитыми лесными годами. Глухарь уселся на ёлку, метрах в пятидесяти от избушки, изредка поглядывал по сторонам, и был как бы задумчив. Я знал, что он меня не увидит, если сидеть неподвижно.

Осмотревшись, глухарь громко захлопал крыльями, как-то весь напрягся и, выгнув шею, произвёл звук:»Кхеэ-кхеэ-уоок!» Звук был скрипящий, гортанный, очень хорошо слышимый в замершем вечернем воздухе. Он вдруг напомнил мне щелчок пальцем по спичечному коробку, когда тот уже полупустой... Сам же подлёт птицы, исключая присадку на дерево, обычно

не слышен, и как бы ты ни старался не пропустить его, всегда он доносится до тебя неожиданно, что каждый раз почему-то неприятно обескураживает.

Второй глухарь подлетел через десять минут после первого. Так же громко захлопав крыльями, он уселся метрах в тридцати от избы, на берёзу, но гортанного звука не произвёл. Весь вечер он сидел тихо, как будто его и не было.

Примерно около десяти часов послышался подлёт третьего глухаря, наверное, самого мощного, потому как опустился он на дерево метров за сто от меня, а шум от его присадки был слышен очень отчётливо. Своеобразного щёлканья, что произнёс первый глухарь, он тоже не издал, и до самого утра сохранял молчание. Глухарь этот уселся где-то у края просеки, подход к нему не был затруднён, и мне всё время хотелось пойти посмотреть – какой он большой и красивый. Но следовало сохранять осторожность, чтобы не распугать птиц раньше времени.

Около одиннадцати часов послышалось котканье подлетевшей глухарки, что уселась неподалёку от избышки, вела себя сдержанно и больше не квохтала. По-видимому, она была преисполнена терпеливого ожидания и трепета в предвкушении предстоящего весеннего торжества, и никак не выказывала своего пристрастия. Природа птицы требовала соблюдения установленного природой ритуала: первым должен призвать её к себе охваченный чувством самец, и только тогда она может позволить откликнуться, предложив ему себя всю без остатка.

А глухари молчали, кроме первого... Его хорошо было видно: он сидел в трёх-четырёх метрах от верхушки ёлки, иногда неспешно прохаживался по ветке и склёвывал иголки. Время от времени глухарь производил свой звук:»кхеэ-кхеэ-э-уоок...», и опять затихал. Часов в десять он перелетел на другое дерево, метров за пятьдесят от ёлки, а с наступлением темноты, где-то в половине двенадцатого, начал потихоньку петь. Я подумал, что это был или самый взрослый глухарь, основной на этом току токовик, или самый страстный петух, в нетерпеливом ожидании утра и подлёта глухарки пробующий свои незабвенные лесные ноты. К двенадцати часам он затих.

Я сидел на крыльце избышки, думал о жизни леса, глухарей и смотрел на небо. К майскому небу была обращена и моя душа... Она тянулась к зажигающимся звёздам.

В предночной час, весной, нужно очень пристально смотреть на небо, чтобы заметить даже очень яркие звёзды. Но как я не напрягал глаза, звёзд ещё не было видно. Стоял тот час, что отпущен весной только для одной, самой главной звезды, по которой путешественники всегда определяли для

себя единственно верный путь, и первой, в одиннадцать, загорелась Полярная...

Дрозды вокруг смолкали, глухари засыпали, земля притихала ненадолго, чтобы через три-четыре часа вновь пробудиться, а я сидел и безотрывно смотрел на Полярную звезду. Я смотрел на неё и был уверен, что вот именно сейчас она горит для меня. Всё остальное в тот миг отошло куда-то... Вернее, оно было со мной, но этот текущий миг с Полярной звездой, спящими глухарями, проистекающими отовсюду запахами земли, пробуждали в душе мучительное и восхитительное счастье, которое сдавливало сердце и не отпускало. В нём всплывало что-то из моего прошлого, и я чувствовал себя его частицей, где было всё так непревзойденно прекрасно для человеческого мира. Разве это не чудо?!

Сколько раз на глухарином току обращал я свой взор к звёздам, любовался, всматривался, переносился в мечтах ввысь и ... не постигал до конца их зазывного свечения. Звёзды всегда сопутствовали глухариному току, в ожидании глухариной песни я разговаривал с ними, думал, мечтал... И вот, только в этот, последний раз, осознал то, чего по-настоящему хотелось бы испытать в жизни: хотелось побывать на всех этих далёких мирах, и унести приобретённое там знание с собой на землю. Смотрел бы я на них потом с таким же восхищением, так же неотрывно? Да, и улетев однажды к звёздам, пришлось бы, наверное, остаться среди них навсегда?!

Если ты уже не один год посещаешь глухариные тока, все впечатления постепенно переплетаются, что-то отчасти стирается, а остаётся в памяти самое яркое, дорогое... То, что отчего-то выделило именно этот день, этот ток, этого глухаря и породило твои необыкновенные чувства...

Когда я кому-нибудь рассказывал потом о поразившем на току, о том, что удалось увидеть именно в этот вечер или утро, я ловил себя на мысли, что это мало кого интересует: по крайней мере, меньше, чем меня. Из-за такого несоответствия во впечатлениях от происходящего рассказ получался скомканный, какой-то неинтересный. Мне самому становилось странным: где все те слова и мысли, что переживал я, сидя на току, и как мне хотелось тогда, чтобы кто-нибудь был со мной рядом и пережил всё это так же, как и я?

А потом я понял, что рассказать об увиденном, как оно этого заслуживает, можно только тому, кого любишь... И ещё, чтобы ты сам не был равнодушен этому человеку. Если всё это возможно, то тебе удастся пережить когда-то увиденное ещё раз, как будто ты вернулся в то утро, и глухарь пел только для тебя и любимого тобой человека, и горела на небе

молочным зёрнышком ослепительная Полярная звезда, а рядом с ней изредка вспыхивала другая...

... Утром глухари начали петь в четыре часа, ещё по темноте. С рассветом они перелетели на ближайшие деревья и сидели между собой очень кучно. Так же слаженно они и запели, и я не мог никак сначала разобрать эту странную песню: скиркающие звуки одного глухаря сливались с точением другого, тут же переплетаясь с хрюканьем третьего, порой напоминающим возгласы взбудораженного спросонья петуха, и от всего этого представлялось, будто поёт один, какой-то невообразимо громадный и сказочный глухарь.

Начав свой подход к птицам под песню, ещё в неясных сумерках, я в восхищении замирал, если песня обрывалась, и возобновлял скрадывание, когда токование продолжалось. Двое глухарей точили очень активно: «кхеэ-кхеэ, уоок! кхеэ-кхеэ, уоок! тэк-тэк, тэк-тэк, тэк-тэк!», а третий неожиданно сорвался с сосны неподалёку от меня, увлекая за собой единственную копалуху... Всё казалось перепутанным, до невероятного странным, и только взлёт ещё одного глухаря, в каких-нибудь десяти шагах, с невысокой густой ели, вывел меня из замешательства.

Глухарей, конечно, было несколько, может быть, даже больше, чем трое, и песни их слились воедино. Вспугнутый же мошник никуда не улетел, а усевшись совсем рядом, вскоре опять огласил лесную округу своим гортанно-металлическим – «тэк-тэк, тэк-тэк, тэк...»

Раньше мне не приходилось наблюдать глухарей, сидящих так близко друг к другу, всегда у каждой птицы был свой токовой участок, который он самозабвенно защищал от чужаков. С рассветом, или иногда даже с вечера к такому глухарю подлетала с нетерпеливым котканьем глухарка, и они начинали меж собой неповторимый обряд восторженного соединенья... Но сейчас стоял конец апреля, пришедшего с неожиданным для этой поры теплом намного раньше обычного, и все глухарки, должно быть, уже давно сидели на гнезде. Самцы, таким образом, остались в одиночестве, токуя в холостую...

Теперь им нечего было делить между собой, и глухари постепенно сбились на одной маленькой лесной территории, чтобы не чувствовать себя такими оставленными. В них, видно, было ещё достаточно силы восторгаться своей страстью и прославлять весну, и они не хотели, чтобы она уходила. Глухари пили свою неистраченную любовь так же самозабвенно, как и в разгаре весны, и пришедший к ним в гости человек, похоже, не казался им помехой.

Птицы, конечно, заметили меня, но не улетали. Попеременно подходя от одного к другому, я начал находить в этом какую-то скрытую для себя забаву. Глухари подпускали прямо вплотную, давая возможность разглядеть их поведение самым пристальным образом, и я был за это им благодарен.

Какое-то необыкновенно тёплое солнце лило свои розовато-кремовые лучи на верхушки сосен, когда я почти вплотную подошёл к самому ближайшему ко мне глухарю... Петух был очень крупный, надутый от важности происходящего с ним: крылья приспущены, хвост то складывается, то необыкновенно распушается, и когда это происходило, глухарь вытягивал шею к розовеющему восходу, задираал алую бровь и неторопливо ронял колена своей волшебной песни... Борода его при этом топорщилась, вздрагивала, глаза на мгновение закрывались... А у самого ствола гулко ударялись в мох рогалики его сухого соснового помёта, и этот необычный град не вызывал никаких иных чувств, кроме восхищения...

Время от времени глухарь поворачивался грудью, как бы стараясь подставить её первому солнечному теплу, но неизменно пел на восток... Особо не разжигая себя чувствами в отсутствие самки, он, похоже, не стремился к большему, и только допевал свою зарю. В это утро у него было всё, чтобы почувствовать себя счастливым: сосны, солнце, обилие свежего корма и свобода... И ничего, что отсутствовала обычно ловящая каждое его движение преданная копалуха... Быть может, он уже наслаждался за долгую весну всем, что она могла подарить ему, и ничего уже не желал, предвкушая лишь своё летнее существование в укромном ягодном раздолье...

Уже рассвело, а глухари, не прекращая, пели вокруг меня и ничего, кажется, не боялись. Они как будто знали наверняка: этот человек не причинит им вреда, может быть, только немного беспокойства... И тут я решил проверить: насколько птицы мне доверяют...

Я открыто, не под песню, стал неторопливо приближаться к ним, время от времени останавливаясь и умоляя втайне поверить. Двое глухарей, кажется, не обращали на меня никакого внимания, так же возбуждённо, вытянув к небу шею, вздрагивали в песне всем телом, трясли бородой. А я подходил всё ближе и ближе, и мне уже были хорошо видны их белые круглые пятнышки на предплечьях. В следующий миг я почувствовал, что пора остановиться...

Глухари притихли, выдержали неуловимую паузу, а затем, поджавшись, вытянулись в полёте и, плавно взмахивая мощными крыльями, величественно потянули над лесом. В их взлёте не было какого-либо напряжения или суетливости, просто они сегодня себя исчерпали. И ещё

вдруг показалось, только на мгновение: глухари мне на прощание помахали...

В такие утра душу одолевает жадность к жизни, а потухающие звёзды уже не замечаются. Загоревшись в твоей душе перед самой ночью, они, как бы ненароком, задрёмывают на неопределённое время, не напоминая о себе. Звёздам, видимо, уютно чувствовать то же, что и человеку.

После удачно подсмотренного тока всегда ощущаешь приятную усталость и необъяснимое чувство удовлетворения. Понимаешь, что прикоснулся к чему-то замечательному, недоступному большинству людей, и от всего увиденного испытываешь незабываемое чувство. Состояние такое, будто сделал невероятное открытие и никто об этом, кроме тебя, не узнал. Благодаря увиденному, переживаешь нескрываемую гордость, душа полнится необыкновенной радостью и счастьем: ничего подобного ты уже давно не ощущал.

Не первый год приходил я на этот ток, и птицы, возможно, узнали меня. Мне вдруг стало до боли жалко, что весна опять уходит, и вместе с ней растворяется в душе дальняя дорога, и чёрная ночь с костром, и вселенский ветер, принёсший когда-то на своих плечах беззвучные зарницы во всё небо. И, конечно, это незабываемое глухариное утро, и понимание, что оно рано или поздно придёт, если ты сделаешь всё, чтобы радостно его встретить.

Слёзы выступили у меня на глазах, когда я смотрел вслед удаляющимся глухарям, будто зная, что уже никогда их не увижу. И тогда я тоже помахал им, а потом, приложив пальцы обеих рук к губам, подарил лесу воздушный поцелуй, как бы восклицая:»Здравствуй и прощай, любовь моя, глухарь... До скорой встречи, до будущей весны!»

Ещё тогда, помнится, подумалось, как мне необыкновенно повезло: и весна выдалась на загляденье добрая, и сухая дорога беспрепятственно донесла меня до самого токовища, и глухари токовали дружно, подпустив меня к себе так близко, что можно было хорошо разглядеть их чудесное оперение с белыми пятнышками на боку... Одно открытие очень удачно сменяло другое, и я благодарил весну за солнечную нежность пунцового восхода, аромат берёзового сокоистечения и клёкот дикой птицы в бездонном весеннем небе... А ещё – за будоражащую сердце тревогу и радостное смятение, принесённые весной... Я переживал искреннюю признательность самому себе, что не поленился и отважился соприкоснуться в эту чудесную пору с ночной тайной, не отказался от неё...

Я был переполнен счастьем, что досталось мне в это утро, но счастье не хранимое в тайне ото всех, а вольное, как плывущие в апрельском небе облака... Всё, связанное с глухарями по весне хотелось разделить с чьим-то добрым вниманием, не обуреваемым только пустой заботой, но именно искренним желанием слушать, впитывать и познавать. Мне, кажется, было просто предугадано лесною душой быть счастливым не только этой весной, но и всегда.

В который раз переживая свою весну, я опять вспоминаю бесчисленные бессонные ночи, проведённые на ногах, и постепенно накапливающуюся усталость, и сладковато-приторный, размытый возрождающимися силами земли вкус берёзового сока на губах, и чистоту, которую он тотчас вдыхает в расслабленные за зиму члены. Как радостно идти с рюкзаком по весенней, журчащей полноводными ручьями дороге, слушать вскрикивания чибисов и переливающиеся трели зяблика, с замиранием сердца наблюдать, как неторопливо плавают между кочками кряковые утки, направляясь в случае опасности к затопленным береговым деревьям, а под вечер, до головокружения вдыхая поднимающийся от земли парной дух, где-нибудь в укромной ложбинке, у ёлочек, разводите ярко-красный, похрустывающий душистыми сучьями костёр, подвешивая над ним закопченный котелок с талой снеговой водой и отражающимися в ней, тревожно вспыхивающими звёздами...

Как радостно вспоминать, как мелькают в чаще зелёные фонарики будто приближающихся к тебе людей, какие-то необычные, молчаливые, но сильно ощущаемые... Потом оказывается, что это не огоньки и не глаза животных, а звёзды... Облака бегут по небу, то закрывают их, то вновь открывают, и кажется в темноте, что кто-то неведомый движется к тебе, подмигивает, не упуская из виду...

Холодный туман мутными слоёвищами растекается над роящимися снегами, и если бы не его запах и редкое кряканье уток, проносящихся над ними к реке, кажется, что весенняя оттепель ни с того ни с сего затерялась во временах года...

И, конечно, я не в силах забыть, как нежные звуки глухариной песни тихо шелестят в воздухе, точно плывут в лёгкой невидимой дымке, но на землю не спускаются – растворяются вокруг, живут во всём, переплетаются, дышат. Глухарь будто не спит и не поёт, а молча слушает в ночи какую-то неясную лесную музыку, и зачарованно замирает в предутренней темноте.

Радостное солнце мягко трепещет уже у линии горизонта, и небо мгновенно наполняется волнующим светом. Силой своего зарождающегося вдохновения оно, наверное, увлекает древнюю птицу в далёкие неизведанные

края, и потому глухарь на какое-то время забывается в этом сладостном оцепенении, а пробудившись, долго не может успокоиться, до самого рассвета прославляя его... И я, такой же отрешённый от всего мира, и в тоже время слившийся с ним, забываюсь в самом сердце весны и куда-то лечу: преисполненный жизненной несправедливостью, но свободный и радостный.

Возвращаясь по весенней дороге в деревню, я думаю о том, что всё это богатство не даровано Богом, а добыто самим тобой, твоей нестигаемостью, терпением и любознательностью, неугасимым желанием разбираться в окружающих явлениях природы. Вспоминая токующих глухарей и в который раз переживая незабываемые впечатления, я улыбаюсь про себя, всё и в жизни и в лесу мне кажется понятным и доступным, и я даже склонен подшучивать над собой в возможности чувствовать себя абсолютно свободным. Вот тогда, возвращаясь утренней дорогой домой, мне и попадаются добродушные зайцы, как ещё одна награда за проявленную по отношению к себе и лесу неутомимость.

Зайцы совсем не замечают меня, и я могу сколько угодно наблюдать за ними, пока это милое занятие не надоест. Зайцы сидят кучкой на опушке, и поначалу представляются островком неизвестно почему оставшегося снега. Это – зайчиха со своим весенним выводком, тремя зайчатами-настовиками, что появились на свет ещё в марте, по снегу, и уже успели подрасти...

Зайчата, хоть и не сменили до конца шкурку, словно облиты кофе с молоком, в отличие от матери, у которой вся спина и голова остались почти белыми. Зайчиха лежит спокойно, прижав к спине уши, и как будто ничего вокруг не замечает. Зайчата же ведут себя свободно: сидят столбиком, умываются, по-смешному потягиваются, но от мамы не отлучаются ни на шаг.

Даже мой резкий свист не выводит их из состояния этого благодного покоя: зайцы, как ни в чём не бывало, наслаждаются первым утренним теплом, вдыхают рождающиеся запахи и, наверное, ничего не ждут от этой удивительной жизни, в которой для них и так всё есть: свежая травка, ласковые лучи солнца, огромный и непостижимый лес, их дом... Для милых зверьков в весеннем лесу всего в достатке, и они вполне счастливы.

Я стою за пушистой ёлочкой, гляжу на незамысловатую заячью жизнь, и радуюсь вместе со зверьками весне, тому, что ток прошёл удачно, я даже не замочил ног/!/, и тоже переживаю своё счастье. Всё, что может принести с собой весна, уже выпило моё сердце, и я слился в это утро с пробудившейся ото сна землёй, вдохнул полной грудью её аромат и почувствовал себя молодым богом, готовым жить вечно.

В деревню я вернулся часам к десяти... Потихоньку растопил печь, поставил на плиту котелок с куском баранины, и стал смотреть на огонь, вспоминая всё, что произошло со мной за ночь. Скоро баранина сварилась, и я оставил котелок на загнётке, прикрыв его миской.

После бессонной ночи, проведённой в холодном лесу, было приятно ощущать печное тепло, и я мгновенно погрузился в глубокий сон. По опыту знаю, что если ночь на глухарином току складывается удачно, то сон всегда в радость, он необыкновенно богатит, отчего, чем больше спишь, тем пуще хочется. Но я проспал всего лишь пару часов, а когда пришёл на кухню – к удивлению своему обнаружил, что мясо кем-то съедено, от него осталась только вытянутая в нитку голубоватая железная жилка, и весь бульон разлит по плите... Более же всего поразило то, что миска по-прежнему накрывала котелок... Как такое могло случиться?!

Я ещё раз приподнял миску, убедившись, что котелок пуст, и в недоумении почесал затылок: что же тут в моё отсутствие произошло? Внимательно осмотрев дом, следов пребывания посторонних я не обнаружил, двери и окна были плотно затворены, печь – на заслонке, в полу – ни единого отверстия: клоп не пролезет... Что за загадка, перекинь через грядку?!

Вышел в огород – и к соседскому деду, мы были с ним очень дружны:

- Откуда сия напасть?

Крепкий и на дело, и на слово дедушка Георгий будто знал про всё какое-то древнее заклинанье, заговор, и колдовал себе в усладу. Кто-то говорит, ровно слово слову костыль подаёт, дед же за словом в карман не лез и разил им словно стрелой, а уж чары его внутреннего обаяния даже пугали людей... Не зря дед слыл на деревне волшебником и колдуном, и говорили про него невесть что, дед же обычно загадочно отмалчивается и вдруг брякнет:»Чудо чудное, диво дивное: от чёрной коровки – белое молочко... Мужик умён, да мир – дурак!»

Весёлое расположение духа редко покидало деда, но когда это происходило, он заменял его крепким словцом, и в такие минуты становился похож на пузатый, закипающий медный самовар... «Что за смех подняли? – горячился дед. – Где смех, там и грех! Ась? – И дурашливо прикладывал к уху ладонь. – Смехом бока надсадишь – сколь с тебя взять?» Кто-нибудь серьёзно заметит:»Людам тын, да помеха, а ему всё смех да потеха... Смех до плача доводит, им сыт не будешь!» А дед не унимается:»Смех тридцать лет у ворот стоит, а своё возьмёт! Век на нём живёт... Смех-то ведь, что волынка: надул, поиграл, да и кинул. Вот и ты посмеёшься, словно век проживёшь!» Все только со смеху покатываются...

Да, так оно и было: ты деду – слово, а он тебе – десять, да каждое, что ком. И ещё в назидание:»Словом человека не убьёшь, а только перелобанишь!» И хоть говорят, что кто словом спор, тот в деле не скор, но руки деда любую работу брали, а слова его с кого хочешь шкуру драли. В общем, и на словах – как на гусях, и на деле – как на балалайке. «Слово слову розь, - ехидно наставлял дед. – Словом Господь мир создал, словом же Иуда Господа оклеветал!»

Поселяне верили, будто бы дед Георгий в своей старой бане тёмными вечерами бабкам снадобья волшебные раздаёт – косточки кротовые, настои на жабьих глазах, да болотные мази... Приваживает вороньё, и по гнёздам у них, с косточками да кишками, его сила чёрная хоронится. Ничего не стоит ему в человеке распознать чёрта щербатого, лесную раскоряку, и на белый свет тотчас вывести. А когда дед просто на завалинке сидит, толочно хлебает, то всё равно всю правду про каждого, мимо проходящего, ведает, в рот ему тыква! Словом, не без начинки старик! Старому, как говорится, хрена в квас не клади.

И вот дед, опершись рукой на черенок лопаты, пот со лба рубахой обтирает и молвит:

- Хомячье отродье... Больше некому!

- Да как же, - говорю, - они сквозь закрытые двери проникли? Ведь ни щелочки в доме...

Дед перекрещивается шепотью:

- С нами крёстная сила... Как под благословеньем! Картоху я раз в жару окучивал и заглянул на кувфню водички хлебнуть... Потому, как был я в лаптях, проследовал, значить, через ограду неслышно, вижу: три хомяка выталкивают из-под буфета кастрюльку с куриными яйцами... Чистый грабёж, ни в корень, ни в пристяжку, ни в собачий шиш!

Хомячье – мастера до прокуды: и кадку с соленьями прогрызут, и пол, котёнка задавить им – пара пустяков, в любую щель не хуже мыши просунутся, амбар за ночь подчистую выметут... Что не сдерут, то попортят! Не портянкой, мол, утираемся...

Смотрю, один силён, бес! – яйцо подбородком к груди прижимает, два других в передние лапы прихватил, и так, на задках, прямиком на выход чешет, сучий кот, хвостом как веником потрясывает. По сторонам, нечисть-ерыкала, зыркает, цену себе понимает! Идёт, серая шкура, не дрыгнет, не то, чтобы яйца обронить. А всё-таки скрозь морду его поганую, вижу, ехидство в нём пробивается... Шибко вумный, хлюст, знает край, да не падает: даром, что хомячина.

Двое других, что поменьше, идолами у него по бокам замерли: догляд ведут, чтобы яйца по избе не раскатились, и так это преданно ему в зенки заглядывают – уважают, значить... Подхалимажа – ни зги, одна сплошная удовлетворённость от хапужничества этого бесстыдного. И ведь с них, свиней собачьих, ещё станется, а нашему брату – неудобство. Кому рассказать, в раз срежут – с ума спятил, и уж тогда угодишь в ящик по самый хрящик!

Очень-но докучливые в домах твари – хомяки, но кабы не было их на скопидомку, так с нею бы и не сладить! У всякого существа – свой царь в голове, а у этих сволочей – на особлинку, с промыслом. Стоит им скромное взнюхнуть – табак дело! Должно быть, немцы таких хитрых «обезьян» придумали... Ежели их, чертей, накоротке не держать, голову начисто сгрызут. Поумствуешь надо всеми Божьими делами – ум вскружится!»

У меня самого голова готова была вскружиться от произошедшего: ведь кто-то, пока я спал, осторожно вытянул кусок мяса из котелка, съел его, да потом ещё и миской прикрыл, что меня удивило больше всего. Даже после разговора с дедом не оставалось сомнений, что это, конечно, ни хомяки, а некая, неведомая мне, сила, но откуда бы ей взяться?

Я вернулся в дом, и ещё раз очень тщательно обследовал и кухню, и прихожую, - ничего... В печку опять заглянул, но что толку-то: заслонка на месте... Остановившись посреди комнаты, только развёл руками...

На следующий день я уже был у Учителя.

- Что на этот раз? – спросил он.

- Со мной произошёл совершенно необъяснимый случай...

- В деревне?

- Да. Недавно я отправился на глухариный ток, и провёл на нём всю ночь... День выдался чудесным, с самого утра я работал в саду, и вдруг какое-то радостное чувство повлекло меня в дорогу. Не раздумывая, быстро собрался – и в лес.

Вобщем, весь вечер, пока я добирался до избушки, находящейся неподалёку от тока, мне на удивление везло: с обочины дороги то и дело взлетали копалухи, глухари на подслухе подлетали один за другим дружно, даже перед сном немножко попели, весь вечер, до темноты, над поляной тянули вальдшнепы, зазывно хоркая и цвингая, прямо рядом со мной полянку перебежал линяющий заяц, а ровно в одиннадцать на небе ярко загорелась Полярная звезда... Утро же порадовало глухариными песнями,

несущимися отовсюду, и я подходил под песню то к одному, то к другому глухарю, а они, вроде бы, меня совсем не опасались, подпуская чуть ли не вплотную... Глухари пели до самого рассвета, и мне вдруг стало до боли жаль, что весна опять уходит... Такое ощущение переживаешь только в весеннюю пору...

Я почувствовал, как до краёв насытился и весной, и глухарями, всем, что она несёт с собой, и вдруг взял – и хлопнул в ладоши, и глухари, на миг поджавшись, взмыли в небо, на прощание будто помахав мне крыльями. И я тогда тоже помахал им, а потом, приложив пальцы обеих рук к губам, подарил лесу воздушный поцелуй...

- Ты не охотился на них?

- Нет, я уже давно отказался от ружья, и каждую весну хожу на ток только для того, чтобы посмотреть на птиц и порадоваться, что они живы. После удачно подсмотренного тока всегда ощущаешь приятную усталость и необъяснимое чувство удовлетворения, даже – покоя. Понимаешь, что прикоснулся к чему-то замечательному, недоступному большинству людей. Состояние такое, будто совершил невероятное открытие, и никто об этом никогда не узнает. Благодаря увиденному переживаешь нескрываемую гордость, душа полнится необыкновенной радостью и счастьем.

- То, что тебе открывается нечто необыкновенное, кажется, не существующее, и есть, наверное, предел твоих мечтаний... Иначе зачем ты ходишь в лес?

- А ещё, когда я возвращался утром домой, у самой дороги мне подвернулось семейство беззаботных зайцев, резвящихся вокруг толстой зайчихи... Зайчиха лежала спокойно, прижав к спине уши, тогда как зайчата вели себя очень свободно: сидели столбиками, умывались, по-смешному потягивались, но от мамы не отлучались ни на шаг. Зайцы подпустили меня совсем близко, будто бы, не замечая, и я долго наблюдал за ними, пока мне это занятие не надоело.

- Эти добродушные зверьки, я уверен, были тебе ещё одной наградой леса за проявленную к нему любовь...

- Я очень признателен лесу за то, что он есть.

- Так что же произошло?

- Возвратясь после бессонной ночи в деревенский дом, и прежде, чем обустроиться вздремнуть, я отварил кусок баранины и оставил его в котелке, на загнётке, прикрыв миской. Когда же проснулся через пару часов и прошёл на кухню, то застыл в недоумении: весь кусок мяса был кем-то съеден, от него осталась только вытянутая в нитку голубоватая желейная жилка,

бульон, заполняющий котелок наполовину, разлит по печи, но миска по-прежнему накрывала посуду...

- Как такое возможно?

- Я приподнял миску – котелок был пуст... Бульону на доньшке оставалось с палец, не более... Внимательно осмотрев дом, следов пребывания посторонних я не обнаружил. Двери и окна плотно затворены, печь – на заслонке, в полу и по углам – ни единого отверстия...

- А ты связываешь произошедшее со своим нахождением в лесу?

- Каким образом?

- Ты, видимо, привёл за собой в дом какую-то лесную силу...

- ???

- Да, несомненно, привлѣк её чем-то, скорее всего, ты этой сущности понравился! Она отметила твоё доброе, почти преданное отношение к жизни леса, и с доверием отнеслась к тем душевным устремлениям, которые ты там испытывал. Скажу так: духам леса приглянулись по душе твои действия, их это, возможно, даже очень удивило, не каждый день увидишь такое чуткое отношение человека к миру природы, и какая-то из сущностей решила за тобой проследить: проводить до дома и там во всѣм разобраться.

- То есть, когда я попрощался с глухарями, послал им воздушный поцелуй, и они улетели, меня окружали какие-то силы, которые за мной наблюдали? Может быть, те самые, что забрали нож и носили всю ночь неизвестно где... Тогда, зимой?

- Очень даже может быть... Во всяком случае, существо увязалось за тобой не напрасно: оно сопровождало тебя до самой деревни, подарило зайцев, опять же, понаблюдав, как ты себя поведѣшь в отношении этих беззащитных зверьков, и последовало за тобой дальше, всѣ время понимая и чувствуя твои настроения, но не объявляя себя.

- Звери находятся в их распоряжении?

- Не совсем. Сущности просто умеют воздействовать на другие живые существа только им ведомым способом, и иногда употребляют эти умения для собственной надобности.

- Не верится, что такое возможно.

- Эта сила почувствовала тебя, как близкую себе сущность, может быть, похожую по своим внутренним устремлениям, и решила воспользоваться всем тем, чем пользуешься ты сам. Приготовленное тобой мясо было воспринято ей как собственная добыча, то, чего миновать для сущности было просто невозможно, и она с удовольствием распорядилась предоставленным ей случаем. Сущность, вероятно, слилась с твоей энергией, приняла всѣ твоѣ,

как своё, затем, видимо, обследовала дом и пожелала в нём на какое-то время обосноваться.

- Для чего?

- Ты её заинтересовал, сущность эта посчитала нужным быть с тобой рядом, может быть, даже охраняла твоё обиталище. Ей было хорошо там.

- И что потом?

- Ушла.

- Ничего не оставив?

- А зачем? Ей и так всё про тебя стало известно, она удовлетворила свой интерес, скорее всего, приняв твою энергию...

- Вот было бы интересно её увидеть!

- Но она себя не объявила... Может, и к лучшему. Как далеко от деревни ты находился?

- Километров пятнадцать...

- Впрочем, расстояния не играют значения, но то, что эти сущности давно тобой заинтересовались, абсолютно точно...

- Никому не видимые, и не слышимые?

- Всё это невидимое и неслышимое существует... Люди всегда думают, что если чего-то невозможно увидеть и пощупать, то его и нет. А невидимое – огромно, человек ещё даже не приблизился к пониманию его, воспринимая своё физическое тело как единственную данность... Всё, что нас окружает, бесконечно разнообразный и многогранный мир...

- И как можно не желать его разгадать?!

- То, что способен уловить глаз, лишь маленькая толика того, что располагается рядом с нами, прямо вот сейчас, где бы ты ни находился, и то, о чём ты думаешь – чувствуют окружающие тебя камни, животные и растения... Они говорят на языке Сущего, и поскольку мы являемся Его частью, они угадывают эти невидимые вибрации и в нас... Но человек узнавать находящуюся рядом с ним жизнь не желает, тем самым, ограничивая свои возможности, а нужно-то, всего лишь, для начала пристальнее взглянуться в самого себя, в дальнейшем распространяя диапазон своего восприятия. Люди ограничивают себя во всём, но разве не хотелось бы тебе познать запредельное, где существуют иные миры, и можно было бы обратить все свои силы на увлекательный поиск?

- Очень бы хотелось... Я, собственно, этим и живу, и для меня великая радость, когда открытие непознанного снисходит на ищущего человека...

- Вот поэтому я и поддерживаю тебя в твоём устремлении к чудесам и тайнам...

- Мне сейчас вдруг подумалось: какой смысл нахождения таких существ в лесу? Какой от них прок?!

- Они, должно быть, существуют просто потому, что есть, как побочный эффект при создании Всевышними Силами неведомых человеку сущностей в иных измерениях... Ведь и человеческая раса выпестовывалась Ими постепенно, сотни миллионов лет, когда возникали самые разнообразные виды, и после их соприкосновения между собой, в совершенно естественной обстановке, тогда, давно, появлялись особи, ранее невиданные, на свой, не похожий ни на кого лад...

И вот, не схожие ни с кем, кто появлялись ещё до них, разные сущности стали распространяться во Вселенной, порождая всё новые и новые формы, и так – до бесконечности... Все эти чудища, впрочем, не такие уж страшные, существуют и до сих пор, а показываются нам на глаза, когда того пожелают или по возникшей необходимости, отвечающей, в первую очередь, их потребности...

- Получается, этих существ не должно быть в нашем физическом мире, коли они остаются невидимы?

- Вполне возможно, что Божественная Природа, стремящаяся к гармонии, просто не допускает их нахождение здесь, посреди более совершенных людей, и оттого доступ им сюда закрыт, хотя существа и тянутся к нам, то и дело напоминая о себе... Чаще всего это происходит в лесу, где человек бывает редко, но даже тем, кто соприкасается с лесной чащей довольно часто, существа не показываются, а если это и случается, то крайне редко. В их робком устремлении к человеческому миру угадывается неприкаянность.

- Они живут какой-то своей, неведомой человеку жизнью, и если задуматься, существование их, наверное, оправдано уже одним своим появлением на свет?

- Так называемая «нежить» - это то, что, конечно, не живёт с человеком в непосредственной с ним близости, в его духовном мире, обращённом, по сути, к небу, то есть, существует без души, но всё же пребывает во плоти, со своими особыми способностями и склонностями...

- От чёрта, как говорится, отстали, а к людям не пристали?

- Да, существа эти, в общем-то, не так уж злобны, даже, более менее, добродетельны, не зря по поводу их существования в народе всегда шутили, хоть и остерегались... Всё зависело от самого человека: ежели сущность кого из людей полюбит, то даже служит ему, во всём защищая и поддерживая, но коли не влюбит – со света доброго сживёт...

Однажды созданные кем-то более величественным и сильным, но всё же в чём-то ошибавшимся, существа эти, наверное, не ведают – куда себя деть, обитают не весть где и как... Чудные, во всём отличающиеся от людей, они, тем не менее, чем-то схожи с нами... Хотя бы, действительно, просто потому, что существуют, у них есть своё, и как правило, более тонкое, чем у человека, восприятие, есть умение угадывать совершающиеся в жизни события, а значит, и умение чувствовать и переживать... Эта «нежить» и не мертвецы, и не привидение, а то, что присутствует если не прямо с нами, но рядом, где-то неподалёку... В народе про неё говорили, что она и не живёт, и не умирает, у неё нет одного и того же обличья, и ходит она в личинах, что постоянно меняет. Ко всему прочему, бессловесна, хотя, как и человек, бывает неуживчива и даже брюзглива... Словом, беден бес, что у него Бога нет, и всё же, существа эти не вредят природе, а скорее, всем своим существом, пусть и неприглядным, охраняют её... Надо это почувствовать и понять.

- Мне становится их даже жалко. Ведь ни разу в лесу они не проявили в отношении меня какой-либо агрессии, не издевались и не надсмехались надо мной, ну, если только немножко, не особо досаждая, такова их природа, а были просто непонятны, и эта их неопределённая двусмысленность несколько настораживала, вернее, занимала... Конечно, мне хотелось познакомиться с ними поближе, и это было возможно в моих частых хождениях по лесу, когда сущности проявляли себя не раз, в том числе, и на глухарином току, но при этом никогда не пугали: скорее, напугать себя человек способен сам, если не готов к подобной встрече, и поскольку я был всегда внутренне готов, именно настроен на постижение мира, то просто принимал эту неведомую силу...

- Если почаще бывать в лесу и уметь доверять этой силе, относясь к ней уважительно, она непременно тебе откроется... Может быть, она этого и ждёт от нас, ото всех людей, а мы сторонимся её, называя «нечистой» и обвиняя во всех бедах... Стоит задуматься об этом.

И действительно, подумал я, существование этих сущностей как будто бы не преисполнено смысла... Они, вроде бы, и есть, и их, между тем, нет, поскольку бытуют они издавна больше в умах людей, нежели наяву... Ведь всё, существующее на земле, в природе, имеет смысл, а эти создания, выходит, никому не нужны. И вот, если они бессодержательны, к чему их жизнь?! Впрочем, существование такой неведомой силы может находиться за пределами смысла, что на деле и означает то же, с чего я начал: нахождение этих существ здесь, на земле, бессмысленно...

Но при условии, что ты неоднократно соприкасался с этой неведомой силой, невольно задаёшься вопросом: получил ли ты что-либо от общения с ней, чему-то научился? Может быть, и не отсутствует смысл в существовании леших, домовых и кикимор, и житие их сопряжено как раз с людским бытием, дабы человек не забывал поддерживать свою жизнь добрыми делами и настоящими поступками, поскольку внутреннее содержание её определено божественными законами, подразумевающими развитие сознания, его рост?! В этом – суцая истина, и если даже существование неведомой силы находится за пределами нашего понимания, мы сами можем наделить его недостающим разумным основанием. Именно здесь, наверное, зарыто зерно нашего отношения к окружающему миру, к неведомым лесным существам...

После разговора с Учителем я попытался представить себе это существо... Ведь оно, действительно, следило за мной, всё время находилось рядом, и, несомненно, понимало и чувствовало меня, когда я привычно расположился на подслухе, любовался звёздами, коротал ночь в маленькой избушке и встречал рассвет вместе с глухарями... Существо не могло не заметить, как радуется меня торжество просыпающейся природы, и оно, наверное, с любопытством заглядывало мне в лицо, пытаясь угадать моё настроение, то, зачем я здесь нахожусь, вроде бы, в неподходящей для человека обстановке, в такой поздний час, но между тем этот человек почему-то пристально вслушивается и всматривается во всё происходящее в природе, и это ему, по-видимому, интересно и важно... От всего этого существо, конечно, не могло недоумевать, и потому увязалось за мной, проводив до самой деревни...

Потом, по прошествии какого-то времени, и даже лет, я, как ни странно, с удовольствием вспоминал об этом существе, о том, что я ему понравился, оно побывало у меня в гостях и даже попотчевалось моей едой... Мне приятно было думать о нём, представляя, как оно выглядит, и я мысленно всегда передавал ему привет... При мыслях об этом существе, мне хочется, чтобы опять пришла весна, и я бы отправился к любимым глухарям, в очередной раз открывая для себя что-то очень важное и неповторимое, потому что не могу жить без леса, лес – моя судьба.

Неразделимо с замечательными древними птицами несу я её в себе и с восхищением доверяю самым близким людям, постигая в глубине души – главного тебе никогда не передать: это нужно увидеть самому. В порыве откровения с удовольствием замечаешь, как загораются у слушателей глаза, вздёргиваются в удивлении брови и озаряется чистой улыбкой лицо. Слушая тебя про тайны леса, люди забываются от замотавшей их обыденной жизни,

на какое-то время становятся самими собой, и как бы возвращаются в своё далёкое и невозвратимое детство.

Тебе хочется взять их за руку и повести по потаённым лесным тропинкам, чтобы они так же, как и ты, насладились увиденной тайной и почувствовали себя счастливыми. Лес бы тогда ласково коснулся их затерянной души, незаметно наполнил до краёв своей неувядающей правдой и сделал своими преданными пленниками. А может, только очаровал на миг, длящийся одно утро или день, и отпустил до следующей встречи ничего не боящимся и благодарным.

Ты же заражён этой дорогой навсегда. До помутнения, страстно, так что порой готовы выступить слёзы. Как это случилось той весной, когда ты пришёл попрощаться с глухарями, и они приоткрыли тебе ещё одну маленькую загадку: если есть лес, будет и леший!

НЕ ЖЕЛАЕТЕ В НЕБЫВАЛЬЩИНУ?

Как ни странно, многие из случаев моего соприкосновения с существами из не проявленного мира происходили со мной рядом с деревней, совсем неподалёку, о чём я поначалу даже не задумывался, пока Учитель однажды не заметил:

- Чем же ты, интересно, так привлёк эти силы?

- Я и сам бы хотел знать.

- Хоть они и выглядят неприглядно, порой, просто ужасающе, зато их чувственное восприятие намного выше, чем у человека.

- Давно это понял...

- А почему их никто не видит – знаешь?

- Мы им не нужны...

- Да, у них есть свои пространства для передвижения, но иногда они посещают и наш физический мир...

- Только вот зачем?

- Они понимают нас гораздо лучше, чем мы сами себя сознаём, и при этом не злоупотребляют своими возможностями. Если ты не нарушаешь места их обитания, никто из них тебя не тронет. При всём своём устрашающем виде, существам не зачем пугать людей, как об этом бытует народная молва.

- Но они, всё же, объявляют себя...

- Очень редко, предпочитая оставаться незаметными, им это даже ни к чему, и всё же подобное происходит... Ты их можешь почувствовать и осознать, что они находятся рядом. Ведь интересно, правда?

- Интересно всё, что связано с этим неизведанным миром, и как можно при таком многообразии жизни не проявлять к нему любознательности, не желать проникнуть в это неведомое пространство и не изучать его?

- Мы ещё не готовы воспринимать энергетику этого пространства... Впрочем, есть среди людей особо чувствующие и видящие, но и им не понять этот чужой мир: только взглянуть мельком и озадачиться... Лишь в случае, когда большинство людей придут к осознанному существованию, человечество, возможно, перейдёт в более высокое измерение, минуя место обитания этих существ...

- Мне не раз приходилось плутать в местах, что были хорошо известны, и тем не менее, никак не мог выйти туда, куда направлялся... Это какое-то существо забавлялось надо мной?

- Когда ты в лесу забываешься, просто поддаваясь его обаянию, и перестаёшь себя контролировать, это возможно. Энергетические ритмы у нас с этим не проявленным пространством находятся на разном уровне, и существо из него может с тобой поиграть, как кошка с мышкой, но беззлобно. Как я уже сказал, если мы будем развивать себя, то обойдём всякие существа в своих возможностях.

- Значит, только ради забавы со стороны этих существ и случается всякая небывальщина? А как объяснить, когда в лесу исчезает ... целая местность, и появляется другая?!

- Так...

- Да... Несколько лет назад произошло нечто необыкновенное... До сих пор не могу найти ему объяснение. И что удивительно, местные жители, прекрасно знающие всю округу, не могли мне ничего сказать о месте, находящемся прямо у них под боком, в каких-нибудь двух километрах от деревни, потому как оно то появлялось, то исчезало...

- Что за место?

- Сосняк... Метров двести на триста. Деревья явно были кем-то посажены, потому что располагались в шахматном порядке, но друг другу не мешали... Кроны – кудрявые, а ветви простирались по стволу в разные стороны от самого комля, почти что над землёй, и были какие-то необычные... Меня всегда привлекали эти деревья, и не только потому, что на них, в основном, обитают мои любимые птицы – глухари...

- А почему, кстати, глухарей привлекают именно сосны?

- Глухарь – реликтовая птица, обитающая ещё в древнюю эпоху, когда на Земле произрастали только хвойные породы деревьев, и он просто привык к этой пище...

- Но, давай по порядку...

- Во многих книгах по эзотерике, посвящённых разным мистическим явлениям, я часто встречал упоминание об исчезновении людей в параллельных мирах, куда они попадали сквозь какие-то временные «коридоры», и уже не возвращались оттуда... Как всё это на самом деле происходит?

- По поводу «входа» и «выхода» из одного пространства в другое могу подсказать, как себя вести...

- И как?

- Во-первых, нужно быть готовым к этой практике, то есть, иметь достаточный опыт прохождения через «порталы», соединяющие параллельные миры, или, как их ещё называют, «туннели», а во-вторых, если уж «заход» произошёл и ты понимаешь, что находишься не в своём временном пространстве, необходимо осторожно двигаться назад, стараясь максимально точно ступать в свои следы, причём, не поворачиваясь, возвращаясь назад спиной... Все эти действия, напоминая, сопряжены с опасностью не вернуться в свой мир.

- Как же этому учиться?

- Сначала осуществлять проход со знающим человеком, Учителем, и уже благодаря его присутствию вырабатывать своё верное восприятие того, что происходит с тобой.

- А что может дать человеку проникновение в этот потусторонний мир, в сферу жизнедеятельности неведомых людям существ?

- Ты хочешь сказать – взаимодействие с ними, с этим пространством?

- Да, если это возможно.

- Мир для тебя расширится, ты начнёшь воспринимать ценности, ранее не замечаемые... Ты даже не подозреваешь, что они существуют.

- Что это за ценности?

- Истинное понимание тех существ, что тебя окружают... Это не только животные, но и растения... Даже – ветер, огонь, вода, вообще, все стихии... Они должны чувствовать твоё искреннее внимание, что ты именно заботишься о них, переживая всем сердцем и их существование, желая познать вашу взаимосвязь...

- А ещё?

- В твоём сердце должна укорениться практика пристального наблюдения за всем, что происходит возле тебя, и тогда результат этого наблюдения утроится...

- Наверное, твои возросшие возможности не пройдут незамеченными и для окружающих нас невидимых существ?

- Да, взаимодействие их с нами усилится... Они всегда могут находиться рядом, но вступают в контакт, если только чувствительность твоя повысится. Так же и ты сможешь воспринимать их более осязательно, даже если существа будут находиться на расстоянии...

- Если твоя чувствительность восприятия повышается, то когда-нибудь ты сможешь, действительно, вступить с этими существами в общение?

- Это совершенно естественно: нужно просто расти, повышать свой уровень сознания, быть растворённым в окружающей тебя жизни, воспринимая в ней всё своим, сокровенным...

- И значит, бережно относиться ко всему живому?

- Разумеется. По-существу, мир окружающих нас животных, птиц и растений совершенно бесправен в отношении к нему людей, и человечество должно прекратить этот произвол.

- Вообще, вся природа не может терпеть надругательства над собой, и, наверное, не оставляет без внимания действия человека?

- Человек, разрушая природные связи, несомненно, губит себя... Идёт разбалансировка его организма. Каждый должен следить за тем, чтобы живое не истреблялось, а для этого необходимо быть сопричастным ему, чувствуя его боль как свою...

- Но для того, чтобы так чувствовать, нужно, наверное, в корне поменять свой образ жизни?

- К этому необходимо идти, чтобы в тебе не было места какой-либо ущербности, а только движение к изменению или искоренению сомнительных привычек, сосредоточению круга общения на тех, кто следует по такому же пути. Для этого приходится жертвовать очень многим, и ты должен быть ко всему готов. Ведь твоё осознание себя строится, как не крути, из отношений с другими...

- И не важно – сосна это, глухарь или далёкая звезда?

- Да, но связь с самим собой, с божественным сознанием, что изначально было заложено в тебе, должна быть основополагающей...

- Когда ты постоянно поддерживаешь эту связь, наверное, вырабатывается спокойствие и уравновешенность, так необходимые каждому человеку? Особенно, во взаимоотношении с неведомым...

- Когда движешься к своему истинному «я», а это невозможно, если не нашёл своего дела, всегда рано или поздно обретаешь покой: делай только то, что желает сердце, и дух твой будет здоровым, то есть, способным решать любые вопросы, при этом посвящая себя другим. Без такого посвящения невозможно здоровое воздействие на все живые существа. Ну, и конечно, на себя... Человек должен больше приобретать, чем терять, и если ты умножаешь свои знания, значит, умножаются и твои силы, укрепляется здоровье...

- В этом заключён смысл существования?

- И в этом тоже.

- А ещё в чём?

- Ты не должен стоять на месте: изучай жизнь и себя, учись мудрости существования у растений и насекомых, у всех природных стихий, и эти природные силы придут к тебе на помощь.

- Как и вы ко мне?

- Проникновение в тайны существования, как и в потусторонний мир, сопряжено с определённым образом жизни, и мне кажется, что ты идёшь верным путём, оттого я однажды и постучал в твою дверь. Человек должен жить так, чтобы находясь в постоянном поиске, открывать для себя всё новые и новые рубежи, и этот его подвижнический путь не может не привлекать других людей. Люди должны непременно почувствовать тонкие вибрации сущности ищущего человека, и благодаря им повысить и свой уровень сознания. А между тем, такой человек просто живёт, источая мощные волны энергии, он, главное, не противоречит своему истинному «я», и именно это позволяет ему влиять на стремящиеся к познанию души...

- И он приходит к людям через дела или книги, что сохраняются после него, но чаще всего при жизни остаётся никому неизвестным?

- Однажды один мудрый человек сказал: никто не обращает внимания на то, что ты делаешь, пока ты не прекратишь это делать... Как ты думаешь – почему?

- Что-то, наверное, происходит после того, как ты прекращаешь делать своё дело...

- Но почему для того, чтобы обратили внимание на то, что ты делал, его следует прекратить? Каким образом ты становишься заметен, вернее, заметно то, что после тебя осталось, и к плоду твоих трудов, наконец, проявляют интерес?

- Всё это, наверное, должно быть значимо, то есть, слова и дела, принадлежащие вышеуказанному человеку... Его, действительно, следует считать мудрым?!

- Да, человек этот по-настоящему мудр, но в чём же заключён секрет его мудрости? А суть её в том, что когда человек прекращает свою деятельность, может быть, совсем уходит из жизни, энергетические вибрации его сущности оказываются сильнее и более проникновенными, чем мысли при его жизни, и поскольку сущность, или, если хочешь, сознание и душа вечны, то и вибрации начинают вибрировать значительно интенсивнее...

Мало того, энергетические вибрации мыслей этого человека, заключённые в оставшихся после него вещах, тоже проявляют себя ещё более активно, и уже давно доказано мистиками, что вибрации в этих вещах живут миллионы лет, они, можно сказать, неистребимы.

- Это может быть рукопись автора, который ушёл из жизни, но предмет его воздействия на мир остался, и он неминуемо активизируется?

- Совершенно верно... Волны мыслей автора соприкасаются с бумагой и трансформируют её: рукопись впитывает излучение мыслей автора. Эти волны столь тонки, что могут сохранять информацию об индивидуальности автора, как я уже сказал, невероятно длительное время, прежде чем когда-нибудь исчезнут из его книги или рукописи. Жизнь физического тела брэнна по сравнению с продолжительностью существования таких тончайших волн сущности человека, что пронизывают жизненное пространство, и в понимании кратковременности его жизни, они – бесконечны. Энергия сущности человека, его исконного «я», таким образом, распространяется по Вселенной, и поскольку она более мощная, чем у живого человека, то становится ещё осязаемее, и, со временем, на неё уже невозможно не обратить внимание!

- Если Вселенная стремится к гармонии, значит, к ней должен стремиться и каждый человек?

- Работай на созидание, накапливая для Вселенной позитивный ресурс, он всегда должен перевешивать негативный, и Существование будет тебе за это благодарно. Мы все, собственно, и есть часть этого Существования, Оно – наш дом...

- И потому каждый из нас заинтересован в духовном образе жизни, непременно занимаясь в ней творчеством? К этому должны прийти все жители Земли?

- Вот ты занимаешься литературным трудом, написал добрую созидательную мысль, и она останется на бумаге в веках, помимо этого распространяясь в бесконечном вселенском пространстве, пронизывая его своей соразмерностью и нужностью, наполняя прекрасным... Тогда то, что Вселенная чудесна – и твоя заслуга, ты поучаствовал в её удивительном преобразовании, и Бог, создавая всех нас, наверное, стремился именно к

этому: чтобы мы тоже становились богами... И поэтому, сей чудесное и вечное, не переставая, но даже если ты однажды, в силу закономерных причин, прекратишь это делать, мир рано или поздно обратит внимание на результаты твоего труда. Ты, главное, твори. И ещё необходимо обязательно завершить все свои дела на Земле, всё то, что ты задумал, о чём мечтал, иначе жизнь твоя окажется прожитой впустую... В каждом воплощении нужно непременно закреплять завоевания своей души, увеличивая её энергию.

- Большинство моих знакомых, судя по их поведению, лишь готовят себя к настоящей жизни, что наступит когда-нибудь, после создания для неё необходимых условий...

- А условия эти так и не возникают...

- Как правило.

- Так люди просто откладывают решение насущных жизненных задач, не осуществляя то, чего необходимо добиваться здесь и сейчас, в настоящем времени... Это может тянуться бесконечно, и, конечно, мешает истинному пониманию жизни. Потусторонний мир тогда не откроется, но если даже это произойдёт, и ты туда войдёшь, он тебя не выпустит...

- Ну, а если ты готов, и решишься отправиться туда один, без Учителя?

- У тебя был когда-нибудь хотя бы приблизительный опыт попадания в подобные ситуации? Свой опыт и чужой – разные вещи...

- Не знаю, можно ли это сравнить с попаданием в «туннель», но однажды мы с бабушкой, с нами ещё был мой десятилетний сын, пошли на покос, располагающийся неподалёку от деревни. Бабушка обещал нам показать богатую земляничной поляну...

Стояла макушка лета – благодатный июль, и нам с сыном не терпелось насобирать целое лукошко ароматных ягод. Бабушка же захватил с собой узелок с едой и косу, его одолевала иная забота. Шли мы недолго: напрямую от деревни километра полтора-два, не больше, и, несмотря на то, что день с самого утра выдался жаркий, шагалось легко. Бабушка дорогой рассказывал, что земляники на его покосе видимо-невидимо, мы, мол, в любом случае не прогадали.

- Шли-то к этому самому сосняку?

- Вернее будет сказать – на бабушкин покос, за земляничной, а необыкновенный сосняк располагался в непосредственной близости от него, рядом с большой поляной, и когда мы туда пришли, я сразу почувствовал, как там было приятно находиться, как-то волшебно... Вроде бы, такой же лес, как и везде, летнее солнце встаёт разомлело и радостно, как бывает

только в июле, но не покидало ощущение, что мы находимся именно в необыкновенном месте...

- Да и сами сосны, наверное, способствовали этому настроению?

- Что верно, то верно. Никакие из лесных деревьев не растут так торжественно, как они... Тихо меж ними всегда, покойно, и ты знаешь, что сосны никогда не оставят тебя без своего внимания, заботливо наблюдая откуда-то сверху. Ты сразу чувствуешь это, когда оказываешься среди них. В такие минуты особо ощущаешь небесное пространство, в восхищении устремив взгляд к верхушкам деревьев. Это сосны раскрыли тебе его, они глядятся в бескрайность.

- Мне тоже нравятся сосны... Люблю, когда они полнят лесную тишину своим величественным шумом. Поначалу он накатывается отдалённо, как если бы тут было море, постепенно охватывает тебя всего, а потом стекает по отлитым долгой жизнью стволам вниз, в землю, где несут свою нелёгкую ношу их корни... Ты это чувствуешь.

- А ещё приятно ощущать, как сосны будто вглядываются в прошлое, и от этого у них вырастает душа, за ней – тянется тело, и сосны становятся ещё более прекрасными... Сколько увлекательного они, наверное, могут поведать, и так хочется быть похожим на это необыкновенное дерево, тихо проповедующее чистоту и мудрость...

- Красиво...

- Вот меня сразу и потянуло забрести под те сосны, бродить тихонечко между ними, будучи очарованным их душистой тенью, словно разыскивая что-то неведомое, и, действительно, воспринимались они необычными, таких сосен я раньше не видел: высокие, раскидистые, но ветви начинают произрастать от комля, протянувшись в разные стороны прямо над землёй... Ещё во всём этом сосновом пространстве угадывалась замершая тайна, и в то же время я не переставал наслаждаться проистекающим вокруг июльским днём. Под сенью этих сказочных сосен я позабыл и про дедушку с сыном, и про землянику, и про распростёршее свои объятия роскошное лето...

- А не было ощущения, что тебя кто-то будто околдовал?

- Не помню, как я остался один, это оказалось совершенно стёрто из памяти... Вспоминаю только, как спокойно и радостно светило поднимающееся над лесом солнце, я сидел на огромном пне, посреди раскинувшейся вокруг поляны, и что удивительно, травяной покров на поляне был будто кем-то подстрижен, тогда как повсюду в лесу бушевали высокие сочные травы, но коса его, это хорошо было видно, не касалась... Складывалось ощущение, что трава на поляне никогда не вырастает, и всегда

остаётся как будто подстриженной какой-то неведомой энергией... Всю поляну покрывал матовый налёт росы...

- Что ты чувствовал?

- Умиротворение, я даже про сына с дедом забыл... Сидел, наслаждаясь всем тем, что меня окружает, и никуда не хотелось идти. Только позже подумалось: откуда бы на такой большой, чистой полянке взяться этому пню? Он как будто существовал только для того, чтобы мне было где примоститься...

А затем я обратил внимание на аккуратный следок, напоминающий детскую ножку, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребёнок: откуда бы ему взяться? След убежал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило...

Чуть поодаль пролегал ещё один, точно такой же след, и у меня подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, которые не могут сейчас оставаться без матери, одни, и значит, она тоже где-то поблизости, и следует быть внимательнее. И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в траве, напоминающие отпечатки лаптей... Будто деревенская баба с двумя малыми детьми отправилась рано поутру по ягоды, невольно заплутала, но не растерялась и вывела своих малышей к дому... Такая в этих следах чувствовалась уверенность и забота, хотя они и не пересекались.

Оглянувшись я вокруг, присел опять в растерянности на пенёк, и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе... Я даже, в последствии, написал маленький рассказ об этом случае под названием «Бродки»...

- А что потом?

- Сколько всё это продолжалось по времени, сказать не могу, но возвращались мы в деревню уже днём. Причём, как появились дед с сыном, я тоже не помню... Запечатлелось в памяти только то, что идём просекой вместе: дед впереди, а мы за ним, и ни дед ни сын не спрашивали меня – где я был, как и мне не пришло в голову поинтересоваться – набрали ли они земляники... Позже сын оговорился, что пока дедушка косил траву, он кушал ягоду прямо с кустиков, и она была очень вкусная... Я тогда не обратил внимания на забытье, в котором невольно оказался, и лишь через много лет стала вырисовываться картина того, что со мной в действительности происходило...

- Это было связано именно с сосняком?

- Да.

- Открывшийся тебе сосняк с земляничной поляной не был случайным, и он возник только для тебя, тогда как сын с дедом в этот момент оставались там, где находились, и даже не заметили твоё отсутствие. Они не видели, как ты один наблюдал за всем, что происходило с тобой, и продолжали оставаться в привычном для себя пространстве, тогда как ты в это время пребывал в ином, почти не удаляясь от них... Был рядом, но в чужом мире, очень похожем на только что оставленный: в нём тоже присутствовали сосны, медведи, солнце и земляника...

- Как такое возможно: ведь мы были вместе? И почему сосняк оказался именно для меня неслучайным?!

- Просто тебе была дана возможность увидеть то, чего не видят другие. Для чего? Будет зависеть от твоего дальнейшего рассказа...

- ???

- Сам подумай: Существование не зря позволяет кому-то заглянуть в иное пространство, входящее, между тем, и в наше мироздание, но для большинства людей остающееся недоступным... Есть притча: мудрец шёл пустыней, устал, и встретил на своём пути деревню с цветущим садом... В ней – родник с чистой и вкусной водой... Он отведал плодов, напился воды, и, отдохнув, пошёл дальше... А между тем, по этому самому месту проходили сотни других людей, но они просто не видели деревню, и не могли насладиться плодами и отдохнуть.

- Значит, я тоже был готов увидеть?

- Ты ощутил на себе иные вибрации, наверное, более тонкие, тебе было хорошо там, и прямо рядом с тобой проследовали медведи... Появись ты чуть раньше, и может быть, увидел бы их... Но и то правда, что такая встреча, с медведицей, озабоченной в эту пору воспитанием медвежат, скорее всего, не принесла бы радости, а ты всё же ощутил присутствие зверей, стояло прекрасное июльское утро, и даже написал рассказ! Так что потом случилось с этим сосняком?

- Поздней осенью, уже по снегу, мы с товарищем решили вдруг удостовериться – обитают ли в этом сосняке глухари? Рано поутру направились туда на лыжах, а чтобы его достигнуть, нужно было преодолеть лог, где в самой его низине мы летом с дедушкой и сыном обнаружили скопище бабочек-боярышниц, усевшихся на грязи большой высохшей лужи, и дедушка об этом скоплении белых бабочек сказал так:»На дороге грязь, так овёс – князь, а если по ней бабочек рой – год будет грибной!» Кстати, прогноз его с точностью подтвердился...

Я хорошо помнил, что поднимаясь из лога по крутой лесной дорожке, сосняк сразу вставал перед глазами глухой стеной, так что невозможно было

миновать сосны, не заметив их. И действительно, вскоре показались заснеженные верхушки кудрявых деревьев, а ещё через какое-то время с одного из них сорвался большой глухарь, за ним, чуть поодаль, копалуха, когда же мы решили обойти сосняк с разных сторон, то уже почти на выходе из него, прямо у меня из-под ног, сиганул заяц-беляк... Косой, по-видимому, привлёк сороку, усевшуюся на самой крайней сосне, и она засокотала что есть мочи, чуть ли не сваливаясь от возбуждения с неё, так что невозможно было её не запомнить.

Про этот сосняк я потом тоже написал рассказ, как и про медведей, и всё благодаря этой самой обыкновенной сороке, которая вела себя как раз необыкновенным образом: она подражала глухарину пению! Имитация привычных звуков присуща многим птицам, и эта сорока, видимо, не раз присутствовавшая при глухаринем токовании, не могла не запомнить необычного голоса, подаваемого глухарём весной, и с удовольствием ему подражала. Словом, сосняк этот невозможно было не запомнить или спутать с другим, тем более, что во всей округе подобного бора просто не существовало, местонахождение его уже не вызывало у нас каких-либо сомнений, к тому же, дорога к нему была одна-единственная, заплутать негде, и вот однажды этот сосняк ... пропал!

- Ну-ну...

- Я ума ещё не лишился, и когда мы с любимой женщиной отправились через несколько лет на тот самый покос, за земляникой, сосняка на месте не оказалось.

- Шутишь!

- Ей-богу, он - исчез! Там, где росли сосны, широкой полосой раскинулась теперь липовая дубрава, вперемешку с елями, причём, возраст деревьев составлял минимум сто лет, а следа от сосняка – никакого. Я обошёл всё место, рассчитывая увидеть хотя бы пни, но, ни одного, не обнаружил. Это было поразительно!

- А покос... Вернее, поляна с пнём, где ты заметил бродки медведей?

- Поляну эту, что располагалась прямо напротив сосняка, я прекрасно запомнил с лета, но она также отсутствовала... Мы тщательным образом обследовали окружающую местность – ничего! Что можно было подумать при этом о таком исчезновении целого соснового бора и большой цветочной поляны?! У меня не возникало никаких предположений: та же дорога через лог, в низинке – засохшая лужа, где когда-то располагались в обилии бабочки, тот же крутой подъём, на котором смешно покряхтывал дедушка, но сосны – пропали!

Потом, расспрашивая местных жителей, я был очень удивлён, что ни один из них ничего об этом сосняке даже не слышал, между тем, как сосняк в своё время находился поблизости от деревни, и люди, постоянно обращающиеся по всякой надобности к лесу, не могли о нём не знать. Всё это было очень странно...

- Ну, что я могу сказать... Вероятнее всего, ты побывал в разных реальностях, и каким-то образом избежал возможности заблудиться в одной из них. Механизм проникновения в иную, может быть, параллельную действительность, совершенно не изучен, и какие-либо знания в этом смысле добываются на основе собственного опыта, порой оборачивающегося для человека обычным исчезновением, подобно этому сосняку, что находился где-то, к нему можно было прийти, и не раз, а потом он улетучился неизвестно куда...

- Значит, мне сильно повезло?

- Можно сказать и так. Вообще, любопытно было бы побывать там, в этом самом месте...

- Место очень необычное... Но выходит, раз я когда-то попал в отсутствующее теперь пространство дважды, это не может быть случайным?

- О чём я тебе уже и говорил... Попасть в реальность не проявленного мира не просто. Но существуют точки соприкосновения разных пространств, они достаточно постоянны, и я не исключаю возможности побывать в одном из них...

- А этому может способствовать перемещение небесных тел?

- Вполне. Почему ты спрашиваешь?

- В тот год, когда происходило проникновение меня и близких мне людей в то место, где потом исчез сосняк, на небе долго была видна комета...

- Подробнее...

- Она появилась на нём в начале девяностых прошлого века, но стала видна невооружённым глазом весной 1996 года, а в начале 1997 подошла к Земле на минимальное расстояние, и сияла ярче любой, видимой нам звезды, даже – Сириуса... Астрономы считают, что эта комета стала самой ярчайшей за последнее столетие. Название – Хеёла-Боппа, в честь двух американских астрономов, именно они считаются её первооткрывателями.

- Сколько эту комету можно было наблюдать в северном полушарии?

- Всю ночь, сразу после наступления сумерек. Астрономы подсчитали, что вернётся она к Земле в середине пятого тысячелетия. Последний раз она гостила у нас более четырёх тысяч лет назад.

- Я смотрю, ты неплохо подготовился.

- Часто вспоминаю эту комету, она произвела на нас с приятелем сильное впечатление, когда мы увидели её впервые, и потому я постарался узнать об этом небесном событии как можно больше.

Стоял ноябрь, снег только выпал, но было морозно, и на вечернем небе в обилии высыпали разноцветные звёзды. Мы возвращались в деревню после того, как провели в лесу несколько дней, и вдруг, прямо над головой, увидели яркий, синевато-серебристый хвост этой кометы, что будто расчёсывал всё вечернее небо на две огромные половинки...

- А почему ты связываешь появление этой кометы с пропавшим сосняком?

- Я только недавно подумал об этом... Ведь оба раза, когда мне пришлось побывать в исчезнувшем потом месте, сосняк находился там именно во время пребывания на небе этой кометы, в одном и том же году: сначала – летом, а затем – поздней осенью... Пропала комета с неба только в начале следующего года, и вместе с ней, вероятно, закрылось пространство с земляничной поляной и сосняком... Странно только, что так выборочно... Ведь пропала только небольшая лесная площадь...

- Вполне возможно, что воля неведомой кометы повелевала раскрыться в природе чему-то необъяснимому для людей, такое в «небесной канцелярии» случается, и растворилось лишь незначительное окно, именно в том месте... Своим коротким присутствием у Земли это космическое тело на какое-то время изменило течение жизни на ней, показав существующее рядом, но невидимое пространство, зачем-то озадачило этой переменной, а затем оставило, так ничего и не разрешив...

- Как же можно истолковать подобное явление, участвуя в нём, но не в силах осознать? Для чего оно было дано?!

- Так устроена Вселенная, она полна непознаваемых загадок, и тем ещё более притягательна... С неожиданно открывшимся ты обретаешь собственный опыт переживания, а он – бесценен. Или тебя не радует поиск и обнаружение своего внутреннего источника? Но ведь его, как и всё Сущее, невозможно понять без пристального взглядывания в окружающую тебя жизнь, без непосредственно пережитого опыта, когда он оказывается безграничным... Или ты думаешь получить что-либо ценное, не подвергая себя напряжённому и очень вдумчивому поиску?

- Да нет, я стараюсь быть бдительным, и не боюсь оказаться в затруднительном положении. Как говорится, делай своё дело, предоставляя результаты Божественному...

- Только так и можно добиться истинного знания, и конечно, ты должен избавляться от ненужных треволнений, когда решаешься вступить в

неизведанное... Входи туда только с интересом в душе, с радостью, что становишься сильнее: ведь непознанное непонятно тем, что непривычно, и его просто следует сделать своим.

- Я, действительно, стараюсь, и мне всё это очень интересно.

- Ведь самая большая в жизни радость – это наши усилия по своему духовному росту! Готовность отдавать всего себя во имя собственного счастья – есть единственное, ради чего стоит жить. Жить в согласии с Великим Существованием, что только и ждёт от нас работы над собой, и если ты на самом деле отдаёшь всего себя дарованной тебе возможности быть счастливым, ты получаешь то, чего хочешь. Нужно только быть к нему готовым, то есть, совершать духовные усилия, и вознаграждение не заставит себя ждать! Тебе должна быть присуща жажда духовного исследования, проще говоря, стремление познавать мир, но не всё в нём, а для начала – что-то одно, зато непременно достойное, в интересном для тебя направлении...

- Хотя бы это был лес с его тайнами?

- Избавишься при этом от суеты, обретёшь способность и видеть иные пространства, и заходить в них, возвращаясь. Всё зависит от накопленной в себе силы.

- Как это можно будет в себе почувствовать?

- Ты насчёт избавления от суеты?

- Да.

- Настороженность, если она придёт, не должна выводить тебя из себя. Ты остаёшься покойным, обостряется лишь внимание. Человека невозможно ничем расстроить, и он не проявляет напряжения в общении, с кем бы оно ни происходило.

- Это можно назвать свободой?

- Просто – независимость, которая ни для кого необременительна. Нужно только постоянно работать над собой, ставить себя в реальное взаимодействие с разными жизненными энергиями...

- Это и звери, и неведомые существа?

- И море, и облака со звёздами. Сначала действуй, а потом уже отвечай себе на возникающие вопросы... И доверяй себе, ни к кому не обращай: до всего доходи сам.

- Важно иметь цель?

- И действия по её достижению. Нежелание действовать – разрушает. Почувствовал, что надо делать – делай, и так, постепенно, доведёшь себя до состояния, когда всегда будешь знать – что делать. В твоих действиях должна присутствовать стабильность.

- Как и в отношении к лесу и его обитателям?

- Конечно. Иначе не имеет смысла вообще жить. Смысл – в силе, что накапливается в результате постоянных действий. Будь внимателен к своей жизни, только и всего.

- Я всегда с детской непосредственностью окунаюсь в приключаящееся со мной событие, и всё же до сих пор не нахожу ответа: в чём заключался смысл произошедшего? Я имею ввиду исчезнувший сосняк и поляну... Может быть, только в том, что Существование продемонстрировало таким образом многогранность окружающего мира, его необозримую глубину?

- И что постигать её ты должен сам, не опираясь на безопасность кого-либо, в чём присутствии тебе никто не угрожает, а идти надлежит своей дорогой, не теряя её. Неразрешимая опасность на этом пути – благословение, ищущему человеку для расширения души необходимо оказываться в таких необъяснимых ситуациях, чтобы постепенно становиться бесстрашным. Чем больше известного, привычного, тем меньше шансов обрести смелость, а тебе нужно постоянно проявлять храбрость, обходясь в разрешении жизненных вопросов одному, без чьей-либо помощи.

- Только в этом случае, когда ты именно один, откроется истина?

- Если ты искренен в поиске истины, то просто обязан оказаться в абсолютном одиночестве в объяснении Мироздания, так тебе будет легче преодолевать препятствия в своём длинном путешествии. Чтобы достигнуть осознанности, следует как можно чаще попадать, казалось бы, в неразрешимые ситуации, ибо понимание приходит через решительные усилия, не подверженные страху. Встречается на пути нечто необъяснимое, и ты обязан его разгадать, причём, сам, без посторонней поддержки, не укрываясь под чьим-либо спасительным крылом.

- Словом, смело ступай навстречу неразгаданному, ибо оно прекрасно, и, несомненно, украсит твою жизнь?

- Человек интуитивно чувствует, куда ему следует идти, а куда – нет. Тем более, в лесу, если бывает в нём часто. Так и потусторонний мир, он либо отвечает на проявленное к нему внимание, либо не проявляет интереса.

- Если проявляет, то зачем ему это?

- Это происходит на энергетическом уровне, происходит просто потому, что так устроен мир: действие порождает противодействие, но не обязательно оно может быть губительным...

- И так, сопереживая эти соприкосновения, человек набирается опыта?

- Да, эта связь укрепляет его. После каждой встречи нужно прислушиваться к себе. Кстати, таким образом избавляешься от накопленного в городе напряжения.

- Очень действенно?

- А ты разве не почувствовал?

- Ещё не научился в полной мере, сразу, отдавать отчёт происходящему...

- Если совершаешь действие и уверен, что желаемый результат последует, так и получается. Только ты должен именно желать и знать – зачем ты это делаешь. Никогда не делай того, что тебе не нужно, неинтересно, иначе энергия растрачивается впустую. Когда же осознаёшь совершаемое тобой, достигаешь очень многого...

- И это помогает выстраивать свою жизнь...

- Совершенно точно. Приучайся во всём, даже, казалось бы, в случайных мелочах, выявлять существенное.

- А что происходит со временем в этих, невидимых нам, пространствах? Как оно движется?

- По своим законам, оно там объёмно.

- Как это?

- Мы воспринимаем время, как прошедшее и настоящее, о будущем, что там произойдёт, мы лишь предполагаем, а в не проявленном пространстве оно постоянно видоизменяется, и к этому нужно быть готовым. Оно может представлять вокруг тебя разным, каждый день изменяясь, и ты сегодня способен попасть туда, где бы ни за что не оказался вчера... Всё в том мире постоянно происходит по-новому...

- То есть, ты можешь не обнаружить завтра того, что было сегодня, оно пропадает? Но как это возможно?

- Те, кто находятся там, угадывают изменения, и соответственно им - реагируют на все перемены... Они более чувствительны в эмоциональном смысле, а значит, и подготовлены...

- Если так, обитающие в этих пространствах люди и существа, находясь в каком-то эмоциональном равновесии, способны пребывать в изменяющемся физическом состоянии то время, пока из него не выйдут внутри себя, оставаясь какое-то время в своей внутренней уравновешенности?

- Да. Их внутреннее время может оставаться неизменным, тогда как линейное утекает вперёд, и наоборот. Они способны повернуть внутри себя время вспять, и это отразится на их внешнем виде. Если ты способен руководить своим эмоциональным настроением, ты управляешь и временем. Время там, как пластилин, его можно лепить...

- Не могу в это поверить.

- Вот тебе удалось дважды войти в это неведомое для тебя пространство и выйти из него, причём, с близкими людьми, а те, кто в нём живут, осуществляют подобные перемещения постоянно.

- Можно в себе подобную способность развить?

- Это зависит от большой работы над собой, от уровня приобретённого опыта и частого попадания в пограничные ситуации, от того, как ты относишься к окружающему миру природы, научишься ли управлять своими чувствами и воспринимать тончайшие энергии...

- А ведь я оказывался, и не раз, в ином пространстве ... во сне, и то, что я там встречал, было мне хорошо знакомо! Эти видения касаются леса... Я иду во сне по хорошо известному мне в лесу месту, к любимой избушке, но ни этой избушки, ни этого леса в моём, физическом мире не существует... Это я точно осознаю, но и приснившиеся лесные уголья я знаю хорошо.

- Потому что ты там неоднократно бывал, только ... выходя из своего тела. Неосознанно, во сне...

- Как добиться этого наяву?

- Если ты начинаешь осознавать свою природу – происходит трансформация, и наоборот. Когда ты, со всей полнотой чувств и полным пониманием собственных внутренних устремлений, поворачиваешься к постижению истины и принимаешь природу страха и гнева, развивая в себе более высокие способности всепрощения, тогда эмоции становятся твоим инструментом. Внутренний поиск обязательно приведёт тебя к постижению своей божественной природы. А пока – неосознанное блуждание в эфирном теле, отвечающем, как раз, за эмоции, и невозможность выйти в астрал, то есть, свободно путешествовать в иных пространствах...

- В общем, не поддаваясь страху и сомнениям, необходимо проживать их во всей полноте?

- Мощь твоего чувствования достигается только после прохождения через пристальное мышление, и решительный выход с помощью его к пронизательности.

- Всё-таки интересно: как сокращаются интервалы времени в этом не проявленном пространстве?

- Время не так важно, как это многим кажется. Главное, чтобы человек был внутренне готов к принятию любого события, и оно рано или поздно произойдёт. Промежуток времени может быть сокращён, когда приближаешься к своему истинному «я», оказываясь в непосредственной близости от божественного. Но к этому опыту нужно заслуженно прийти.

- Получается, что время – это иллюзия?

- Во сне это проявляется в полной мере, когда за минуты можно увидеть жизненную историю, длившуюся годы, например, всю молодость или детство. Временная протяжённость, на деле, не имеет никакого значения, и у разных живых существ существует иное восприятие времени.

- Так и у влюблённых?!

- Именно... Время сжимается и разжимается в зависимости от нашего чувственного восприятия, от состояния ума... Ты счастлив – время утекает мгновенно, пребываешь в страданиях – оно, кажется, стоит на месте. Вывод?

- Не стоит отождествлять себя с умом?

- Верно, потому как ты – не ум, а нечто большее, и следует стремиться к обретению абсолютного опыта, когда наступает истинное пробуждение, и временные рамки теряют всякий смысл: ты можешь их замедлять или ускорять. Главное, распознать своё внутреннее существо, и тогда наступает время понимания всего, что нужно понять и верно отнестись к нему.

- И в своей жизни, и в окружающем мире?

- Да. Надо чувствовать жизнь, её ритмические посылы, а они – многообразны...

- Чем богаче твой жизненный опыт, тем более заслуженный результат?

- Верно.

- Но ведь ритмы бывают и у времён года, и у растений, и у твоего самочувствия, и у всякой пищи... Необходимо их все чувствовать?

- Для человека очень важно верное восприятие этих ритмов, изменение себя под стать им, иначе – разбалансировка организма, всей жизни. Вот ты можешь сейчас сказать, что именно дали тебе все твои долгие хождения по лесу, встречи с этими не проявленными существами?

- Наверное, я стал более внимательным и к себе, и ко всему, что меня окружает...

- Как ты думаешь – почему?

- Неведомые силы совершенно точно угадывали мои чувства и мысли, даже предвосхищая их в своих действиях, и это меня поразило. Захотелось быть таким же чутким, понимая все явления природы, деревья, камни, не нанося им этим вниманием никакого ущерба, просто – дружить с ними, быть для них хотя бы чуточку полезным...

- В чём интересно?

- В том, что мы живём вместе, в едином мире, пусть и многого не видим из их существования...

- Вот это доброе чувство к живым тварям тебя и выручает.

- Мне порой кажется, что я слишком добр, чтобы поступать умно, но именно благодаря душевной чистоте ощущаю себя порой мудрецом... Жить иначе, наверное, непродуктивно.

- Замечательно то, что ты не боишься энергии этих ситуаций, в каких оказываешься: потусторонние силы очень не любят человеческого испуга, это может даже их разозлить, но ненадолго. Если ты испугался, значит, навредил себе. К неведомому можно идти только с открытым сердцем...

- А ещё необходимо выбрать верное направление!

- Но и тогда ты можешь оказаться там, где и не предполагал.

- Как в моём случае?

- Да. Ты попал в чужое пространство, где, как и у нас, есть сосны, просеки, в общем – лес, другие люди со своими домами, но только все они – не из того пространства, в каком обитаем мы... Так получилось, что с тобой там оказались сын, дедушка и приятель, но не факт, что они воспринимали всё точно так же, как ты...

- А что было бы, если бы мы в этом чужом пространстве остались?

- Вы бы там не остались, поскольку попали туда случайно. В случае же осознанного появления в параллельном мире, пришлось бы применять технику, о которой я тебе уже рассказывал. Сложность нахождения не в своём мире в том, что там, несмотря на схожесть с привычной для тебя обстановкой, ты не сможешь приспособиться, всё для тебя будет чужим, хотя и похожим. Ты просто пропадёшь. Только очень подготовленный человек может войти в иное пространство и выйти.

- Ещё я вспомнил, что встречаясь с не проявленным, со временем, незаметно, во мне стало пробуждаться видение того, чего я раньше бы не заметил... Качество отношений и с лесом, и с людьми необыкновенно повысилось. Мир открылся мне иными гранями, и я стал внутренне богаче, выделяя для себя совершенно новое, полезное знание...

- Всё?

- Я стал абсолютно доверять своей интуиции, тому, куда двигается моё тело, лишь слегка подправляя это движение, и, в результате, перестал ошибаться, делая всё правильно, как того требовала ситуация. То есть, в гармонии с собой и окружающим.

- А вот это уже другой, более высокий уровень сознания.

- Я это почувствовал в себе, и мне стало интереснее жить. Ещё чувствительность к звукам повысилась, способность осознавать, что деревья постоянно переговариваются, травы напевают, камни очень звучно молчат, стоит только протянуть к ним руки или прислониться... Можно просто сесть

с ними рядом, ни о чём не думая, и отдаться на волю всех этих природных звукосочетаний, проведя хотя бы полчаса в отрешённом состоянии...

Раньше я о подобной практике даже не задумывался. Вернее, оставался подолгу один на один с природой, но делал это неосознанно. Теперь же всё общение с окружающим миром происходит непроизвольно, как будто только так и должно быть, и вот после такого слияния с природой стали открываться новые энергии: и у земли, и у деревьев, и у облаков...

- К этому нужно прийти, быть готовым...

- Да, я давно уже убедился в том, что этих энергий очень много, и если, верно восприняв, во время не освободиться от них, они тебя могут просто повергнуть... Меня спасает то, что я освобождаюсь от такого энергетического наплыва в творчестве, в своих книгах, после чего чувствую, что здоровею и душой и телом, самочувствие ощутимо укрепляется... То есть, энергии эти мною усваиваются, но приходит всё незаметно, как бы исподволь... Ты и не замечаешь, что становишься сильнее. Даже не так: проникновеннее, и совершенно естественно воспринимаешь перемены в настроении растений, деревьев, земли, даже воздуха просто потому, что тебе по-настоящему интересны стали их жизни...

- Тут ещё очень важно находиться в общении с природными силами в одиночестве, тогда считывание энергий происходит беспрепятственно.

- А что происходит с вырубленными лесами? В тех лесных пространствах, где я оказывался во сне, или – в астрале, ни разу не встречал срубленного дерева...

- Их там защищают... Те, кто это делает, способны создавать свою реальность, и лес растёт от поколения к поколению через своих предков... Именно они напитывают потомков накопленной силой...

- Но рано или поздно эти деревья созревают?!

- Ты забываешь: люди, проживающие там, сами формируют реальность, на что мы в своём мире пока не способны.

- А могут деревья из другого мира проявиться в нашем?

- Когда-нибудь это станет вполне возможным. Несправедливо, то есть, не во время и не по лесным законам срубленные деревья, вернее, их души, обижаются на людей, не воплощаются больше в прекрасных великанов, могут и вообще покинуть этот мир, перейдя в другой. Оттого и леса наши в последние годы значительно оскудели...

- Интересно: видят ли сны духи леса и все эти невидимые нам существа?

- Не только они, но и деревья, скалы, озёра и ручьи... Человек привык подгонять всё своё восприятие мира под себя, но мир этот многолик... Может быть, поэтому никто из параллельных пространств и не желает

объявляться здесь, у нас, ибо соизмеряют свои желания и поступки с местом, где обитают. Относятся с уважением к окружающим их силам и самим себе. Ведь эти силы тоже думают, мечтают и видят сны. Они, наверное, вспоминают о былых временах, когда ещё не были так чувствительны и тонки, но при этом никогда не опускаются до прежнего уровня.

- А как ведёт себя какая-нибудь местность, её духи, когда возле неё появляется человек?

- То, что всё живо и созидательно вокруг тебя, можно убедиться, придя в какое-то место, где ты до этого отсутствовал... Нужно просто сесть и внимательно проследить за происходящим... Может быть, полчаса или даже час... Но, как правило, энергия окружающих тебя явлений и стихий не заставляет себя долго ждать.

Если ты будешь очень внимательным, то вскоре заметишь, как картина, раскинувшаяся перед тобой, начинает изменяться: в ней просыпается энергия, обращённая именно к тебе. Поскольку большинство людей не внимательны, и им не присуща в полной мере любознательность, они этого не замечают. Природа же вещей реагирует на всё, что происходит рядом, как только появляется живой организм: эта внутренняя природа находится в ожидании – какие образы начнёт создавать появившийся организм? Если гармоничные – между энергиями устанавливается связь, так живёт всё живое, если нет – затаивается, впрочем, не переставая наблюдать.

- И эти изменения невозможно не заметить?

- Только в том случае, если ты бдителен. Энергия твоей мысли влияет на ситуацию, она пробуждает её, а дальше всё зависит от тебя, от твоей содержательности.

- Значит, когда я нахожусь в согласии со своим внутренним «я», способен влиять на иные существа?

- Всё просто. Ты и предметы, находящиеся в непосредственной близости от тебя, пребывают в этот момент вне времени, и вот в этом состоянии ты и можешь создавать новую реальность, то есть, творить, как ты это делаешь за своим письменным столом. Эффективность создаваемого будет зависеть от уровня накопленной тобой энергии...

- И меня никто не будет контролировать?

- Существование не приемлет несообразности в отношении собственной целостности: Оно, конечно, защищает себя, и как только почувствует для себя опасность, прекрывает тебе все потоки энергии...

- Вот почему в такой ситуации всегда ощущаешь вокруг пустоту!..

- Божественное Существование абсолютно не терпит несоразмерности, отсутствие гармоничного течения событий... Оно заточено на созидание и радость.

Если ты действительно идёшь к пониманию того, что с тобой в этом мире происходит, и что ты в нём способен произвести сам, то это никогда не решится за год или два, а только в течение многих жизней, потому что тебе следует окрепнуть в них, став сильным, а главное, прожить эту, свою единственную и неповторимую жизнь достойно, потому как такая добрая возможность тебе уже не будет предоставлена...

- Иначе человека не научить ценить отпущенное ему время жизни?

- Мудрость каждой жизни заключена в возможности заниматься тем, к чему склоняется твоя душа. Вот, как это делаешь ты...

- Больше всего, ещё с детства, мне не нравилось, когда навязывают чужие жизненные ритмы.

- И что ты делал?

- Выработывал свой, не мог иначе.

- И чувствовал себя при этом прекрасно?

- Понял однажды: по-другому здоровую жизнь не выстроить. А главное, осознал со временем, что никто этому помешать не может, когда, казалось бы, противодействие будет оказываться мощное...

- Вот, как раз, боязнь этого противодействия и мешает многим изменить свою жизнь к лучшему.

- Увеличить свою энергию?

- Добиться ровного энергетического настроения, не зависящего от кого-либо или от чего-либо, когда сам определяешь свою жизнь. Но это состояние имеет свою цену...

- ???

- Тебе не приходится надеяться на защиту социума, и временами ты должен быть готов лишать себя комфорта, беря ответственность только на себя. Быть в поиске, значит, отвечать за всё самому, быть более жизнеспособным, чем другие.

- Получается, ищущий преобразует жизнь?

- Подаёт пример того, что это возможно, что существуют более реальные и жизнеспособные энергетические ритмы, если решиться отойти от привычного.

- Которое уже не продуктивно?

- Да. Всегда необходимо развитие, и чтобы энергия, оставленная после себя, жила. Бог всё дал человеку, да не всё открыл только для того, чтобы тот

сам в жизни разобрался, до всего смог дойти своим умом и никогда бы не ленился этого делать, не допуская ничего лишнего.

Так не желаете ли, дорогой читатель, оказаться невесть где, забредя неведомо куда? И коли не спасуете, то отправляйтесь в лес – не по ягоды с грибами, а за чудесами и тайнами, где они на каждом шагу, когда ты до них большой охотник. И тогда уж надейся только на себя, не пеняй на судьбу, ибо все беды пропадут, как в воду уйдут, если ты к истине тянешься, и значит, правдой живёшь. А правда только силу духа любит, ведь ты можешь, отправившись за ней, и не вернуться...

Вот отчего и нужно иметь в душе отвагу и твёрдость, потому как без правды жить легче, да помирать тяжело, и нет для тебя счастья без дальней дороги: что тут мудровать? Что ни говори, а чудеса с тайнами нам надобны, без них не житьё, а вытьё, и потому, если взялся за гуж, не говори, что не дюж, так как верное тут слово одно: где наше не пропадало! Но, как говорится, чего душа желала, того Бог и дал.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы, наверное, не можете не спросить: так в чём же заключена природа небывальщины, что не всякому попадается в лесу на глаза? Она – в самой природе жизни, что призвана удивлять и очаровывать. Радость постижения этого удивительного мира – это дорогая сердцу сопряжённость с его неизведанной тайной, и суть её – поклонение божественному существу Мироздания. Природа чудесной жизни, созданной богом, не может не быть небывалой, она именно божественна, и разгадывать её – великое благо.

Так повелел Господь, Величайшая Непознаваемая Энергия, дарующая всему свету жизнеутверждающую и несравненную ни с чем любовь, такова её природа. Так будь благословенна божественная лесная страна, я счастлив, что имею возможность находиться в твоей обители постоянно, и, пребывая в ней, делаю только то, что должен делать, и именно это у меня получается лучше всего: быть радостным и счастливым!

14 февраля 2023 года

Г. Пермь